

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет

ДЕМЧИК Е. В.

**ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СИБИРИ В
1920-Е ГОДЫ**

*Учебное пособие для студентов
по направлению «История»*

Барнаул 2018

© Демчик Е.В., 2018
© Алтайский государственный университет, 2018

сведения об издании

УДК 33:94(571.1/.5)(075.8)
ББК 65.3(253)613я73
Д 318

Автор
Евгения Валентиновна Демчик

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова
д-р ист. наук, проф. В. П. Зиновьев

Д 318 Демчик, Е.В. Частное предпринимательство в Сибири в 1920-е годы [Электронный ресурс] : учебное пособие для студентов по направлению «История» / Е.В. Демчик ; АлтГУ. – Электрон. текст. дан. (1,9 Мб). – Барнаул : АлтГУ, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD+R). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

Учебное электронное издание

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по направлению «История». В учебном пособии представлены результаты научной работы автора по комплексному изучению проблем частного капитала 1920-х гг. в Сибири с учетом накопленного исследовательского опыта и на основе анализа широкого круга разноплановых источников.

Рассматриваются процессы возрождения и развития частнопредпринимательской деятельности в Сибири в условиях новой экономической политики, ликвидации частного капитала государством в конце 1920-х годов. Особое внимание уделяется анализу экономических и социальных источников формирования частного капитала, его отраслевой структуры, роли в экономике региона. Воссоздан коллективный портрет сибирских нэпманов. Дана характеристика деятельности обществ взаимного кредита, секций частной промышленности и торговли при товарных биржах и других объединений предпринимателей 1920-х годов.

производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции

Верстка:
К. В. Валькова

Дата подписания к использованию: 20.09.2018 г.

Объем издания: 1,9 Мб

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD+R)

Тираж 25 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
656049, Барнаул, ул. Ленина, 61

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ВОПРОС О ЧАСТНОМ КАПИТАЛЕ 1920-Х ГОДОВ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА 1920-Х ГОДОВ

ГЛАВА 3. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: 1921-1923 ГГ.

3.1. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ВЫРАБОТКА ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВА С ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ

3.2. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА: ФОРМЫ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: 1924-1926 ГГ.

4.1. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ И ЕГО ИТОГИ: 1923/24 г. – первая половина 1924/25 г.

4.2. «РАСЦВЕТ» ЧАСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

ГЛАВА 5. СИБИРСКИЕ НЭПМАНЫ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ

5.1. КОММЕРСАНТЫ 20-х гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

5.2. ОРГАНИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ ТОРГОВЦЕВ И ПРОМЫШЛЕННИКОВ

ГЛАВА 6. ЛИКВИДАЦИЯ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА: 1927-1930 ГГ.

6.1. ОТКАЗ ОТ НЭПА И «АТАКА НА ЧАСТНИКА»

6.2. УХОД ЧАСТНОГО КАПИТАЛА: ПУТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Радикальные изменения последних лет, возрождение в России частной собственности придают особую актуальность проблеме понимания в исторической ретроспективе соотношения различных форм собственности. Абсолютизация государственной собственности и оценка успешного развития общества в зависимости от роста государственного сектора в экономике при вытеснении и уничтожении других ее секторов, преобладавшая в отечественной историографии на протяжении всего советского периода, в последние годы сменилась более реалистичной, основанной на приоритете множественности форм собственности, поиске оптимального соотношения и сочетания государственного и частного секторов в экономике. Помощь в этом поиске может оказать использование исторического опыта 1920-х гг., когда в условиях новой экономической политики результатом сотрудничества государства с частным капиталом стало успешное восстановление разрушенного хозяйства.

Возрождение частного сектора экономики, известная реабилитация частной собственности, защищенная законодательством возможность развития частного предпринимательства, само легальное существование частного капитала в условиях большевистской власти представляют собой исторический феномен, заслуживающий изучения как пример взаимодействия и эффективной работы в рамках одного хозяйственного механизма различных видов собственности. Существование и сотрудничество частнокапиталистического уклада хозяйства с другими укладами 20-х гг. являются и известным социально-экономическим компромиссом, обеспечившим гражданский мир и создавшим условия для оживления и дальнейшего развития экономики. Изучение подобного явления представляется весьма своевременным в современных условиях роста социальной напряженности.

Исследование путей, способов, приемов денационализации и частичной децентрализации государственной собственности, осуществляемых в рамках перехода от «военно-коммунистической» модели развития к нэповской, дают возможность не только выделить ряд общих закономерностей перехода от централизованной командной системы к рыночно-либеральной, изучить конкретный механизм частного накопления, проходившего на фоне такого перехода, но и показать степень «воровства» и «законности» в действиях «новых» предпринимателей 20-х гг., оценить их деятельность с точки зрения «исторической полезности» для будущего развития экономики.

Особый интерес представляет рассмотрение проблемы взаимоотношений власти и бизнеса 1920-х гг. Заслуживает внимания исторический опыт весьма эффективного использования государством в 1920-е гг. налоговых и кредитных рычагов регулирования частнопредпринимательской деятельности. Осмысление динамики и результатов этих взаимоотношений может быть

весьма полезным, как для современных властных структур, так и для предпринимателей.

Анализ конкретных проявлений частного капитала, его социальной базы, отраслевой специализации, форм объединений, удельного веса и реальной роли в экономике, менталитета частных предпринимателей 20-х гг. позволяет восполнить существующие пробелы в воссоздании исторического портрета «нэпмана», который, согласно одним концепциям, занимался исключительно вредительством ради собственной наживы, согласно другим, – представлял собой единственного спасителя отечественной экономики.

Опыт защиты корпоративных интересов объединениями предпринимателей 1920-х гг., усилий по аккумуляции средств в целях взаимного кредитования, кропотливой работы по сбору информации для выяснения истинного «лица» каждого частного предприятия и создания в этих целях единого банка данных может быть использован современным бизнес сообществом.

Термин «частный капитал», широко употребляемый в 20-е гг., используется в данном учебном пособии в нескольких значениях: как форма собственности, альтернативная государственной; как форма предпринимательской деятельности, целью которой в основном является личное обогащение; как совокупность средств производства для осуществления этой деятельности, включая денежный, производственный, интеллектуальный и профессиональный капиталы; как особый социальный слой организаторов этой деятельности, сформировавшийся под влиянием новой экономической политики. Таким образом, понятие «частный капитал» выходит за рамки таких терминов, как «частнокапиталистический уклад» и «новая буржуазия», хотя непосредственно и связан с ними.

Изучение деятельности иностранных концессий на территории Сибири, а также анализ процессов развития частного предпринимательства в сельском хозяйстве не входят в число наших задач, поскольку являются самостоятельными темами специальных исследований, получившими достаточно широкое освещение в отечественной историографии.

Территориальные рамки работы включают в современных границах Новосибирскую, Омскую, Томскую, Кемеровскую, Иркутскую, часть Читинской и Тюменской областей, а также Алтайский и Красноярский края. Административно-территориальное деление этой территории менялось в течение рассматриваемого периода, что создавало дополнительные сложности в проведении различных подсчетов. В границы так называемой Сибревкомовской Сибири, существовавшей с 4 августа 1919 г. по 9 декабря 1925 г., большую часть указанного периода входили шесть губерний – Новониколаевская, Томская, Омская, Алтайская, Иркутская и Енисейская и Ойротская автономная область, состоявшие в свою очередь из уездов. Решением Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 г. на этой территории был образован Сибирский край с разделением на округа и районы с центром в Новониколаевске, который решением I Сибирского краевого съезда Советов 9 декабря 1925 г. был переименован в г. Новосибирск. Летом 1930 г. Сибирский край был поделен на

Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а окружная система заменена районно-административным делением¹.

В работе рассматривается период с 1921 г. по 1930 г. В качестве отправной точки 1921 г. был избран постольку, поскольку, во-первых, именно весной этого года в результате решений X съезда партии начинается активная выработка механизма допущения частного капитала и его использования в экономике, во-вторых, несмотря на несколько замедленный переход к нэпу в Сибири, летом-осенью 1921 г. и здесь полным ходом идет процесс возрождения и легализации частного капитала. Безусловно, использование частного предпринимательства осуществлялось в 1920-е гг. в рамках новой экономической политики и прекратилось одновременно с ее свертыванием, которое большинство исследователей нэпа относит к 1927/28 г. Однако несмотря на гигантское давление государства и всевозможные репрессии, обрушенные на представителей частного капитала в последней четверти 1920-х гг., частные торговые и промышленные предприятия в Сибири продолжали, пусть и не в прежних масштабах, функционировать, а некоторые бизнесмены даже питали иллюзии о возможности «нового нэпа». Кроме того, представляет интерес поведение частного сектора и его различных составляющих в экстремальных условиях сжатия легального поля деятельности, поиск различных способов «увода» капиталов и собственного «ухода» частных предпринимателей, а также государственной кампании по ликвидации последних. Необходимость изучения названных процессов определила выбор 1930 г. в качестве конечной границы исследования.

¹ Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 – июль 1930 г.) Западной Сибири (июль 1930 – сентябрь 1937 г.). Новосибирской области (с сентября 1937 г.): Справочник. Новосибирск, 1966. С. 12-16.

ГЛАВА 1. ВОПРОС О ЧАСТНОМ КАПИТАЛЕ 1920-Х ГОДОВ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Изучение истории частного капитала в условиях нэпа в России в целом и в Сибири в частности, началось уже с первых лет его легального функционирования при советском режиме и составляло предмет особой заботы политического руководства страны. С целью обобщения сведений о возрождении и динамике разнообразных частнокапиталистических форм хозяйствования при Совете Труда и Обороне, Высшем Совете Народного Хозяйства, наркоматах торговли, финансов и их местных отделах были созданы особые комиссии, собиравшие данные статистики, налогового обложения, специальных социально-экономических обследований. Полученные данные составили источниковую базу первых исследований по истории частного капитала 20-х гг., использовались для принятия важнейших политических решений на партийных форумах и съездах Советов, при разработке Гражданского и Уголовного кодексов.

За скрупулезными подсчетами количества возникших частных предприятий и их оборотов, выявлением отраслевой специфики, путей и способов накоплений, которые составляли, как правило, лучшую часть многочисленных историко-экономических и политико-экономических работ 20-х гг., в той или иной степени касавшихся проблем частного капитала, как правило, стояли совершенно определенные политические взгляды. Суть и направленность позиций авторов в их интерпретациях возрождавшейся в России в условиях нэпа частнопредпринимательской деятельности во многом зависели от их отношения к большевистской власти в целом, от понимания сущности новой экономической политики и определения возможности дальнейшего развития страны на основе принципов этой политики и, наконец, от оценки перспектив будущего соотношения государственного и частного начал в развивавшейся отечественной экономике.

Наиболее радикально настроенная часть большевистской партии и часть экономистов, не только разделявшая, но и разрабатывавшая экономическую подоплеку этого радикализма, выступая за абсолютную политическую монополию и диктатуру собственной партии, рассматривали нэп как отступление и видели свою задачу в подготовке решительного наступления на возрождавшиеся вместе с нэпом «капиталистические элементы». Они считали, что в социалистической России будет только государственная собственность, и не допускали мысли о более или менее длительном сохранении смешанной экономики. К такому направлению принадлежали Е. Преображенский, И. Сталин,

Ю. Ларин, Л. Крицман, Ю. Кондурушкин. С их точки зрения, с самого начала легализации частнопредпринимательской деятельности в годы нэпа, сам частный капитал должен был рассматриваться как враждебный, вынужденно и временно допущенный в экономику элемент.

Теоретическая основа необходимости экономического вытеснения частного капитала из переходной от капитализма к социализму экономики была разработана Е.А. Преображенским. Согласно сформулированного им закона первоначального социалистического накопления, «в первоначальный период своего развития социалистическая форма, вследствие отсутствия, как материальных предпосылок, необходимых для перестройки ее технического базиса, так и вследствие отсутствия необходимых предпосылок социалистической культуры и социалистического воспитания работающего пролетариата, не может развить всех преимуществ, органически свойственных социализму, наличие которых делает социалистическую форму исторически более прогрессивной, чем капитализм»¹. В силу этих обстоятельств, доказывал Е. Преображенский, до тех пор, пока социализм не будет работать на своей собственной, более прогрессивной и более производительной, чем капитализм, основе, то есть до окончания переходного периода от капитализма к социализму, «социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства»². По отношению к частнокапиталистическим предприятиям эта «эксплуатация» виделась ему главным образом во взимании конфискационных налогов. Обязательными же условиями возможности проведения такой «эксплуатации», обеспечивавшими успешный переход страны к социализму, Е.А. Преображенский считал «ограничение или даже ликвидацию свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьбу единым комплексом государственного хозяйства, комбинацию экономических средств с политическими»³. В противном случае, как он полагал, в открытом экономическом соревновании капитализма и еще не работающего на своей собственной основе социализма последний обречен на провал.

Являясь политическим противником «троцкиста» Е.А. Преображенского, И.В. Сталин и возглавляемое им большинство партийно-государственного руководства страны в выработке конкретной экономической политики по отношению к частному капиталу, особенно со второй половины 20-х гг., руководствовались именно предложениями Е.А. Преображенского. Выступая с отчетами ЦК на съездах партии, высказываясь по поводу выработки планов развития народного хозяйства, проблемам налогообложения, выступая с критикой оппозиционеров, И.В. Сталин всегда предельно четко формулировал суть своих взглядов на отношение государства и частного капитала – «отчаянная борьба». Вступление страны на новую ступень развития, во второй период нэпа, о котором И.В. Сталин заявил в апреле 1926 г., он связывал не только с технической реконструкцией народного хозяйства, но и с переводом экономики в целом «на социалистические рель-

¹ Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической Академии. 1924. Кн. 8. С. 96.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 100.

сы»¹. Это означало, что политике «решительного перевеса социалистических элементов над капиталистическими» и «политической изоляции и хозяйственного оттеснения кулака и городского капиталиста»², которую проводило сталинское руководство в первой половине 20-х гг., должна была прийти на смену политика его полной ликвидации. С лозунгом «ликвидации капиталистических элементов в народном хозяйстве» И.В. Сталин выступил в декабре 1927 г., подчеркивая, что этот вопрос имеет серьезнейшее значение³. Очевидно, что подобное отношение И. Сталина к частному капиталу исходило из его общего представления о сущности дальнейших социалистических преобразований, которые ассоциировались с централизацией экономики и механическим увеличением роли государственного сектора хозяйства. Кампания «ликвидации» явилась одной из ступеней в разработке известной теории И. Сталина об обострении классово-борьбы по мере дальнейшего социалистического строительства⁴, а затем проводилась на ее основе.

Выразителем политического экстремизма по отношению к частному капиталу являлся и известный в 20-е гг. публицист и общественный деятель Ю. Ларин – автор ряда работ по истории частного предпринимательства 20-х гг.⁵ Особенное внимание Ю. Ларин уделил первому периоду деятельности частного капитала в рамках нэпа. Подробнейшим образом он охарактеризовал 12 способов «первоначального капиталистического накопления», делая вывод, что основа всех этих способов – «воровство в различных видах и формах». Содержащийся в работах Ю. Ларина фактический материал, почерпнутый из экономических сводок, неопубликованных статистических обзоров и превращающий его публикации в ценный для современных исследователей источник для изучения частного капитала 20-х гг., тесно переплетается с конъюнктурными оценками и политическими клише, которыми полны его работы. Подобные особенности характерны и для публикаций Л. Крицмана, И. Кондурушкина⁶. В частности, в книге И. Кондурушкина, основанной на судебных материалах о хозяйственных преступлениях частных предпринимателей, образ нэпмана сведен исключительно к образу вора и преступни-

¹ Сталин И. В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии: Доклад активу Ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 8. М., 1952. С. 117.

² Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета 14 съезду ВКП(б) 18 дек. 1925 г. // Там же. Т. 7. С. 339, 341.

³ Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета 15 съезду ВКП(б) 3 дек. 1927 г. // Там же. Т. 10. С. 299, 311.

⁴ Сталин И. В. 1) О правом уклоне в ВКП(б): Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Там же. Т. 12. С. 34-35; 2) Год великого перелома. К 12 годовщине Октября // Там же. С. 118; 3) Политический отчет Центрального Комитета 16 съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Там же. С. 302.

⁵ Ларин Ю. 1) Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка // Большевик. 1927. №11/12; 2) Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927; и др.

⁶ Крицман Л. Три года новой экономической политики. М., 1924; Кондурушкин И. Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927.

ка. Очевидно, что главную свою задачу названные авторы видели в изучении «врага» с целью его быстрейшего уничтожения.

Политическими идеологами другого направления исследований по истории частного капитала 20-х гг. были такие известные политические деятели, как Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Я. Сокольников, отчасти – Ф.Э. Дзержинский. Являясь безусловными адептами коммунистической идеи, они в то же время видели мощный потенциал, заложенный в многоукладной экономике нэпа. Разделяя, как и представители первого направления, концепцию монопольного положения государственной собственности в будущей социалистической России, они полагали, что переходный период от капитализма к социализму займет длительное время, и в рамках этого перехода еще долгое время будет оставаться место для полезной работы частного капитала. «Нет никакого ужаса в том, что у нас имеется частная розничная торговля... Никакого ужаса нет в том, что она немного накапливает» – заявлял А.И. Рыков¹. «Мы не должны относиться брезгливо, заранее отрицательно к использованию частного капитала, – говорил в июне 1926 г. Ф.Э. Дзержинский. – Не пришло еще то время, когда мы можем сказать: «товарами закидаем»². Поход же против частного капитала, о необходимости начала которого постоянно твердили «левые», Г.Я. Сокольников называл «фантазерским»³.

Наиболее отчетливо позиция этого направления изложена в работах Н.И. Бухарина. Смысл использования частного капитала Н.И. Бухарин видел, в частности, в приросте «материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой – от налоговых поступлений», и который «мы направляем на помощь различного рода начинаниям, которые служат делу трудящихся классов, делу социализма»⁴. «Благодаря этой новой форме классовой борьбы мы не только проигрываем, – подчеркивал он, – а, наоборот, мы в громадной степени выигрываем, потому что в гораздо большей степени усиливаемся на почве всеобщего роста благосостояния»⁵. Преодоление частного предпринимательства, по его мнению, должно было происходить «без звона металлического оружия» и «без ориентации на какую-то новую третью революцию», «не путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций»⁶.

¹ Рыков А.И. Ближайшие перспективы народного хозяйства СССР: Доклад в Деловом клубе 11 дек. 1923 г. // Рыков И.И. Статьи и речи: В 4-х т. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 191.

² Дзержинский Ф.Э. Борьба за снижение розничных цен: Доклад на Президиуме Совета съездов промышленности, торговли и транспорта УССР. Июнь 1926 г. // Дзержинский Ф.Э. Плановые вопросы хозяйственного строительства: сб. статей. М.; Л., 1928. С. 86.

³ Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 207.

⁴ Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 188.

⁵ Бухарин Н. И. Путь к социализму... С. 189.

⁶ Бухарин Н.И. 1) Ленин как марксист: Доклад на торжественном заседании Коммунистической академии 17 февраля 1924 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. ... С. 79; 2) Путь к

Борьба с «допущенной» буржуазией, с точки зрения Н.И. Бухарина, должна вестись исключительно экономическими методами: с помощью соблюдения законодательства на частных предприятиях, гарантирующих «рабочее дело», гибкой системы налогообложения частных предприятий, конкуренции со стороны государственной торговли, законодательной и денежной поддержки кооперативных организаций и т.д.¹ Свято веря в естественную победу социалистической системы хозяйствования над капиталистической в открытом экономическом соревновании, сторонники этого направления полагали, что именно таким цивилизованным путем осуществится естественное отмирание неэффективного (частного) сектора экономики.

Выразителями этого направления среди исследователей являлись М. Жирмунский, Ц. Крон, В. Копалкин, И. Мингулин и другие². Состоя на службе у большевистского правительства, эти авторы, в большинстве своем экономисты, видели свою главную цель в возможно более тщательном и детальном изучении всех сторон деятельности частного капитала. Как правило, их работы содержали в большей части беспристрастную экономическую информацию: сведения о численности частных предприятий, их оборотах, специализации, бюджете и т.п. и тем самым напоминали по форме и содержанию скорее экономические обзоры, нежели исторические исследования. Неслучайно некоторые публикации о частном капитале имели подзаголовки – основу для дальнейших исследований³. Тем не менее, авторам удалось наметить периодизацию частнопредпринимательской деятельности в условиях нэпа, показать источники и способы частнокапиталистического накопления, изучить работу частных торговых и промышленных предприятий, приемы конкуренции частного сектора экономики с государственным, ряд других вопросов. Заканчивались эти работы, как правило, перечнем тех отраслей и направлений хозяйственной деятельности, где потенциал частного капитала мог бы еще длительное время использоваться «во благо строительства социализма».

Первые сибирские историки генезиса частного капитала 1920-х гг. – уполномоченный наркомфина по Сибири А. Поволоцкий, возглавлявший налоговое управление В. Каврайский, уполномоченный наркомвнугорга по Сибири А. Злобин⁴ сосредоточивали свое внимание на проблемах частного

социализму... С. 165-166.

¹ Бухарин Н.И. Путь к социализму... С. 187.

² Крон Ц.М. Частная торговля в СССР. М., 1926; Жирмунский М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1927; Копалкин В.М. Частная промышленность в СССР. М.; Л., 1927; Мингулин И. Пути развития частного капитала. М.; Л., 1927; и др.

³ Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР / Под общ. ред. А.М. Гинзбурга. М.; Л., 1927.

⁴ Поволоцкий А.М. Задачи государственной торговли и кооперации в борьбе с частным капиталом. Новониколаевск, 1924; Злобин А. Государственный, кооперативный и частный капитал в товарообороте Сибирского края: Материалы для докладов, работы партактива и кружков текущей политики. Новосибирск, 1927; Каврайский В. Налоговое обложение частного

капитала прежде всего в силу своих профессиональных обязанностей. Экономические и статистические обзоры, содержащие сведения о частном капитале, опубликованные в сибирской периодике 20-х гг.¹, написаны скорее экономистами и партийными пропагандистами, чем профессиональными историками. Последнее обстоятельство существенно повлияло на ход рассуждений и выводы авторов, преимущественно напоминавших рекомендации местным хозяйственникам, как наладить диалог с представителями частного капитала или, напротив, «обуздать» и ограничить их «капиталистические аппетиты».

Сторонники оптимального с точки зрения поступательного развития экономики сочетания государственного сектора, государственного регулирования и экономической свободы хозяйствующих субъектов, включая представителей частного капитала, условно могли бы быть отнесены к третьему направлению в историографии 20-х гг. Представители этого направления – В.А. Базаров, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский, А.М. Гинзбург, В.Г. Громан – ученые, в силу сложившихся обстоятельств сотрудничавшие с большевиками, но не разделявшие ни большинства большевистских идей, ни, в особенности, методов их реализации, поэтому репрессированные в 30-е гг. Основу экономических воззрений представителей этого направления составляли идеи равновесия всех элементов хозяйственной системы и перспективности смешанной экономики². В частности, известный русский экономист В.А. Базаров, размышляя над вопросом о «принципиально допустимых границах симбиоза государственного и частного капитала», указывал, что «как наиболее желательный оптимум ... намечается такое соотношение, при котором государство, сохраняя за собой «командные высоты», в максимальной степени форсировало бы темп развития, разрешая местному и иностранному капиталу занимать все те хозяйственные позиции, обладание которыми этим высотам не угрожает»³. Движение страны по пути развития смешанной системы государственного и частнокапиталистического хозяйства казалось В.А. Базарову «гораздо естественнее, легче и прямее», чем любое другое⁴. Разрабатывая концепции планирования экономических процессов, перспективные

капитала в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. №1; и др.

¹ Мельников А. Городское население Сибири по данным демографической и профессиональной переписи 1923 г. // Статистический бюллетень Сибирского статистического управления ЦСУ. 1924. №1; Добров М.С. Торговля и промышленность Сибири в 1922/23 бюджет.г.: Материалы по данным Сибфина о промысловом обложении // Жизнь Сибири. 1924. №3/4; Ботвиник Е.Г. Торговля в 1923/24 г. и ближайшие задачи // Там же. №7/8; Самсонов В. Свертывание частной торговли в Сибири // Там же. 1928. №11; и др.

² Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. Л., 1989; Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1927). М., 1996; и др.

³ Базаров В.А. Темп накопления и «командные высоты» // Экономическое обозрение. 1924. №9/10. С. 32.

⁴ Там же. С.34.

направления реформирования и развития денежной системы и не занимаясь специально изучением частного капитала, в то же время, сторонники оптимального сочетания государственных и частных интересов в экономике отводили частному сектору определенное и совершенно конкретное место в своем видении будущего развития российского хозяйства.

Таким образом, главными чертами отечественной историографии 1920-х гг. явилось практическое применение результатов исторических исследований в работе советских хозяйственных органов. Использование уникального первичного фактического материала определяет ценность работ этого периода для современных исследователей, позволяет рассматривать их не только в качестве этапа историографии проблемы, но и как один из важных источников для ее изучения.

Несмотря на трудности, вызванные несовершенством учета, незавершенностью многих явлений, историко-экономическая мысль 20-х гг. в целом смогла наметить круг вопросов, необходимых для дальнейшего всестороннего изучения частного капитала этого времени: об источниках и способах частнокапиталистического накопления, о сочетании экономических и административных методов его вытеснения на разных этапах социалистического строительства, о легальных и нелегальных способах деятельности частных предпринимателей. Была выработана научная периодизация истории частного предпринимательства в условиях советской действительности, которая из множества существующих в настоящее время вариантов остается, на наш взгляд, наиболее приемлемой.

Однако увлекаясь описанием проявлений разного рода хищений и незаконных действий частных предпринимателей, ярко рисуя «море» частнокапиталистической стихии, большинство авторов 20-х гг. пытались искусственно принизить роль государства в ограничении и регулировании частнокапиталистического предпринимательства. Характеризуя формы и методы частнокапиталистического накопления, исследователи зачастую преувеличивали роль хищений государственной собственности в этом процессе, недооценивали естественного в условиях многоукладности экономики роста «новой» буржуазии из мелкотоварного производства. Называя сферы экономики, где использование частного капитала представлялось им необходимым в течение длительного времени, исследователи не сумели дать рекомендации по разработке конкретного механизма привлечения частного капитала в определенные ими отрасли народного хозяйства. Остались во многом неразработанными и принципиальные теоретические вопросы о возможности и путях дальнейшего использования частного капитала в отечественной экономике. В 20-е гг. проявилась тенденция, ставшая впоследствии в отечественной историографии определяющей, – существование частного капитала рассматривалось и оценивалось как временное явление, чуждое по своей природе экономическим основам строившегося в России социалистического общества.

Изучение истории возрождения и развития частного капитала в условиях нэпа в 20-е гг. осуществлялось и за рубежом. Авторами работ, в кото-

рых в той или иной степени затрагивались вопросы частного предпринимательства в России, являлись преимущественно российские эмигранты – видные ученые, экономисты, политические деятели Б.Д. Бруцкус, П.Б. Струве, П.А. Сорокин, С.Н. Прокопович, А.Д. Билимович и другие. Наблюдая за происходившими в России процессами «со стороны», они, в то же время, благодаря открытости советской прессы и высокой степени достоверности публикуемых статистических и экономических отчетов различных хозяйственных ведомств, обладали достаточной для исследования российской действительности информационной базой. Их взгляды, убеждения, мировоззрение составляли идейную и духовную оппозицию политике большевистской диктатуры. В отношении частного предпринимательства и его перспектив, как в России, так и за ее пределами, эти исследователи в основном придерживались либеральных взглядов. Именно поэтому в большинстве своем они не верили в успех новой экономической политики. Одним из первых поставил вопрос о доктринальных основах бесперспективности нэпа известный российский экономист, историк, философ, публицист, член ЦК кадетской партии П.Б. Струве. Он писал о бесплодности «буржуазных поправок, которые коммунистическая власть вносит в социалистический строй», «дозируя буржуазные начала как сильнодействующие яды»¹. Другой известный российский экономист, бывший министр Временного правительства С.Н. Прокопович утверждал, что «экономическая диктатура и частнокапиталистические принципы несовместимы»². Подобных же суждений придерживался и бывший лидер киевской школы политической экономии А.Д. Билимович. «Из правового строя России, – писал он, – большевиками выдернут стержень собственности и неприкосновенности личности, имущества и доходов. Пока эти основы нормального правового строя не будут вновь поставлены на свое место, хозяйственная жизнь не возродится»³. Видный российский экономист-аграрник, бывший профессор Петербургского сельскохозяйственного института Б. Бруцкус, отправленный из России на известном «философском» пароходе, С. Прокопович и сотрудничавшие в издаваемых под его руководством в «Экономическом вестнике» и «Русском экономическом сборнике» экономисты С. Кон, С. Шерман, Л. Пумпянский доказывали, вопреки своим советским коллегам, что в период нэпа не только не наблюдалось нерегулируемой частнокапиталистической стихии, а, напротив, предприниматели были загнаны в жесткие рамки государственного контроля⁴. Произвол и бесправие ско-

¹ Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца 19 – начала 20 века: Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М., 1994. С. 167.

² Прокопович С.Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. 1923. №1. С. 54.

³ Билимович А.Д. Советское хозяйство и экономическое восстановление России // Корицкий Э.Б., Сохов А.А. Централизованное управление и хозяйственная свобода: концепции российских экономистов 20-50-х гг. / Под ред. М.Х. Балкизова. Нальчик, 1997. С. 143.

⁴ Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. №9,10; Прокопович С.Н. Что дал России нэп // Нэп. Взгляд со стороны: Сб. / Сост. В.В. Кудрявцев. М., 1991; Кон С.С. Опыт советской национализации // Там же; и др.

вывали их инициативу, парализовывали предприимчивость. Считая избранный советским правительством политический курс тупиковым, принадлежавший к социал-демократическим кругам русской эмиграции экономист А. Югов призывал освободить экономику страны от «оков утопической политики большевиков», принять неизбежность развития страны в условиях преимущественно капиталистического хозяйства, свести сектор национализированной промышленности до посильных для государства размеров и тем самым создать условия для развития частной промышленности, торговли, сельского хозяйства¹. Однако это могло стать реальностью только в случае разрешения основного противоречия советской действительности 20-х гг. – между многоукладной экономикой и большевистской диктатурой – в пользу первой. «Нужно энергичное восстановление народного хозяйства, нужен частный капитализм и правовой строй, как его предпосылка, – писал другой известный эмигрант, в прошлом профессор социологии Петербургского университета П. Сорокин. – Основное препятствие к этому – власть и ее тиранически идиотская политика»². Исследовательская позиция авторов диктовалась, таким образом, преимущественно стремлением не столько изучить состояние частного капитала в Советской России, сколько выявить и четко обозначить преграды, мешавшие плодотворному развитию частного предпринимательства, без которого поступательное развитие экономики они считали немислимым. Главной такой преградой, с их точки зрения, являлось существование большевистской власти.

В 1930-е – середине 1950-х гг. в СССР в условиях тоталитарного режима у историков прежде всего в силу политических причин не было возможности работать над темами, в какой-либо степени ставившими под сомнение верность того направления, по которому развивалась советская экономика. Тем более запретными сделались исторические сюжеты, связанные с разного рода «отступлениями», в том числе с функционированием частного капитала. Некоторые исследования были закрыты волевым путем, многие ведущие экономисты, перу которых принадлежали первые книги о частном капитале 20-х гг., были отстранены от работы и репрессированы. На государственном уровне поддерживалось и приветствовалось изучение лишь различных успехов социалистического строительства. Эта проблематика заслонила и вытеснила на определенное время изучение вопросов новой экономической политики. Однако накопление данных продолжалось и в этот период.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. вышли первые три тома Сибирской советской энциклопедии³, замышлявшейся как фундаментальное издание о людях и природных богатствах Сибири, заселении и освоении региона, изменениях, происшедших здесь за годы Советской власти. Однако взгляды авто-

¹ Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы // Нэп. Взгляд со стороны. ... С. 300.

² Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1923. С. 46.

³ Сибирская советская энциклопедия / Под общ. ред. М.К. Азадовского, С.А. Альпова, А.А. Ансона и др. Т. 1-3. Новосибирск, 1929, 1931, 1932.

ров некоторых статей энциклопедии разошлись с мнением политической цензуры, и издание было прекращено¹. В результате многие статьи так и не были опубликованы. Упоминание о частном капитале и о «новой» буржуазии имелось лишь в статье «Карикатура», что довольно точно передает распространенное в те годы отношение к частнопредпринимательской деятельности 20-х гг. как к исключительно спекулятивной и жульнической. Материалы же о промышленности, городах Сибири и другие содержали лишь отдельные цифровые данные о частном секторе.

Накануне Великой Отечественной войны был издан коллективный труд по истории развития советской экономики, в 1949 г. – обширная монография Г. Глезермана по проблемам социально-классовых отношений². Несмотря на существенный объем этих изданий они не внесли практически ничего нового в изучение истории 1920-х гг. Основной упор в них делался на хищнический характер частного предпринимательства и эксплуатацию рабочих на частных предприятиях. В исследованиях не доставало конкретно-исторического анализа, а сложный процесс использования и вытеснения частного капитала изображался в них схематично, в виде исходных и конечных данных, иллюстрирующих целый ряд победных триумфов социализма. Сложный и противоречивый процесс вытеснения частного капитала в работах Г. Глезермана был сведен к процессу экспроприации у «нэпманов» средств производства.

В 1950-е гг. защита кандидатских диссертаций по проблемам классовой борьбы ленинградским историком Т.К. Рафаиловой и московским историком Г.И. Фоломеевым, появление монографии Э.Б. Генкиной и исторических очерков по истории восстановления народного хозяйства в условиях нэпа³ свидетельствовали о возобновлении интереса к проблемам истории 20-х гг.

С изменением политического климата в стране в связи с критикой культа личности И.В. Сталина и попытками его преодоления обозначился устойчивый исследовательский интерес к ранее непопулярным в силу политической конъюнктуры темам, в том числе к истории 1920-х гг. Первым после длительного перерыва взялся за конкретно-историческое исследование «немодной» ранее тематики о частном бизнесе Л.Ф. Морозов, опубликовав

¹ Материалы четвертого тома энциклопедии были опубликованы лишь в 1992 г. (Сибирская советская энциклопедия. Т. 4. New York, 1992), а пятый том так и остался в виде перечня названий статей.

² Развитие советской экономики / Под ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. М., 1940; Глезерман Г. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949.

³ Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921-1922). М., 1954; Рафаилова Т.К. Борьба Коммунистической партии за ликвидацию капиталистических элементов в промышленности СССР (1921-1930 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Фоломеев Г.И. Классовая борьба в СССР в период социалистической индустриализации страны (1925-1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1955.

ший в 1960 г. монографию о борьбе с нэпманской буржуазией¹. Несомненная заслуга Л.Ф. Морозова заключалась в том, что он, продолжая во многом утраченные традиции исследователей 20-х гг., показал народно-хозяйственные функции и удельный вес частного капитала в социально-экономической структуре городского хозяйства, ведущую роль административных методов борьбы с нэпманской буржуазией во второй половине 1920-х гг. Однако к оценке деятельности частного капитала в конце 20-х гг. Л.Ф. Морозов, как и его предшественники, подходил с позиций выдвинутой И.В. Сталиным в 1928/29 г. теории обострения классовой борьбы по мере строительства социализма, оправдывая карательные меры государства в отношении «новой» буржуазии.

Отражением политической «оттепели» в области исторических исследований явилась организованная журналами «Вопросы истории КПСС» и «Вопросы истории» дискуссия по проблемам переходного периода. В ходе ее были подняты многие вопросы нэпа: о хронологических рамках перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике и ее периодизации, о госкапитализме и классовой борьбе на государственно-капиталистических предприятиях, о характерных чертах буржуазии периода нэпа и другие². Однако, как справедливо заметил впоследствии В.П. Данилов, это была странная дискуссия, ибо печатались только «правильные» выступления³. Тем не менее постановка на страницах журналов многих не исследованных ранее проблем 20-х гг. стимулировала создание обобщающих трудов по истории нэпа⁴. В них получили дальнейшую разработку темы кредитной и налоговой политики государства по отношению к частному капиталу, жесткой конкуренции между государственным и частным секторами в торговле, изучались особенности осуществления нэпа в национальных республиках и экономических районах, зарубежная историография нэпа.

В обобщающих трудах по истории СССР и отдельных регионов, в том числе Сибири, истории социалистической экономики, промышленности и торговли, по истории рабочего класса и крестьянства, изменению социальной структуры общества⁵, опубликованных в 1960 – 1970-е гг., процесс использо-

¹ Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией: из истории ликвидации капиталистических элементов города: 1926-1929 гг. М., 1960.

² Морозов Л.Ф. К вопросу о периодизации истории борьбы с нэпманской буржуазией // Вопросы истории. 1964. №12; Трифионов И.Я. К вопросу о нэпе и новой буржуазии // Вопросы истории КПСС. 1967. №4; Нургалин З.А. О классовой борьбе на государственно-капиталистических предприятиях в годы нэпа // Там же. 1968. №3; и др.

³ Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историка спорят: 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1988. С. 123.

⁴ Ленинское учение о нэпе и его международное значение. М., 1973; Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974; Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982; и др.

⁵ История социалистической экономики СССР: В 7 т. М., 1976; История Сибири: В 5 т. Л., 1968; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961; Изменение социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х гг.). М., 1979; и др.

вания и вытеснения частного капитала рассматривался в совокупности с другими мероприятиями нэпа как одна из общих закономерностей перехода от одной общественно-экономической модели развития к другой. В работах приводились отдельные цифровые данные, характеризующие место частного капитала в экономике, доказывалась необходимость его использования в первые годы нэпа, подчеркивалась обоснованность его ликвидации в конце 20-х гг. Однако общие оценки новой экономической политики и в связи с ними различных аспектов использования и вытеснения частного капитала не выходили за пределы ряда устоявшихся трактовок «Краткого курса истории ВКП(б)». Особенно это сказывалось в навешивании политических ярлыков при рассмотрении тех или иных «уклонов» и «оппозиций», а также в негативных оценках в целом частного предпринимательства в условиях нэпа. Использование же частного капитала рассматривалось как одна из форм классовой борьбы.

В работах И.Я. Трифонова, многие годы занимавшегося исследованием проблем, связанных с историей частного капитала 20-х гг., главное внимание уделялось административным мерам регулирования частнопредпринимательской деятельности. Первому из советских историков И.Я. Трифонову удалось изучить и частично использовать в публикациях интереснейшие материалы закрытых в те годы для исследователей фондов милиции, суда и прокуратуры. В его монографии о классовой борьбе в годы нэпа получили освещение состав и правовое положение буржуазии, роль органов прокуратуры и суда в борьбе с нэпманами¹. В 1975 г. вышла книга И.Я. Трифонова о ликвидации эксплуататорских классов в СССР², где был сделан вывод о том, что «новая» буржуазия лишилась средств производства в результате хозяйственного вытеснения государственным и кооперативным секторами, потерпела поражение в классовой борьбе по принципу «кто – кого».

Однако этот вывод с достаточной убедительностью не был подкреплен соответствующими материалами.

Проблемам борьбы государства с капиталистическими элементами посвящена работа В.А. Архипова и Л.Ф. Морозова³. Авторы рассмотрели принципы допущения частного капитала в экономику, дали характеристику основных форм, методов и этапов вытеснения государством частной промышленности и торговли, показали деятельность партийных и профсоюзных организаций на частных предприятиях. Со времени издания книги прошло более 20 с лишним лет, но она и по сей день остается наиболее полным исследованием истории частного предпринимательства 20-х гг. в отечественной историографии, отражающим как бесспорные успехи исторической науки в ее изучении, так и недостатки.

¹ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921-1925 гг.). Л., 1969.

² Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

³ Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. М., 1978.

Авторы монографии не смогли отойти от стереотипного, что неудивительно в 70-е гг., повторявшегося в трудах историков и экономистов с 30-х гг. утверждения о том, что в обстановке реконструкции народного хозяйства и форсирования темпов развития экономики нэпманы приносили только вред. И хотя справедливости ради в работе указывалось, что «сам по себе рост производства в частной промышленности при условии строго государственного контроля над ней мог принести пользу народному хозяйству, способствуя смягчению товарного голода»¹, но затем довольно бездоказательно утверждалось, что возможности развития частного капитала были исчерпаны. Главными аргументами в пользу этого тезиса для авторов служили материалы судебных следствий о преступлениях частников, достоверность которых не вызывала у них никаких сомнений. Нельзя согласиться и с содержащимися в монографии оценками так называемого правого уклона, которые даны мимоходом и содержат традиционные обвинения Н.И. Бухарина как автора теории «врастания капиталистических элементов в социализм». Пытаясь избежать в своей работе слова «ликвидация» по отношению к капиталистическим элементам в промышленности и торговле, В.А. Архипов и Л.Ф. Морозов с ожесточением выступили не только против термина как такового, но отказались называть ликвидацией действия против частных предпринимателей в 1928-1930-е гг. Описывая конфискации имущества у представителей частного капитала, то есть лишения их по существу средств производства и личной собственности, а, следовательно, и лишение их самой возможности заниматься частным предпринимательством, авторы пришли к парадоксальному в данной ситуации выводу о том, что «эти меры не означали перенесения на нэпманскую буржуазию лозунга ликвидации ее как класса, подобно тому, как это было сделано по отношению к кулаку в деревне»². По их версии получается, что кулак, лишенный средств производства и гражданского статуса, ликвидирован как представитель своего класса, а «новая» буржуазия, с которой проделано все то же самое, – ликвидации не подлежала. Что же касается определения методов, сыгравших решающую роль в вытеснении частного капитала в конце 1920-х гг., то и в этой работе, и в своей статье, опубликованной в 1986 г., В.А. Архипов утверждал, что на последнем этапе существования частного предпринимательства самым эффективным средством его ликвидации стала налоговая политика, относя ее при этом к экономическим мерам³. На наш взгляд, налоги, достигшие по своим размерам в последней трети 1920-х гг. более 50% доходов частных предпринимателей и, действительно, послужившие причиной (в числе прочих) их массового разорения, должны быть, безусловно, отнесены к административным мерам и рассмат-

¹ Там же. С. 183.

² Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов... С. 225.

³ Архипов В.А. Этапы и методы регулирования торгово-промышленного предпринимательства // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму / Под ред. М.П. Кима. М., 1986. С. 129.

риваться в контексте общего курса на возвращение к административным методам хозяйствования. Подобные же утверждения В.А. Архипова, как и выводы И.А. Исаева, также одного из авторов указанного сборника¹, основаны, видимо, на традиционном, но отнюдь не доказанном фактически утверждении об экономическом вытеснении частного капитала из промышленности и торговли социалистическим сектором экономики при полном замещении первого вторым. Следуя логике, эквивалентная замена одного сектора экономики другим должна была бы привести к экономической смерти частнокапиталистического уклада. Авторы же предпринимают попытку обосновать и оправдать административное давление и репрессии, направленные по существу на искусственную ликвидацию, а не на экономическое вытеснение частного предпринимательства. Получается явное противоречие: побежденный якобы экономически, частный капитал уничтожен был все же административным путем. Подобные утверждения органично вписывались в превалировавшую в отечественной историографии тех лет концепцию «Краткого курса истории ВКП(б)».

Присущая советской историографии политизированность в меньшей степени проявилась в работах В.П. Дмитренко и В.Б. Жиромской.² В монографии В.П. Дмитренко показаны реальные трудности становления государственного сектора торговли в условиях жесточайшей конкуренции с частным капиталом, который рассматривается не только как классовый враг, но и как союзник государства по восстановлению и налаживанию хозяйственных связей между городом и деревней. В работе В.Б. Жиромской на основе анализа Всесоюзной переписи населения 1923 г. и архивных документов раскрывается динамика социальной структуры населения, характеризуются социальные слои городского населения, в том числе нэпманская буржуазия. И хотя в основном работа построена на материалах Европейской части РСФСР, замечания автора по поводу «городов окраинных районов страны» весьма ценны, тем более, что позволяют сопоставить генезис «новой» буржуазии в различных регионах.

Примером отхода от стереотипной оценки источников для изучения капиталистических элементов города 20-х гг. может служить исследование М.А. Свищева³. Автор на основе сведений об обложении произвел реконструкцию динамических рядов и сформировал систему показателей, характеризующих частный сектор торговли, опровергнув тем самым прочно устоявшийся тезис о том, что имеющаяся в распоряжении исследователей статистическая информация не дает возможности реализовать принцип системности в

¹ Исаев И.А. Проблемы правового регулирования советской многоукладной экономики // Там же. С. 158-194.

² Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу: 1921-1924 гг. М., 1971; Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988.

³ Свищев М.А. Налоговая статистика как источник для изучения капиталистических элементов города в 1920-е годы: Дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1986.

изучении истории частного капитала 20-х гг. Попытка же применения разработанной М.А. Свищевым методики, осуществленная в третьей главе его кандидатской диссертации, представляется не во всем удачной. Так, утверждения относительно низкой эффективности работы частных магазинов по сравнению с государственными и создания в конце 20-х гг. материальных предпосылок для вытеснения частного капитала из экономики¹ выглядят умозрительными и противоречат данным других источников. Не вызывает сомнения, что для всестороннего изучения частного капитала 20-х гг. необходимы использование и критический анализ целого комплекса документов и материалов.

Сибирские историки в 1960 – 1980-е гг., не выходя за рамки охарактеризованных выше методологических подходов, разрабатывали тему частного капитала 20-х гг. преимущественно в связи с изучением классового противостояния в сибирской деревне². Первой из сибирских ученых попыталась выделить в качестве объекта исследования собственно частный капитал В.И. Литвина³, построив свою работу на материалах по истории промышленности Восточной Сибири второй половины 1920-х гг.

В научных публикациях других сибирских авторов изучение частного капитала Сибири предпринималось лишь в контексте других тем и сюжетов. Так, в работах А.С. Московского, В.А. Исупова, Ю.С. Дьяченко, посвященных проблемам изменения социальной структуры населения Сибири⁴, приводились данные о численности «новой» буржуазии. Сведения о положении рабочих на частных предприятиях были включены во второй том «Истории рабочего класса Сибири», в статьи А.П. Угроватова⁵. Общую картину сибирской действительности первых лет нэпа пытались воссоздать Т.А. Корягина и А.Г. Введенская, характеризуя в числе прочих процессов возрождение частной торговли в регионе⁶.

¹ Свищев М.А. Налоговая статистика... С. 167, 177.

² Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск, 1969; Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. Новосибирск, 1972; и др.

³ Литвина В.И. Частный капитал в промышленности Восточной Сибири в 1926-1930 гг. // Сибирский исторический сборник. Вып. 2. Иркутск, 1974.

⁴ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири в 1926-1939 гг. Новосибирск, 1984; Дьяченко Ю.С. Изменение социально-классовой структуры населения Алтайской губернии в период 1920-1923 гг. // Социальные и экономические проблемы Советской Сибири переходного периода 1917-1937 гг.: Сб. статей / Под ред. Л.И. Боженко. Омск, 1987.

⁵ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.) / Редкол. Н.Я. Гушин, Д.М. Зольников и др. Новосибирск, 1982; Угроватов А.П. Рабочие частных предприятий Сибири: 20-е – начало 30-х гг. // Историография рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1985.

⁶ Корягина Т.А. Об особенностях перехода Сибири к новой экономической политике // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967; Введенская А.Г. Особенности перехода к новой экономической политике в Сибири // Теоретические вопросы социалистического строительства. Иркутск, 1973.

Вопросам использования частного капитала в товарообороте, ограничения и вытеснения частной торговли посвящена часть монографии В.И. Дудукалова о становлении советской торговли в Сибири в 1920-е гг.¹ Рассматривая частную торговлю не как органический компонент рынка, а как нечто чуждое процессу налаживания и совершенствования хозяйственных отношений, автор пришел, с нашей точки зрения, к политически ангажированному и не доказанному фактически выводу о том, что заняв преобладающее положение, частная торговля стала представлять реальную угрозу смычке города и деревни, союзу рабочего класса и крестьянства. Между тем фактический материал, приводимый в книге, свидетельствует, во-первых, о том, что только с помощью частной торговли и удалось наладить эту самую «смычку», а, во-вторых, характеризующие В.И. Дудукаловым государственные меры по ограничению частной торговли делали невозможным ее «преобладающее положение». Построенная в основном на новых материалах монография В.И. Дудукалова, вместе с тем в части, касающейся оценок частной торговли, осталась в рамках общепринятой в те годы концепции.

Итак, в работах сибирских историков 1960 – 1980-х гг. тема частного капитала разрабатывалась либо в контексте классовой борьбы в сибирской деревне (Л.И. Боженко, Н.Я. Гушин), проблем развития торговли в регионе (В.И. Дудукалов), изменения социальной структуры населения Сибири (А.С. Московский, В.А. Исупов, Ю.С. Дьяченко), особенностей перехода Сибири к новой экономической политике (Т.А. Корягина, А.Г. Введенская), либо в узких хронологических, территориальных и отраслевых рамках (В.И. Литвина, А.П. Угроватов).

В целом, в 1960 – 1980-е гг. в результате большой исследовательской работы советских историков на общероссийском материале была создана обширная база данных о политике государства в отношении частного капитала, показана жесткая конкуренция между государственным и частным секторами экономики, деятельность профсоюзов по защите прав трудящихся на частных заводах, ряд других вопросов. И хотя в работах отдельных авторов предпринимались попытки объективного анализа истории частного капитала 20-х гг., общий подход к исследованию проблемы не выходил за рамки теории классовой борьбы. «Нэпманы» изображались спекулянтами, постоянно мешавшими поступательному развитию отечественного хозяйства. Увеличение государственного сектора экономики при соответственном уменьшении других ее секторов безапелляционно расценивалось как выдающееся достижение. Поэтому любые насильственные действия государства по отношению к частным предпринимателям считались оправданными и единственно возможными. Не случайно даже в названиях исторических исследований по этой проблематике содержались термины «борьба» и «ликвидация». Подобный подход приводил к созданию искаженного представления о хозяйственной

¹ Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921-1928 гг.). Томск, 1978.

деятельности частного капитала 20-х гг. как о преимущественно «вредительской». Итак, существовавшая до недавнего времени в отечественной историографии традиция, основанная на теории классово-борьбы и других постулатах «подправленной» идеологами сталинизма формационной концепции исторического развития, подменяла историю частного капитала историей борьбы с ним государством.

Приводимые в исследованиях сибирских историков фрагментарные сведения об отдельных, как правило, негативных сторонах деятельности представителей частного капитала, отрывочные, зачастую несопоставимые и противоречивые данные о численности частных предприятий или удельном весе частного капитала в оборотах за тот или иной год не дают общего представления о генезисе частного капитала Сибири в условиях нэпа, не позволяют судить о его динамике, действительной роли в экономике региона. Наряду с этим требуют пристального внимания и другие, не изученные ранее исследователями в силу разных причин более частные вопросы: об экономических и социальных источниках формирования так называемой новой буржуазии в Сибири, о различного рода объединениях частных торговцев и промышленников и их взаимодействии с государственными структурами, о кредитной и налоговой политике в отношении частных предпринимателей и т.п. В стороне от исследовательского поиска находился и комплекс проблем, связанных с изучением менталитета частных предпринимателей 20-х гг., без которого любое исследование на эту тему представляется неполным.

В зарубежной историографии вплоть до середины 1980-х гг. оценки истории частного капитала 1920-х гг. в России и ее регионах, как, впрочем, и всего советского периода российской истории, во многом определялись политическими пристрастиями авторов, их отношением к происходившим в СССР процессам, к социализму как системе отношений и экономическому строю.

Одна из первых фундаментальных работ по советской истории, опубликованных за рубежом, принадлежит Э. Карру – известному английскому советологу, с искренней симпатией относившемуся к СССР и частично разделявшему марксистские взгляды. Его «История Советской России»¹ построена на тщательнейшем изучении многочисленных опубликованных источников: центральной и местной советской прессы, материалов партийных съездов, сборников декретов и приказов по народному хозяйству, еженедельников и ведомственных обзоров, статистических, энциклопедических и партийных справочников, работ высших партийных и государственных руководителей тех лет. Это издание стало, по оценкам современных английских историков, явлением в английской гуманитарной науке XX века². Э. Карр

¹ Car E.H. 1) The Bolshevik Revolution. 1917-1923. Vol. 1-3. London, 1950-1953; 2) The Interregnum. 1923-1924. London, 1956; 3) Socialism in one country. 1924-1926. Vol. 1-3. London, 1958-1964; Car E.H., Davies R.W. Foundation of a Planned Economy. 1926-1929. Vol. 1-3. London, 1969-1979.

² Эктон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и

рассматривал нэп как отступление к капитализму, конец которого определялся переходом к индустриализации. Находясь под сильным воздействием индустриальных успехов СССР, Э. Карр не видел иных, помимо троцкизма, альтернатив развития событий в послереволюционной России. Подобных суждений придерживался и другой английский советолог – И. Дейчер¹. Не отрицая мрачных сторон советской действительности, Э. Карр в то же время был убежден, что это лишь необходимая цена, которую вынуждена была заплатить отсталая страна для победы в ней социализма. Поэтому вытеснение и ликвидация кулачества и «новой» буржуазии – социальных групп, тормозивших, с его точки зрения, продвижение России к социализму, представлялось ему вполне закономерным делом.

Автор известной биографии Н.И. Бухарина американский исследователь С. Коэн, в своих оценках российской истории 20-х гг. исходил из убеждения, что сталинизм отнюдь не являлся логическим и неизбежным результатом большевистской революции. Активно доказывавший в своих работах наличие «бухаринской» альтернативы, автор сам оказался увлеченным сторонником взглядов Н.И. Бухарина относительно переустройства российского общества. Вслед за своим героем С. Коэн полагал, что особый путь развития России, отличный от западных цивилизаций, может быть связан с длительным периодом социалистической эволюции на основе смешанной экономики, предполагавшей продолжение использования «полудружественного и полувраждебного или откровенно враждебного частного сектора»².

Подавляющее же большинство зарубежных авторов резко отрицательно воспринимало советский опыт. Их интерес к истории Советской России, как признал впоследствии американский историк У.Г. Розенберг, «диктовалась необходимостью понять, каковы политика и идеология страны, ставшей в постсталинский период, к удивлению многих, главным противником и соперником Америки в мире»³. Свою главную задачу исследователи видели, помимо дискредитации коммунизма вообще, в показе неприглядности советского опыта, бесперспективности тоталитаризма как системы, разоблачении его «варварской» природы⁴. Подобного концептуального подхода придерживались и авторы известных за рубежом учебников по советской экономиче-

Советского Союза // Россия 19-20 веков. Взгляд зарубежных историков / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 31.

¹ Deutscher I. The Unfinished Revolution, 1917-1967. London, 1967.

² Коэн С. Бухарин: Политическая биография, 1888-1938 / Пер. с англ. М., 1988. С. 313.

³ Розенберг У.Г. История России конца 19-начала 20 в. в зеркале американской историографии // Россия 19-20 веков. ... С. 8.

⁴ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge (Mas.), 1960; Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge (Mas.), 1962; Shapiro L. Totalitarianism. London, 1972. Некоторые работы, спустя десятилетия, переведены на русский язык: Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. М., 1992; Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. М., 1993; и др.

ской истории – английские ученые А. Ноув и Р. Мантинг¹. В главах, посвященных 20-м гг., формулируется взгляд на нэп как на временную противоречивую политику, не имевшую перспектив развития в рамках существовавшей политической диктатуры. Авторы показали «зжатое» положение частного сектора, стремительно терявшего свой вес в экономике по мере завершения восстановительных процессов в народном хозяйстве.

В последнее десятилетие на фоне коренных изменений как внутренней, так и внешней политики России, существенно возрос интерес зарубежных ученых к истории России в целом и, в особенности, к ее переходным этапам и периодам, к числу которых относятся и 20-е гг. XX века. Это нашло выражение в появлении целого ряда сквозных исследований «позднеимперского» и советского периодов истории России². В главах по истории 20-х гг. содержится весьма краткая, но в то же время в большинстве своем непредвзятая информация о положении частной промышленности и торговли и их вкладе в восстановление экономики.

Многие зарубежные исследователи нэпа получили возможность совместной работы с российскими учеными, смогли открыто отстаивать свои взгляды на страницах российской научной прессы³. В этих публикациях в большинстве своем получили развитие взгляды, суждения и выводы, сделанные авторами в предшествующий период.

В рамках работы английского центра русских и восточно-европейских исследований, американского национального семинара по российской и советской социальной истории XX века в 1990-е гг. были подготовлены монографии и сборники – результаты обмена мнениями по чрезвычайно широкому кругу вопросов и проблем, связанных с различными аспектами реализации новой экономической политики в России⁴. Несмотря на разнообразие высказываемых авторами суждений относительно возможных перспектив развития нэпа, причин его «смерти», взаимоотношений власти и общества, в целом утвердился взгляд на нэп как на период сложного взаимодействия между целями политического руководства (строительство социализма, модернизация России на индустриальной основе и т.д.) и реакцией на попытки

¹ Nove A. *An Economic History of the USSR*. England, 1969; Munching R. *The economic development of the USSR*. London, 1982.

² Боффа Д. *История Советского Союза* / Пер. с итал.: В 2-х т. М., 1990; Хоскинг Д. *История Советского Союза: 1917-1991* / Пер. с англ. М., 1994; Малия М. *Советская трагедия: История социализма в России: 1917 – 1991* / Пер. с англ. М., 2002; и др.

³ Коэн С. Бухарин, нэп и альтернатива сталинизму // ЭКО. 1988. №9; Розенберг У., Дробижев В.З. *Социально-экономическое положение и политика Советского государства при переходе к нэпу* // История СССР. 1989. №4; Ноув А. *О судьбах нэпа* // Известия АН СССР. Сер. «Экономика». 1989. №6; Дэвис Р. *Развитие советского общества в 20-е гг. и проблема альтернатив* // Россия в 20 веке: историки мира спорят. М., 1994; и др.

⁴ *From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR* / Ed. by R.W. Davies. London, 1990; Pethybridge R. *One step backwards two steps forward. Soviet Society and Politics in the New Economic Policy*. Oxford, 1990. Hughes J. *Stalin, Siberia and the crisis of the new economic policy*. New York, 1991; *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture* / Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinovich and R. Stites. Indiana, 1991.

перемен со стороны общества, «отягощенного» социальным и культурным наследием дореволюционной России. При этом большинство авторов, вслед за Р. Пайпсом¹, продолжают утверждать, что в основу понимания и оценок советской истории 20-х гг. должен быть положен анализ политики, функционирования политических и властных государственных институтов. В то же время существует направление социальных историков², считающих интерес, проявленный в последнее время к политическим институтам, чрезмерным. Вслед за известным американским исследователем социальных процессов российской истории 20-х гг. Ш. Фицпатрик³ они призывают абстрагироваться от вопросов политической борьбы, погрузившись в изучение народной жизни.

Удачно избежать крайностей в приоритетах изучения российской истории 20-х гг., на наш взгляд, удалось американскому исследователю «последнего капиталистического класса в Советской России» А. Бэллу⁴. В своих работах он в равной степени стремился уделить внимание как выработке государственной политики по отношению к частному капиталу, так и характеристикам повседневной жизни нэпманов. Использование автором нетрадиционных для исторического исследования источников – журнала «Крокодил» 20-х гг., эмоциональных описаний аккредитованными в России в 20-е гг. иностранными корреспондентами атмосферы на улицах городов, общественного восприятия нэпманов – позволяют отнести его работы к разряду новаторских в плане воссоздания «портрета» нэпмана. Высоко оценивая исследование А. Бэлла в целом, нельзя не заметить, что сравнительная узость источниковой базы работы (автор опирался на опубликованные документы и материалы) не позволила ему детально изучить частные предприятия «изнутри», да и приводимые в работах эмоциональные оценки коммерсантов 20-х гг. зачастую лишь как «накипи» на поверхности осуществляемой правительством новой экономической политики далеко не исчерпывают характеристики этой социальной группы.

В России в условиях осуществляемых в последние годы радикальных преобразований всех сторон жизни общества коренным образом изменилась ситуация и внутри исторической науки, и вокруг нее.

Под влиянием современных экономических реформ, связанных с развитием рыночных отношений, либерализацией экономики, возрождением и реабилитацией частной собственности, закономерно возрос интерес к темам

¹ Пайпс Р. 1) Русская революция. В 2-х т. / Пер. с англ. М., 1990; 2) Россия при большевиках / Пер. с англ. М., 1997; и др.

² Льюис Э. К вопросу о социальной базе новой экономической политики // Проблемы политологии и политической истории. Вып. 2. Саратов, 1993; Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941 / Пер. с англ. Ростов/н/Д., 1993; и др.

³ Fitzpatrick S. 1) Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934: Studies of the Russian inst. Cambridge, 1979; 2) The Russian Revolution 1917-1932. New York, 1985.

⁴ Ball Alan M. 1) Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921-1929. Berkeley-Los Angeles-London, 1987; 2) Private Trade and Traders during NEP // Russia in the Era of NEP. Indiana, 1991.

и сюжетам по истории экономических реформ, истории предпринимательства, в том числе и периода нэпа. Дополнительный импульс исследовательским поискам современных историков в этом направлении придало кардинальное расширение источниковой базы: публикация закрытых ранее документов, переиздание трудов репрессированных в 1930-е гг. ученых и политических деятелей, ликвидация спецхранов и свободный доступ к архивным фондам. После непродолжительного периода активных попыток обнаружить в «золотом веке» нэпа ответы на все вопросы современности и схоластических споров об альтернативах и «конце» нэпа отечественная историография вступила на более продуктивный путь вдумчивого и всестороннего анализа реальных процессов жизни общества 20-х гг.

В последние годы наряду с осмыслением теоретических проблем нэпа: сущности и места этой политики в контексте общегосударственного развития¹, формирования экономической стратегии и тактики большевистского правительства 20-х гг.², противоречиях политики и экономики в условиях того времени³, получили принципиальное иное освещение и традиционные для «нэповской» проблематики темы: о развитии промышленности и сельского хозяйства и взаимоотношениях между ними⁴, изменениях социальной структуры общества⁵, о нэпе как о системе реформ⁶, о финансовой политике⁷. Определенным результатом нового осмысления отечественной истории 20-х гг. стали соответствующие главы изданных в 1990-е гг. учебников и учебных

¹ Нэп: приобретения и потери / Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко, В.А. Мау и др. М., 1994; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.) М., 1997; Нэп в контексте исторического развития России XX века / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 2001; Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М., 2002; и др.

² Горинов М.М. Нэп: поиски путей развития. М., 1990; Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 20-е годы. М., 1994; Разумов И.В. Нэп: пути развития и альтернативы // Путь в науку. Ярославль, 1995. Вып. 2; Грик Н.А. Советская экономическая политика в 1921 – 1933 гг.: критический анализ. Томск, 2002; и др.

³ Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998; Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; и др.

⁴ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е гг.: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989; Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. Саратов, 1996; и др.

⁵ Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в середине 20-х гг. М., 1996; Население Западной Сибири в XX веке / Отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск, 1997; Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М., 2000 – 2001; и др.

⁶ Мау В.А. Реформы и догмы. 1914-1929 гг. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Реформы и рынок в России: исторические и теоретические предпосылки / Под ред. А.Х. Худокормова. СПб., 1995; Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Редкол. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. СПб., 1996; Судьба реформ и реформаторов в России. М., 1996; Федоров О.А. История реформ в России (с середины 16 по конец 20 в.). Орел, 1997; и др.

⁷ Новиков А.Н. 1) Общества взаимного кредита (из опыта России в период нэпа) // Банковское дело. 1994. №2; 2) Частный валютный рынок 20-х гг. // Финансы. 1994. №9; Борисов С.М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. М., 1997; и др.

пособий по истории России XX в.¹ Разрабатываются и не типичные для отечественной историографии в прошлом проблемы и сюжеты², в том числе и касающиеся разных периодов истории российского предпринимательства³. Историкам нэпа, без сомнения, удалось преодолеть косность многих устоявшихся стереотипов советской историографии в интерпретациях и оценках частного предпринимательства 20-х гг. В то же время в большинстве своем современные исследователи избежали и другой крайности – неадекватного восприятия реальности 20-х гг., основанного на возведении в абсолют либеральных идей рыночной экономики. В ходе продолжающихся и по сей день дискуссий и обсуждений в отечественной историографии преобладающим стало понимание нэпа как антикризисной, компромиссной и двойственной политики, обусловившей в силу своей специфики достаточно узкие рамки для свободного рынка и частной инициативы.

Попытку с учетом новых подходов изучить российскую частную промышленность периода нэпа предпринял историк Л.Н. Лютов⁴. В его монографии сформулированы интересные и принципиально отличающиеся от советской историографической традиции выводы: о том, что условия труда на частных предприятиях были не хуже, а лучше, чем на государственных, а производительность труда – гораздо выше, что взаимоотношения между владельцами предприятий и наемными работниками очень редко строились на конфликтной основе и другие. Однако стремление автора судить об общероссийских процессах без опоры на архивные источники и региональные материалы, к сожалению, предопределило некоторый схематизм исследования и декларативность сделанных в нем выводов.

На региональном уровне конкретно-исторический анализ частного торгового предпринимательства в условиях смешанной экономики 1920-х гг. на уральских материалах осуществил А.П. Килин⁵. Автор исследовал формы и виды частноторгового предпринимательства, изучил основные направления

¹ История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М., 1991; Наше Отечество: Опыт политической истории: В 2-х т. М., 1992; История России. XX век / А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитренко и др. М., 1997; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2-х т. / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997; Новейшая история Отечества. XX век: Учеб. для студентов вузов: В 2-х т. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1998; и др.

² Российская повседневность. 1921-1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы. СПб., 1999; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы / Под общ. ред. Тимо Вихавайнена, СПб., 2000; и др.

³ Галаган А.А. История российского предпринимательства. М., 1993; Мартынов С.Д., Павлова О.К. История российского предпринимательства. СПб., 1996; Карнишин В.Ю. История российского предпринимательства и меценатства. Пенза, 1997; Никифоров О.А. Предприниматели Западной Сибири в общественно-политической жизни страны и региона в 1990-е годы. Томск, 2003; и др.

⁴ Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа. Саратов, 1994.

⁵ Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы: Дис. ... канд. ист. наук / Уральское отд. ин-та истории и археолог. РАН. Екатеринбург, 1995.

государственной политики по отношению к частному капиталу. Проведя контент-анализ личных дел «лишенцев», А.П. Килин попытался дать социально-психологическую характеристику частного торговца периода нэпа. Исследование А.П. Килина отличают взвешенность и разносторонний подход к оценке роли и места частной торговли в экономике и способов ее вытеснения государством.

В сибиреведении последних лет тема частного капитала периода нэпа рассматривалась, как правило, в контексте других проблем. Так, в работах В.А. Ильиных, плодотворно занимающегося изучением одного из ключевых аспектов новой экономической политики – сибирским заготовительным рынком, сюжеты, связанные с частным предпринимательством, исследовались косвенно, при анализе государственной политики в отношении частного капитала как одного из участников заготовительного рынка¹. В трудах А.А. Николаева – специалиста по истории советской кооперации в Сибири – проблемы предпринимательства периода нэпа освещались в связи с влиянием частного капитала на мелкую промышленность и кустарные промыслы².

Таким образом, на сибирских материалах специального изучения частного капитала 1920-х гг. историками, за исключением автора данного учебного пособия³, не производилось.

¹ Ильиных В.А. 1) Коммерция на хлебном фронте. Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа (1921-1927 гг.) / Отв. ред. Н.Я. Гушин. Новосибирск, 1992; 2) «Масляная война» 1923/1928 гг. в Сибири (государство, кооперация, частный капитала на заготовительном рынке в условиях нэпа) / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 1996; и др.

² Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 2000.

³ Демчик Е.В. 1) Предпринимательская деятельность нэпманов в Сибири // Вопросы истории. 1999. № 7; 2) Сибирские общества взаимного кредита в годы нэпа // Собственность в XX столетии. М., 2001; и др.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА 1920-Х ГОДОВ

Переходный и двойственный характер российской экономики 20-х гг., сложные составляющие исторически конкретного феномена «частный капитал» (экономические, социальные, идеологические, политические) определяют многомерность методологических принципов и подходов в его изучении.

Частное предпринимательство в условиях нэпа – явление в своем роде уникальное, порожденное конкретными обстоятельствами, совокупностью экономических и политических факторов, характерных только для России в конкретный период исторического развития. В то же время существование частного капитала, частной собственности, частного предпринимательства, независимо от региональных и временных рамок, – универсальное явление, присущее в тех или иных формах всем странам, цивилизации в целом на определенном этапе исторического развития, связанным с переходом от традиционно-аграрного общества к индустриальному. Это позволяет рассматривать генезис частного капитала 20-х гг. через призму процесса модернизации, понимаемого в широком смысле слова как движение к современному обществу.

Несмотря на обилие разноплановых суждений относительно содержания, масштабов, темпов, сроков, показателей и условий процесса модернизации¹, не вызывают больших возражений утверждения о том, что, во-первых, процесс перехода от традиционного общества к современному охватывает все без исключения страны, во-вторых, что модернизация в России (независимо от того, причисляют или нет исследователи страну к «догоняющему эшелону») имела и имеет свою специфику. В отличие от западных цивилизаций, где движение по пути к современному обществу основывалось на развитии рыночных структур, частнособственнических и демократических институтов в политике, экономике, духовной сфере, в России, особенно после прихода большевиков к власти, этот процесс был связан с повышением роли государства во всех сферах общественной жизни, свертыванием демократических прав и свобод, усилением плановых начал в экономике, развитием коллективистской психологии. Как отмечала Л.И. Семенникова, «рынок, частная собственность, парламентаризм, элементы гражданского общества, многопартийность – все оказалось на свалке российской истории»². Однако было

¹ Российская модернизация: проблемы и перспективы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993. №7; Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. №4/5; История России (Россия в мировой цивилизации): Учеб. пособие / Под ред. А.А. Радугина. М., 1997. С. 181-182; Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917-1925 гг.). Красноярск, 1997; Опыт российских модернизаций 18 – 20 веков / Отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000; и др.

² Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. №6. С. 53.

бы чересчур упрощенным рассматривать все процессы в жизни российского общества после 1917 г. лишь через призму однолинейной модернизации по-большевистски. В 20-е гг. в условиях новой экономической политики осуществлялся более «мягкий» вариант модернизации, основанный на постепенном, медленном и половинчатом, но все же восстановлении модернизаторских завоеваний дореволюционной России. Символично, что и само большевистское руководство называло период как минимум до середины 20-х гг. этапом восстановления народного хозяйства и лишь затем выдвинуло лозунг «реконструкции». Помимо восстановления, нэп, как справедливо заметил В.А. Красильщиков, представлял собой колоссальный шаг вперед по пути модернизации, так как содействовал втягиванию огромной массы крестьян в систему рыночных отношений, взрывал патриархальность деревни, разрушал отношения личной зависимости¹. В результате в российской действительности 20-х гг. теснейшим образом переплелись структуры не только дореволюционной и Советской России, но и элементы традиционного и современного обществ. Сложное взаимодействие различных элементов и систем, особенно в области экономики, создавало основы многовариантности путей дальнейшего развития. Не последнюю роль в этом играло возрождение частного капитала, частного предпринимательства, других рыночных структур, которые могли бы «заработать» средства, необходимые для дальнейшей модернизации. Однако большевистский режим избрал «леворадикальный путь модернизации»² под лозунгом «догнать и перегнать Запад», полностью отвергая при этом западные образцы.

Исследование частного капитала 20-х гг. как общецивилизационной составляющей процесса модернизации проводилось на основе принципов материалистической диалектики, разностороннего и комплексного подходов к анализу исторической действительности. Частный капитал рассматривался в процессе не только собственного развития, но и в контексте эволюции всей нэповской системы, представлявшей собой сложное взаимодействие различных, зачастую полярных экономических, политических, социальных элементов и структур.

Из общенаучных методов ключевую роль играли методы восхождения от конкретного к абстрактному, типологизации, сравнения, анализа и синтеза, аналогии. Наряду с традиционными специально-историческими методами – генетическим, сравнительным, системным и ретроспективным – при систематизации качественных характеристик предпринимателей в исследовании использовался контент-анализ.

Для осмысления сущности частного капитала и определения его реального места в исторической действительности 20-х гг. использовались тео-

¹ Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 86.

² Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998. №1. С. 9.

ретические положения исследований многих известных ученых второй половины XIX – первой трети XX вв. Изучение структуры частного капитала осуществлялось на основе марксистского анализа исторически сложившихся форм капитала (денежного, товарного, производительного), их сочетания и взаимодействия (товарно-торговый, денежно-торговый, банковский, ростовщический, промышленный)¹; положений фундаментального исследования В.И. Ленина о стадиях и особенностях развития капитализма в России²; классификации «типов капитализма» М. Вебера (авантюристический; торговый; ориентированный на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы; современный)³. При определении места частного капитала и его роли в социально-экономической системе 20-х гг. важную роль играла ленинская концепция многоукладной экономики переходного периода⁴, рассмотрение В.А. Базаровым, Л.Н. Юровским, Н.Д. Кондратьевым, А.Д. Билимовичем и другими выдающимися экономистами 20-х гг. складывавшейся в связи с нэпом своеобразной экономической ситуации под углом зрения смешанной экономики⁵. Для понимания сущности частного предпринимательства ключевое значение имели работы основоположников современной экономической теории А. Маршалла и Й. Шумпетера⁶, размышления о частной собственности русского философа И.А. Ильина⁷, характеристика М. Вебером «духа капитализма»⁸, трактовки Г.К. Гинсом образа предпринимателя⁹. Выделение и оценка «новых» предпринимателей как особого социального слоя осуществлялись на основе сочетания элементов классовой теории¹⁰ и теории стратификации общества¹.

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: В 4-х кн. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. М., 1961. С. 293-307, 346-354, 430-439; Т. 25. Ч. 2. М., 1962. С. 3-65, 142-162.

² Ленин В.И. 1) Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С.488, 493-494, 542-552, 563-564, 569, 599-600; 2) Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов // Там же. Т. 16. С. 230-231, 301-302; и др.

³ Вебер М. Предварительные замечания. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 50-53.

⁴ Ленин В.И. 1) О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С. 296; 2) Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Там же. Т. 39. С. 272; 3) О продовольственном налоге (Значение новой экономической политики и ее условия) // Там же. Т. 43. С. 207; и др.

⁵ Базаров В.А. Темп накопления... С. 32-34; Юровский Л.Н. Денежная политика... С. 352-408; Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики... С. 302; Билимович А.Д. Советское хозяйство... С.132-148; и др.

⁶ Маршалл А.У. Принципы экономической науки: В 3-х т. / Пер. с англ. М., 1993. Т. 1. С. 375-399; Т. 3. С. 5-18; Шумпетер Й.А. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Пер. с нем. М., 1982. С. 169-175, 184-189, 192-194, 211- 225.

⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 277-287.

⁸ Вебер М. Предварительные замечания. ... С. 47-48.

⁹ Гинс Г.К. Предприниматель. М., 1992. С. 17-75.

¹⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1960. С. 293; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Ч. 2 // Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 457-458; Ленин В.И. 1) Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С.15;

В качестве источников использовались законодательные и нормативные акты 1920-х гг., опубликованные документы и материалы центральных и местных партийных и хозяйственных организаций, статистические источники, периодическая печать, воспоминания, архивные документы.

Конституция 1918 г., принятые в начале 20-х гг. Гражданский и Уголовный кодексы РСФСР определяли рамки существования частного капитала в условиях пролетарской диктатуры. Несмотря на содержащиеся в Гражданском кодексе гарантии неприкосновенности частной собственности, в целом эти документы имели ярко выраженную политическую окраску и были построены на принципах неравного права для разных категорий граждан.

Стенограммы партийных съездов и конференций 20-х гг.² позволяют выяснить сложный механизм выработки тактики по отношению к частному капиталу, которая в условиях однопартийной государственной системы автоматически превращалась в директивы и постановления. Одна часть последних вошла в сборник «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», другая – в «Сборник декретов, постановлений, распоряжений, приказов по народному хозяйству». В систематизированном виде законодательство, относящееся к регулированию частного предпринимательства, представлено в книге Я.А. Канторовича, а также в специальном сборнике законов о частном капитале, изданных в 1920-е гг.³ Они точно иллюстрируют изменения в формах и методах государственного регулирования частного бизнеса.

Что же касается публикаций документов местных партийных и хозяйственных органов, то в Сибири делаются лишь первые шаги в этом направлении. Изданы сборники документов о деятельности Сибревкома, по истории Алтая в восстановительный период, по истории Омска, Новосибирска и некоторые другие⁴. К сожалению, они содержат лишь фрагментарный материал по социально-экономическим вопросам, а документы по истории частного предпринимательства в них практически не включены.

Большой интерес представляют регулярно выходившие в 20-е гг. экономические сводки центральных хозяйственных ведомств и их местных от-

2) Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Там же. С. 279, 280; 3) Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41. С. 24; и др.

¹ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / Пер. с англ. М., 1992. С. 302-373; Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. №5; и др.

² X съезд РКП(б): Март 1921 г.: Стенографический отчет. М., 1963; Протоколы X всероссийской конференции РКП(б): Май 1921 г. М., 1933; и др.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1-2. М., 1967; Канторович Я.А. Частная торговля и промышленность в СССР по действующему законодательству: Систематиз. сб. декретов, постановлений, инструкций, распоряжений и приказов с разъяснительными замечаниями. Л., 1925; Законы о частном капитале: Сб. законов, постановлений, инструкций и разъяснений / Сост. Б.С. Мальцман, Б.Е. Ротнер. М., 1929.

⁴ Сибирский революционный комитет (Сибревком): Август 1919 – декабрь 1925: Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959; Алтай в восстановительный период: Сб. документов и материалов. Барнаул, 1960; и др.

делов. Многие из них построены на материалах первичной отчетности органов регулирования экономикой как в центре, так и на местах, и обладают высокой степенью научной достоверности. Всеобъемлющие характеристики основных показателей развития народного хозяйства, включая частное предпринимательство, содержатся в издаваемых в 1922-1925 гг. статистико-экономических ежегодниках¹. С 1925 по 1930 г. подобные сведения стали публиковаться ежегодно как материалы к отчетам правительства². Эти документы помогают установить взаимосвязь между политикой по отношению к частному капиталу с другими мероприятиями нэпа, а также дают цифровые материалы об удельном весе различных секторов экономики.

Для изучения генезиса частного капитала в промышленности использовались данные промышленных переписей: 1920 г., городской 1923 г., мелкой промышленности 1925, 1927, 1929 гг., ежегодных, начиная с 1925/26 г., обследований фабрик и заводов, материалы которых были включены в различные статистические издания³. Эти сведения позволяют изучить технико-экономические условия работы частных предприятий, численность занятых на них рабочих, количество выпускаемой продукции, сопоставить работу этих предприятий с государственными и кооперативными. Главные сложности в работе с документами заключались в том, что зачастую содержащиеся в них данные являются несопоставимыми. За исключением ежегодных обследований ценовой промышленности, проводившихся с 1925/26 г. по так называемому бланку «Б», содержащему стандартные показатели, все другие переписи осуществлялись по разным методикам.

Всесоюзная городская перепись населения 1923 г. и Всесоюзная перепись населения 1926 г. содержат сведения о разных группах предпринимателей: «хозяевах с наемными рабочими», «хозяевах, работающих только с членами семьи или товарищества», «хозяевах-одиночках». В материалах переписей⁴ имеются разнообразие сведения о занятиях, половозрастном составе, семейном положении, грамотности, жилищных условиях «хозяев», что создает основу для составления коллективного портрета «нэпмана», позволяет

¹ Народное хозяйство СССР: статистико-экономический ежегодник. Вып. 2-4. М., 1923-1925.

² СССР: Год работы правительства: Материалы к отчету за 1924/25 бюджет. г. М., 1926; СССР: Год работы правительства: Материалы к отчету за 1925/26 бюджет. г. М., 1927; и др.

³ Бюллетень статистики труда и промышленности. Новосибирск, 1928-1929; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2: Промышленность. Новосибирск, 1928; Фабрично-заводская промышленность Союза ССР и его экономических районов. Вып. 1: Общая экономическая, социальная и технико-экономическая характеристика союзной промышленности по данным годичного обследования за 1925/26 г. М., 1928; Мелкая и ремесленная промышленность Сибирского края. Новосибирск, 1929; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930; и др.

⁴ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. 2: Население городов Союза ССР по занятиям. Вып. 3: Крым, Азиатская часть РСФСР, Белорусская ССР: Труды ЦСУ. Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. Отдел демографии. М., 1925; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел 2. Т. 23: Сибирский край, Бурят-монгольская АССР. М., 1929; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел 3: Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Т. 40. М., 1930.

проследить изменения в численности и составе частных предпринимателей 20-х гг.

Налоговые данные и материалы патентной статистики¹ позволяют изучить имущественную дифференциацию в среде предпринимателей, сопоставить их доходы с доходами других групп населения, а также провести количественный анализ динамики частной торговли.

Важным источником для изучения частного капитала служит периодическая печать: профессиональные экономические и массовые общественно-политические и литературно-публицистические издания 20-х гг. На страницах центральных газет – «Экономической жизни», «Торгово-промышленной газеты», регионального еженедельника «Экономическая жизнь Сибири» регулярно печатались материалы о частной промышленности и торговле: заметки о работе частных предприятий, отчеты о работе товарных бирж, экономические сводки, обзоры, информации об общем состоянии рынка, о деятельности комиссий по изучению частного капитала и другие. Сопоставление с данными архивных документов показало высокую степень достоверности этих материалов, которые в ряде случаев дополняют и расширяют данные других источников.

В журналах экономического профиля – «Экономист» (Петроград, 1922), «Социалистическое хозяйство» (М.; Л., 1923-1930), «Финансовые проблемы планового хозяйства» (М., 1922-1930), «Экономическое обозрение» (М.; Л., 1923-1930), а также в «Экономическом бюллетене научно-исследовательского конъюнктурного института» (М., 1922-1929), издаваемых наркоматами и другими хозяйственными ведомствами, помещались аналитические статьи и обозрения ведущих экономистов того времени. По своему содержанию они являются серьезными научными работами, опирающимися на широкую источниковую базу. Их ценность для современного исследования определяется как концептуальными позициями авторов, так, в равной мере, их обращением к многим утраченным впоследствии первичным материалам.

Основные массовые общественно-политические периодические издания, выходившие в Сибири, – ежедневная газета «Советская Сибирь» и ежемесячный журнал «Жизнь Сибири», содержат весьма разнообразный по содержанию и жанру материал о частном капитале. Для «Советской Сибири» в большей степени, чем для журнала, характерна политизированность. В заметках, репортажах, статьях частный капитал, независимо от контекста, в соответствии с партийной линией рассматривался как скрытый враг или, в

¹ Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах): Доклад комиссии СНК Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929; Внутренняя торговля СССР за 1924/25 – 1925/26 гг. (по полугодиям) по налоговым данным. М., 1928; Патентная торговля за 1925/26 г. М., 1929; Статистический бюллетень Сибирского статистического управления. Новосибирск, 1926-1929; и др.

лучшем случае, временный попутчик. В последней же трети 20-х гг. основной упор делался на создании в массовом сознании неприглядного образа заворовавшегося и обанкротившегося «нэпмана». Газетная информация в данном случае является явно усеченной. Менее идеологизированные публикации представлены в журнале «Жизнь Сибири». В основном они носят характер экономических обзоров, написаны хозяйственниками-практиками и, как правило, построены на основе результатов статистико-экономических обследований.

Широко обсуждаемый в партийно-государственном руководстве того времени вопрос о пределах и принципах допущения частного капитала в экономику, возможностях и сроках взаимодействия с ним нашел отражение в центральных партийных изданиях – журналах «Большевик» и «Вестник Коммунистической Академии». Сибирские же региональные партийные издания – «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», «Известия Сибирского краевого комитета ВКП(б)», выходивший в Новосибирске журнал «Большевик» затрагивали вопрос о частном капитале преимущественно лишь в контексте определения конкретных мер по отношению к нему, их разъяснения и пропаганды. Помещаемые на страницах этих изданий информационные письма, решения, постановления, передовые статьи содержали установки для членов партии и хозяйственников относительно тактики в адрес частного капитала.

В небольшевистских политических изданиях 20-х гг. – сменовеховском журнале «Россия» («Новая Россия»), издаваемых в Берлине разными течениями социал-демократии «Социалистическом вестнике» и журнале «Заря», выходившем в Праге эсеровском издании «Революционная Россия», – помимо статей об экономическом состоянии России того времени, месте частного капитала в нэповской экономической системе, помещались так называемые сообщения с мест. В «Социалистическом вестнике», например, имела постоянная рубрика «По России», в которой корреспонденты приводили бытовые зарисовки российской действительности того времени. Регионально они, конечно же, были далеки от Сибири, однако их ценность для нашего исследования состоит в информировании о повседневной жизни, увиденной представителями разных политических течений.

«Картинки быта» становились предметом и фоторепортажей. Иностранные корреспонденты, аккредитованные в Москве, делали многочисленные фотографии не только символов нового строя, что можно было увидеть и на страницах советской печати, но и весьма оживленных городских рынков, ярких вывесок и полных прилавков частных магазинов. Большинство таких фотографий было опубликовано в выходившем в 1927-1930 гг. в Париже еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия». В Сибири же иллюстрированный журнал «Настоящее» помещал лишь карикатурные портреты «нэпманов».

Наряду с фотодокументами общий эмоциональный фон того времени, отношение разных категорий граждан к представителям частного капитала во многом помогают воссоздать источники личного происхождения (воспоми-

нения, письма, дневники)¹, а также литературно-публицистические произведения 20-х гг.² Они отражают субъективное авторское видение происшедшего и, безусловно, могут использоваться лишь в совокупности с другими источниками. Вместе с тем восприятие одних и тех же событий и процессов людьми разных возрастных категорий, разных убеждений и взглядов позволяет расширить и обогатить современные представления об исторической действительности 20-х гг.

Для выяснения вопросов о преемственности коммерческой деятельности «новых» предпринимателей и коммерсантов, работавших в Сибири до революции, использовались данные «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири»³.

Ценную для исследования группу источников составляют документы центральных и сибирских архивов. Имеющиеся в фондах наркомата торговли, финансов, государственной плановой комиссии Российского государственного архива экономики, фонде наркомата рабоче-крестьянской инспекции Государственного архива Российской Федерации отчеты, справки, распоряжения, материалы переписки позволяют сопоставить ход процесса возрождения частного капитала в центре и исследуемом регионе. Зачастую эти документы являлись результатом работы специальных комиссий по изучению частного капитала или обследований рабоче-крестьянской инспекцией различных сфер деятельности частных предпринимателей. Они содержат элементы анализа и несут отпечаток личных взглядов работников, что позволяет представить в общих чертах позиции того или иного ведомства по отношению к частному капиталу.

Уникальные сведения о сибирских предпринимателях 20-х гг. отложились в фонде Урало-Сибирской конторы «Кредит-бюро» Российского государственного архива экономики. Более 300 досье, собранных специальными корреспондентами этой организации, содержат не только сведения об отраслевой специализации, оборотах, кредитовании целого ряда частных предприятий Сибири, но и о деловой репутации их владельцев.

В фондах местных исполкомов и их финансовых, торговых, плановых отделов, фондах статистических бюро, товарных бирж, других хозяйственных организаций Государственных архивов Алтайского и Красноярского краев, Омской, Томской, Иркутской и Новосибирской областей отложился целый комплекс самых разнообразных по форме и содержанию документов,

¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997; Марков А.П. Как это было (Воспоминания сибиряка). М., 1995; Наринский А. Торговля в годы нэпа: записки очевидца // Торговля. 1993. № 2/3; Обыденный нэп (Сочинения и письма школьников 20-х годов) // Неизвестная Россия. XX век. Книга 3. М., 1993; Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 1. М., 1990; и др.

² Шагинян М. Что есть нэпман? // Россия. 1923. №6; Маяковский В.В. Грозный смех. Окна сатиры Роста. М.: Л., 1938; и др.

³ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4-х т. / Под ред. Д.Я. Резуна, Д.М. Терешкова. Новосибирск, 1994-1999.

касающихся в той или иной степени деятельности частного капитала, – от подлинников деклараций, заполняемых владельцами торговых и промышленных частных предприятий, до оперативных сводок местных отделов ГПУ о деятельности частного капитала. Многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые.

Как известно, частные предприятия не сдавали в государственные архивы собственную документацию, поэтому их деятельность может быть воссоздана преимущественно на основе документов различных контролирующих и проверяющих государственных структур. Исключением являются фонды товарных бирж, содержащие планы, отчеты, протоколы заседаний и другие документы секций частной промышленности и торговли, а также фонды финансовых управлений, включающие первичные материалы об обществах взаимного кредита, в которые объединялись частные предприниматели.

То обстоятельство, что большинство документов имеют опосредованный характер и ярко выраженную идеологическую окраску, а также многообразие имевшихся в те годы методик подсчетов частных торговых и промышленных предприятий, зачастую приводящих к противоречивым, отрывочным и несопоставимым результатам, и, наконец, сама специфика частно-предпринимательской деятельности, предопределяющая возможность судить о ней всегда лишь с той или иной степенью вероятности, затрудняют исследование, но, вместе с тем, делают его и более увлекательным.

В целом же совокупность изученных документов и материалов в полной мере позволяет исследовать историю частного капитала Сибири периода 1920-х гг.

ГЛАВА 3. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: 1921-1923 ГГ.

3.1. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ВЫРАБОТКА ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВА С ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ

Углубление в 1920 – начале 1921 г. широкомасштабного экономического и социально-политического кризиса, вызванного войной, применением и расширением системы мер «военного коммунизма», заставило большевистское правительство в корне изменить экономическую тактику, провозгласив весной 1921 г. переход к новой экономической политике. Ее сущность В.И. Ленин определил как «максимальный подъем производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян, использование частного капитала и направление его в русло государственного капитализма, всесторонняя поддержка инициативы мест, борьба с бюрократизмом и волокитой»¹. При этом подчеркивалось, что новая политика проводится «всерьез» и займет «долгий, рядом лет измеряемый период времени»². Для большевиков нэп стал способом удержания и укрепления власти партии в условиях «задержки» мировой революции и преимущественно мелкотоварной экономики страны. Впоследствии слово *нэп* являлось синонимом гибкости и умеренности в осуществлении коммунистической партией своей доктрины строительства социализма. Под нэпом понимают также систему управления и хозяйствования, где решение задач экономического роста осуществлялось не только командно-административными, но и рыночными методами. С этим термином отождествляется и реальная многоукладная экономика 20-х гг. с присущими ей особенностями.

В рамках новой экономической политики намечалась частичная децентрализация экономики в целом, стимулирование сельскохозяйственного производства путем замены разверстки натуральным налогом с разрешением свободной реализации на рынке оставшихся после его выполнения излишков, существенное уменьшение государственного сектора в промышленности, реабилитация торговли и денежного обращения, допущение в экономику на особых условиях частного капитала.

Переход к новой экономической политике в Сибири по сравнению с другими регионами страны имел свои особенности, определяемые во многом специфическим социально-экономическим и политическим положением этой обширной территории.

Сложность целого комплекса задач, которые приходилось решать в Сибири органам большевистской власти, потребовала создания и работы

¹ Ленин В.И. Планы проекта наказа от СТО // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 398.

² Ленин В.И. 1) X Всероссийская конференция РКП(б) 26-28 мая 1921 г.: Проект резолюции по вопросам новой экономической политики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 333; 2) Речь при закрытии конференции 28 мая // Там же. С. 340.

здесь с августа 1919 г. по декабрь 1925 г. наделенного чрезвычайными полномочиями особого гражданского и военного органа управления – Сибирского революционного комитета, которому подчинялись все другие государственные структуры на территории Сибири. Подведомственные ему Алтайская, Омская, Томская, Новониколаевская, Енисейская и Иркутская губернии, Ойротская и Бурят-Монгольская области и Якутская советская социалистическая республика получили общее название Сибревкомовской Сибири. На ее территории в 1920 г., без Якутии, проживало 7,7 млн чел., подавляющее большинство которого (88%) – в сельской местности. Немногочисленное городское население было преимущественно сосредоточено в губернских центрах: Омске (147 254 жителя), Иркутске (109 218 жителей), Томске (89 887 жителей), Красноярске (75 469 жителей), Новониколаевске (69 511 жителей), Барнауле (63 227 жителей)¹. Аграрный характер экономики Сибири во многом определил особенности осуществления здесь новой экономической политики.

К началу 1920 г. масштабное военное противостояние на территории Сибири завершилось победой Советской власти. Долговременные ожесточенные сражения 1918-1919 гг., а также проводимые в течение предшествующих лет массовые мобилизации и реквизиции в связи с мировой и гражданской войнами нанесли огромный ущерб хозяйству: сократились как посевные площади в целом, так и средний размер посева на 1 хозяйство (с 5,6 до 2,0 десятин); понизился удельный вес основных товарных культур в структуре посевов; на четверть уменьшилось количество скота; разрушенной оказалась ведущая товарная отрасль сельского хозяйства Сибири – маслоделие (заготовки масла сократились более чем в 13 раз)². Тысячи крестьянских хозяйств были разорены, продовольственные запасы, имущество и инвентарь разграблены.

Не менее сложная ситуация сложилась в промышленности, валовое производство которой составило лишь четверть довоенного уровня. По данным переписи 1920 г., в Сибири было зарегистрировано 37 тыс. промышленных предприятий, из которых на 26 тыс. не использовался наемный труд, а подавляющая масса остальных представляла собой мелкие мастерские с 1-5 работающими. Из и так небольшого числа относительно крупных промышленных предприятий (1640) большая часть бездействовала или работала не в полную нагрузку. Оборудование на них устарело, не хватало сырья и топлива. Наполовину сократилась добыча угля, выплавка чугуна составила лишь 4% от довоенного уровня, а добыча золота – 3,3%³.

¹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 1121. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Ф. 1180. Оп. 1. Д. 677. Л. 4-5.

² Яровой И. Очерк сельского хозяйства Сибири // Жизнь Сибири. 1922. №2. С. 84; История Сибири. ... Т. 4. С. 151, 177.

³ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп.13. Д. 904. Л. 126об.; Оп. 67. Д. 184. Л. 101; История Сибири. ... Т. 4. С. 190-191.

Территория Сибири отличалась чрезвычайно низкой плотностью населения: на каждую квадратную версту приходилось в среднем лишь 2 человека. Самыми малонаселенными являлись восточные территории Сибири: в Иркутской губернии на 1 кв. версту приходился 1 житель, а в Енисейской губернии – 0,5¹. При такой малой плотности населения, большой протяженности территории, удаленности населенных пунктов друг от друга и от центра особое значение приобретали транспортные магистрали и связь, которые также пострадали от военных действий. По железной дороге от Новониколаевска в направлении центра стояли разбитые поезда, вагоны в которых были заполнены трупами людей, погибших от холода и болезней. К осени 1921 г. половина паровозов и пассажирских вагонов, четвертая часть товарных вагонов оставались неисправными. Были разрушены телеграфные и телефонные линии, железнодорожные пути, взорвано 167 мостов, в том числе через реки Тобол, Ишим, Иртыш и Обь².

Сложная экономическая ситуация усугубилась распространением в 1920 г. на территорию Сибири системы мер «военного коммунизма»: жесткой продовольственной диктатуры в отношении сельских производителей, замены торговли государственным распределением товаров и продуктов, навязывания «товарищеских» форм землепользования (коммуны, совхозы, артели) взамен индивидуальных, национализации всех частных предприятий с числом наемных рабочих больше 10 человек, трудовой повинности, централизации и огосударствления экономики в целом.

Не оправившееся после военных тягот крестьянское хозяйство было поставлено под новый удар: по продразверстке Сибирь должна была сдать государству 110 млн пуд. зерна, 6,7 млн пуд. мяса, что превышало четвертую часть всей продразверстки в стране³. Таким образом, крестьяне вынуждены были расстаться не только с излишками сельхозпродукции, которых в средних хозяйствах, как правило, и не было, но и большей частью собственного семенного, фуражного и продовольственного фондов. Причем конфискации хлеба проводились не только в зажиточных хозяйствах, но и в тех, что едва сами сводили концы с концами. Это с неизбежностью обусловило трудности посевной кампании следующего года, отрицательно сказалось не только на экономической ситуации в регионе, но и на политических настроениях крестьянства, отношении их к Советской власти.

В связи с нехваткой продовольствия вследствие общей разрухи в стране, недорода 1920 г., засухи 1921 г. правительство продлило взимание продразверстки в большинстве сибирских уездов до осени 1921 г. и существенно повысило ставки продналога в 1922 г. для сибирского региона. В результате сибирские крестьяне после выполнения продразверстки вынужде-

¹ ГАНО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

² Тумаркин Д. Контрреволюция в Сибири // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. №55. С. 12; Сибревком. ... С. 126-128.

³ История Сибири. ... Т. 4. С. 159.

ны были сдать государству продналог в размере одной пятой от валового сбора зерна урожая 1921 г., в то время как по РСФСР продналог составил 12-15% валового сбора. Ценой большого напряжения сил и собственного обнищания к концу 1922 г. сибирские крестьяне выполнили государственные задания сдачи продовольственного налога в полном объеме. В то время, как перелом в сельскохозяйственном производстве страны в целом произошел уже в 1922/23 г., в большинстве сибирских губерний кризисное положение сельского хозяйства продолжало усугубляться: вплоть до 1923/24 г. сокращались посевные площади и поголовье скота, падала урожайность зерновых. Таким образом, сельское население Сибири с опозданием по сравнению с европейской частью страны ощутило реальные преимущества новой экономической политики, что сдерживало и затрудняло возрождение здесь рыночных отношений.

Итак, аграрный характер сибирской экономики, задержка замены разверстки продовольственным налогом, слабое развитие промышленности, большая протяженность территории, значительные расстояния между населенными пунктами, малая плотность населения и интенсивные миграционные процессы, удаленность и оторванность от центра, наличие широкого круга жителей, недовольных мероприятиями советской власти, во многом определили общую направленность восстановления сибирской экономики, повлияли на процесс возрождения здесь торговли и ее характер, обусловили во многом специфические условия для развития частного предпринимательства.

Вместе с тем и в Сибири переход к новой экономической политике означал на практике наряду с другими мерами активное использование личной инициативы и предприимчивости, что в условиях многоукладной экономики с преобладанием мелкотоварного уклада хозяйства неизбежно вело к восстановлению и развитию частнокапиталистического предпринимательства. Не прекращавший своего существования в силу экономической необходимости и в условиях «военного коммунизма» так называемый вольный рынок должен был быть легализован и найти свое место в сложной социально-экономической структуре общества.

При всем своеобразии сложившейся на сибирской территории ситуации в основу регулирования частнопредпринимательской деятельности здесь были положены единые для всей страны принципы государственной политики. Для понимания ее сущности и логики принципиальное значение имеют ленинские идеи, к которым впоследствии неоднократно обращались его соратники и которые послужили основой для принятия большинства государственных решений в отношении судеб частного капитала.

Эволюция взглядов В.И. Ленина на проблему взаимоотношения государства с частным капиталом во многом зависела от решения им более кардинальных вопросов о сущности социализма и роли в новом обществе товарно-денежных отношений.

В первые годы большевистской диктатуры выбор стратегии и тактики по отношению к частному капиталу был продиктован в основном ожиданием грядущей мировой революции, которая утвердила бы «мировую коммунию» во главе с большевистской партией и ее бесспорным лидером. Не только Ленин, но и его сподвижники полагали, что социалистическая революция может победить лишь первоначально «в отдельно взятой стране», а затем ее примеру должны последовать развитые в промышленном отношении европейские государства. «Еще до революции, а также и после нее, – признавал Ленин на III конгрессе Коминтерна в июле 1921 г., – мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть»¹. Решительность, с которой большевики взяли власть в Октябре 1917 г., стремительность в проведении внутренних преобразований в первые послереволюционные месяцы, непримиримость к «классовым врагам» в годы гражданской войны во многом объяснялись осознанием большевиками себя в качестве авангарда мировой революции.

В работах В.И. Ленина 1917-1920 гг. содержались прямые указания на насилие по отношению к бывшим буржуа и оправдание террора – экономического и политического – как единственного способа взаимоотношений между классами в революционную эпоху. Ленин был убежден, что именно в ходе такой «самой напряженной, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны»² и вырастает социализм. В декабре 1917 г. в работе «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» он писал: «...Целый исторический период характеризуется подавлением сопротивления капиталистов, характеризуется, следовательно, систематическим насилием над целым классом (буржуазией), над его пособниками»³. На неизбежность этой борьбы «не на живот, а на смерть» Ленин указывал как сразу после Октября 1917 г., так и в более поздний период, в полемике с деятелями II Интернационала, «левыми» коммунистами.

В то же время, оценивая противоречивую сущность экономики переходного периода, в который, по его мнению, вступила страна после взятия власти большевиками, Ленин пришел к выводу о том, что сам «переход» означает, «что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма» в виде пяти различных общественно-экономических укладов. При этом основная борьба происходит не между государственным капитализмом и социализмом, а «мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма»⁴. Этот вывод был подготовлен более ранними

¹ Ленин В.И. III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня – 12 июля 1921 г.: Доклад о тактике РКП 5 июля // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36.

² Ленин В.И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Там же. Т. 35. С. 192.

³ Там же. С. 193.

⁴ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Там же. Т. 36. С. 295, 296.

размышлениями о сущности госкапитализма в «эпоху диктатуры пролетариата», суть которых нашла отражение в работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться». В этой работе, в частности, указывалось, что «социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии»¹. Исходя из ошибочной посылки о монополистическом капитализме как высшей и последней стадии капитализма, Ленин делал столь же ошибочный вывод о том, что вслед за государственным капитализмом с неизбежностью должен последовать социализм.

Политика госкапитализма, по мнению Ленина, должна была воплотиться в том числе и в дифференцированном отношении к «подчинившимся» и «не подчинившимся» требованиям большевистской диктатуры капиталистам. К первой группе предполагалось применять «приемы компромисса», ко второй – «беспощадной расправы»². В период «мирной передышки» весны 1918 г. в отношении буржуазии, которая побеждена, но не уничтожена и не сломлена до конца, на очередь дня выдвигалась «новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия». Решающим шагом в этом направлении Ленин считал организацию «строжайшего учета и контроля за производством и распределением продуктов»³.

Впоследствии, сделав вывод о необходимости новой экономической политики, Ленин признал, что «мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота»⁴ и что был, несомненно, ошибочным упрощенный взгляд на отношения между рабочими и крестьянами. В докладе о замене разверстки натуральным налогом на X съезде партии Ленин указал, что отношения между ними необходимо подвергнуть «более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру». «Нам надо, – говорил Ленин, – ставить вопрос прямо: интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, что хочет рабочий». Для удовлетворения потребностей мелкого земледельца нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты⁵. Средством для этого должна была послужить замена разверстки продналогом и разрешение свободного товарообмена. Задача же использования частного капитализма и в период товарообмена не ставится как самостоятельная. Речь идет пока о капитализме как посредующем звене между мелким производством и

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Там же. Т. 34. С. 192.

² Ленин В.И. О «левом» ребячестве... С. 305.

³ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Там же. С. 175.

⁴ Ленин В.И. X съезд РКП(б) 8-16 марта 1921 г. : Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта // Там же. Т. 43. С. 63.

⁵ Там же. С. 57, 58.

социализмом, как способе повышения производительных сил¹. Что же касается степени развития капитализма в связи с нэпом, то Ленин прямо говорил об этом: «Новая экономическая политика означает ... переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере – этого мы не знаем»².

Анализ практики товарообмена 1921 г. показал, что последний не соответствует объективным условиям развития экономики. Выступая на VII Московской губпартконференции 29 октября 1921 г., Ленин вынужден был признать, что «товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу»³. Под влиянием анализа реальных процессов, происходивших в экономике летом-осенью 1921 г., претерпели существенное изменение взгляды Ленина на роль торговли и денежного обращения в период социалистического строительства. На смену задачам товарообмена как главного звена нэпа с последующей натурализацией хозяйственных отношений пришли требования «государственного регулирования торговли и денежного обращения»⁴.

Осознание Лениным необходимости и неизбежности длительного сохранения товарно-денежных отношений и торговли при социализме определило задачи «реформистского» подхода и к частному капиталу: «не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевать ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления»⁵. Поскольку «оживление» наступило сразу после законодательного разрешения частного предпринимательства, соответственно возникла необходимость организации государственного контроля за этой деятельностью. Ленин приложил немало усилий для постановки такового. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов 28 декабря 1921 г., он потребовал от наркомата юстиции несравненно больше энергии в деле контроля за частными предпринимателями⁶. Более детально о задачах наркомата юстиции по борьбе с частным капиталом Ленин писал 20 февраля 1922 г. в закрытом письме наркому юстиции Д.И. Курскому: «Не видно понимания того, что мы признали и будем признавать лишь государственный капитализм... ни к черту не годными коммунистами надо признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки

¹ Ленин В.И. О продовольственном налоге: Значение новой экономической политики и ее условия // Там же. С. 229.

² Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Там же. Т. 44. С. 159-160.

³ Ленин В.И. VII Московская губпартконференция 29-31 октября 1921 г.: Доклад о новой экономической политике 29 октября // Там же. С. 207.

⁴ Ленин В.И. Там же. С. 212.

⁵ Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Там же. С. 222.

⁶ Ленин В.И. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый IX Всероссийским съездом Советов // Там же. С. 337.

государственного...». Ленин призвал наркомост «подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды и научить их карать беспощадно, вплоть до расстрела за злоупотребления новой экономической политикой»¹. 22 февраля 1922 г. Ленин направил письмо в Политбюро ЦК РКП(б) с требованием немедленно создать комиссию для изменения проекта Гражданского кодекса, который в тот момент обсуждался в Совнарком. «Главной задачей комиссии, – писал Ленин, – признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы»². Защиту классовых интересов пролетариата в его борьбе с капиталом Ленин определил в качестве одной из главных задач и профсоюзных органов. Для ее решения он считал необходимым перестройку аппарата профсоюзов, образование стачечных фондов³.

Резкий тон письма к Курскому, настойчивость, с которой Ленин требовал соблюдения прежде всего интересов трудящихся при разработке законодательства о частном капитале, свидетельствуют о больших опасениях буржуазной реставрации в том случае, если частный капитал выйдет из-под контроля.

С четким определением законодательных рамок, в границах которых пролетарское государство могло допустить существование частного капитала, не подвергая опасности завоеваний революции, Ленин связывал конец отступления «в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем»⁴. В речи на Всероссийском съезде металлистов 6 марта 1922 г., Политическом отчете ЦК XI съезду РКП(б) 27 марта 1922 г., в докладе на IV Конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г., речи на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. Ленин определил задачи следующего этапа в осуществлении новой экономической политики. Формулировка этих задач основывалась на анализе опыта первого года нэпа. Не отрицая несомненных успехов в оживлении хозяйственной жизни страны, в удовлетворении интересов рабочих и крестьян, налаживании экономического союза между ними, Ленин между тем заявлял, что все же в первый год новой экономической политики, с его точки зрения, государство «действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из-под рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спеку-

¹ Ленин В.И. О задачах наркомоста в условиях новой экономической политики: Письмо Д.И. Курскому // Там же. С. 397.

² Ленин В.И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о Гражданском кодексе РСФСР // Там же. С. 401.

³ Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // Там же. С. 342.

⁴ Ленин В.И. О международном и внутреннем положении Советской республики: Речь на заседании Коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. // Там же. Т. 45. С. 10.

лянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или и те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины». В этих условиях Ленин считал, что «то нервничанье, та суетливость, которые создавались у нас вследствие нэпа, стремление создавать все по-новому, приспособлять, – чтобы это было приостановлено». На повестку дня ставилась задача перегруппировки сил, в условиях которой предстояла «отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом», предстояло «выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме ... а станет спорить: что ежели надо достать, правильно торговать, суметь построить, то я-то построю дорого, а, может быть, коммунисты построят дороже, если не в десять раз дороже». В этом соревновании между капитализмом и социализмом за крестьянство Ленин видел «корень экономики». Особенностью этой борьбы с частным капиталом являлось то, что она «стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда видим, где против нас враг и кто наш друг»¹. Действия коммунистов в этой ситуации, указывал Ленин, должны быть предельно гибкими: «нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить». Не давая готовых рецептов приемов этой борьбы, Ленин подчеркивал необходимость, с одной стороны, «учиться торговать», с другой, – «сводить к определенному минимуму» все отрицательные с точки зрения большевистской диктатуры стороны частнопредпринимательской деятельности путем строгого соблюдения классовых норм советского законодательства². К числу таких норм относилось лишение «эксплуататоров» избирательных прав и политических свобод. Ранее, до перехода к нэпу, В.И. Ленину казалось возможным «в самом недалеком будущем... при известных условиях» ввести «всеобщее избирательное право без всяких ограничений» и избрать другие способы «подавления эксплуататоров»³. Однако по прошествии ряда лет, в том числе и периода «мирного строительства», он полностью отверг эту возможность, подчеркнув, что если будет проявлено стремление «нэпманов» стать политической силой, то это встретит «серьезную оппозицию со стороны нашей государственной власти, а иногда и хуже, чем оппозицию, т.е. прямую враждебность»⁴.

В письмах наркому финансов Г.Я. Сокольникову 11 и 15 февраля 1922 г. Ленин предложил и практические пути подчинения частного капитала кон-

¹ Ленин В.И. XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г.: Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта // Там же. С. 86, 87, 95, 81, 94.

² Ленин В.И. Речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. // Там же. С. 302, 308.

³ Ленин В.И. Проект программы РКП(б). Вставка к политической части программы // Там же. Т. 38. С. 109.

⁴ Ленин В.И. Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» А. Рансому. Второй вариант (неоконченный) // Там же. Т. 45. С. 265.

тролю государства: «суд за незаконную торговлю», «регистрация частноторговых сделок и налог на них путем гербового сбора или каким-либо подобным образом»¹. О необходимости направить все внимание и все силы на победу над частной торговлей В.И. Ленин писал в письме члену правления Центросоюза В.А. Тихомирову в марте 1922 г.²

Итак, анализируя происходившие в России реальные исторические процессы, В.И. Ленин сумел перейти в своих воззрениях от полного отрицания возможности использования частного капитала в период социалистического строительства до осознания необходимости привлечения его в экономику в целях ее восстановления и развития. Правда, привлечение это выдвинулось ему лишь в ограниченных пределах и преимущественно в направлении госкапитализма. В то же время нельзя не заметить постоянного подчеркивания В.И. Лениным опасности частного капитала для социалистического строя и вызванную этим большую настойчивость в проведении жестких мер, вплоть до расстрела, по отношению к нелояльным к советской власти частным предпринимателям. Однако опыт мирного строительства в Советской России был относительно недолог, и ленинская концепция отношения к частному предпринимательству осталась незавершенной, но вряд ли ее можно назвать «рыночной» или содержащей идеи длительного сохранения так называемой смешанной экономики. Впоследствии обращение государственных и партийных руководителей к тем или иным сторонам этой незавершенной концепции позволяло им интерпретировать их по-своему, находить подтверждения собственным, зачастую противоречившим один другому, взглядам относительно перспектив, сроков и способов использования частного капитала в условиях переходной экономики.

Конкретные же решения, принимаемые на государственном уровне в отношении частного предпринимательства в первые годы нэпа, в целом были продиктованы ленинской логикой отношения к частному капиталу: временное использование под государственным контролем и на особых условиях.

Первыми признаками отступления от военно-коммунистических методов ведения хозяйства, вызванных «левыми» взглядами на возможность прямого и быстрого построения нового общества, а также суровыми условиями гражданской войны и интервенции, явились решения X съезда и XI конференции РКП(б) и связанные с их реализацией отдельные декреты, постановления и инструкции СНК РСФСР, ВЦИК, отдельных наркоматов, местных органов власти. При этом неразвезенные мечты о грядущей мировой революции и создании светлого будущего без «мироедов», притягательные иллюзии возможности стремительного, измеряемого годами, воплощения коммунистического идеала в действительность, безусловно, не могли быть разрушены мгновенно и продолжали оказывать довольно существенное влияние на ход

¹ Ленин В.И. - Г.Я. Сокольникову. 11.02.1922 г. и 15.02.1922 г. // Там же. Т. 54. С. 160, 167.

² Ленин В.И. Письмо В.А. Тихомирову и поручение секретарю // Там же. С. 195.

изменения стратегии и тактики государственных структур по отношению к частному капиталу.

Разработка основ допущения частнокапиталистической деятельности началась с решения X съезда РКП(б), сделавшего выбор между ленинской резолюцией и резолюцией, предложенной делегатом съезда М.И. Фрумкиным, в шестом пункте которой, в отличие от ленинских предложений, требовалась уступка государству оставшихся после уплаты натурального налога запасов в обмен на предметы личного потребления и хозяйственного оборота, а не свободная их реализация¹. Материалы X Всероссийской конференции РКП(б), проходившей в мае 1921 г., также свидетельствовали о борьбе двух направлений в партийном руководстве по поводу вопроса о сферах предпринимательской деятельности и ее границах. Как следует из доклада В.П. Милютинина, одни считали, что свободу торговли необходимо ограничить в том направлении, чтобы имели право свободной торговли на рынке только производители, не допускать оптовых торговцев, скупщиков, перепродавцов товаров, другие выступали за полную свободу торговли². Особенно зримо и отчетливо дилемма: централизованное хозяйство или свободный рынок – обозначилась в прениях по докладу Л.Б. Каменева «Очередные задачи партии в связи с восстановлением народного хозяйства» на Всероссийской конференции РКП(б) 19-22 декабря 1921 г. Как отметил докладчик в своем заключительном слове, «с одной стороны товарищ Ларин, который говорит: твердый план и его неуклонное исполнение, замкнутое социалистическое хозяйство, вокруг которого стоит капиталистическое окружение, а с другой – Осинский, который говорит: другого спасения нет, нужно все кинуть на рынок и пускай рынок сам решает»³. Резолюция по докладу свидетельствовала о том, что была выбрана «средняя дорога»: «исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им, и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процессов рынка, экономических мероприятий, взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»⁴.

Нерешенность и неразработанность принципиальных вопросов экономической теории социализма о принципах сосуществования плана и рынка, центра и местной инициативы, монополизма государственной собственности и свободы торговли и других привели к одновременному и параллельному существованию двух процессов: с одной стороны, – обсуждение в партийном и советском руководстве принципиальных теоретических вопросов о частном капитале, с другой стороны, вызванная необходимостью интенсивная выработка многочисленных ведомственных законодательных актов, зачастую половинчатых и, как правило, следующих постфактум, но все более расширяющих зону частнокапиталистического предпринимательства. Так, декретом

¹ X съезд РКП(б): Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 445.

² Протоколы X Всероссийской конференции РКП(б): Май 1921 г. М., 1933. С. 17.

³ Всероссийская конференция РКП(б) 19-22 декабря 1921 г.: Стенографический отчет. Ростов-на-Дону, 1922. С. 84.

⁴ Всероссийская конференция РКП(б) 19-22 декабря 1921 г. ... С. 207.

СНК от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях организациям власти в отношении мелкой и кустарной промышленности, сельскохозяйственной кооперации» была приостановлена национализация мелкой промышленности¹. Декретом СНК от 24 мая 1921 г. «Об обмене» были разрешены покупка и сбыт остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов мелкой промышленности не только на рынках, но и в закрытых помещениях². Изданная в развитие этого декрета инструкция СНК от 19 июля 1921 г. ввела разрешительный порядок для открытия таких торговых заведений³. Декретом ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О кустарной промышленности» – разрешено каждому гражданину организовывать мелкое промышленное предприятие⁴. Наконец, декретом ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. «О предприятиях, перешедших в собственность государства» от национализации освобождались предприятия, ввод в действие которых для государства был убыточен и нецелесообразен. Тем самым на них устанавливалось право частной собственности. Допускалось также приобретение государственными органами на вольном рынке необходимых предметов снабжения, недополученных в плановом порядке⁵. Таким образом, уже в течение 1921 г. на фоне острых дискуссий о возможности и основах частнокапиталистической деятельности в условиях перехода от капитализма к социализму и продолжавшихся попыток совершения товарообменных операций частный капитал фактически был допущен во все сферы экономической жизни, за исключением крупной промышленности и внешней торговли, являвшихся монополией государства. Частные предприниматели получили право свободно заниматься торговлей и посредническими операциями, участвовать в государственных подрядах и поставках, вкладывать капиталы в промышленное производство и т.п.

С определением законодательных рамок, в которых советское государство допускало частный капитал, связывался конец уступок частнохозяйственному механизму. Это положение было зафиксировано в резолюции по докладу Центрального Комитета XI съезду РКП(б) в марте-апреле 1922 г.⁶

Между тем легализация частнопредпринимательской деятельности потребовала установить в законодательном порядке отношения между государством и частными промышленниками и торговцами в целом. Декрет ВЦИК от 21 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», законодательно закрепил право граждан организовывать промышленные и торго-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 232-233.

² Там же. С. 233-234.

³ Законы о частном капитале. ... С. 6.

⁴ Там же. С. 182-183.

⁵ Там же. С. 186-187.

⁶ XI съезд РКП(б): Март-апрель 1922 года: Стенографический отчет. М., 1961. С. 525.

вые предприятия и заниматься всеми «дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами»¹.

Более подробно и детально эти права были разработаны Гражданским кодексом РСФСР от 31 октября 1922 г., где в статье 54 впервые после Октябрьской революции было четко определено понятие частной собственности для эпохи социалистического строительства и обозначены ее границы. В частности, указывалось, что предметом частной собственности могут быть немунципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа которых не воспрещена законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота². В течение 1923 г. также был принят ряд законов, конкретизирующих и дополняющих статьи Гражданского кодекса о правах частных предпринимателей. Постановлением СНК 2 января 1923 г. узаконивался институт частного посредничества в торговых операциях, а постановлением ВЦИК и СНК от 27 июля 1923 г. частным предпринимателям разрешалось быть посредниками и подрядчиками государственных органов³. Так, постепенно, шаг за шагом, в течение первых лет осуществления новой экономической политики был пройден путь от половинчатых мер товарообмена и разрешения местного свободного товарооборота до признания необходимости организации собственно частнокапиталистической деятельности в промышленности и торговле.

Предоставляя частным предпринимателям значительную степень экономической свободы, государство в то же время лишало их свободы политической и, отчасти, социальной. Согласно действовавшей конституции, лица, использовавшие наемный труд или жившие на «нетрудовые доходы», входили в категорию граждан, лишенных избирательных прав⁴. Они не могли создавать свои политические организации, издавать газеты или вести пропаганду своих взглядов каким-либо иным способом; не имели права служить в армии, занимать должности в государственном аппарате; были лишены социальных гарантий, в частности, – права на пенсию. Дети частных предпринимателей не имели права обучаться в школах с детьми других групп населения. Обладая имущественными правами, так называемые нэпманы оставались, по сути дела, изгоями общества, строившего социализм.

Сибирские органы власти и, в частности, Сибирский революционный комитет, рассматривали допущение частнопредпринимательской деятельности в контексте других мер нэпа. В июле-августе 1921 г. Сибревком принял

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. ... Т. 1. С. 313-315.

² Гражданский Кодекс РСФСР. М., 1950. С. 32.

³ Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству. 1923. №8. С. 178-181.

⁴ Конституция (Основной Закон) РСФСР (Принята V Всероссийским съездом Советов от 10 июля 1918 г.) // История Советской Конституции: Сб. док. 1917-1957. М., 1957. С. 79, 85.

решение о претворении в жизнь основ новой экономической политики, в том числе активно обсуждались вопросы денационализации, арендной политики, передачи ряда предприятий в руки частных предпринимателей¹. Привлечение частного капитала предполагалось провести, как и в центре, в те отрасли промышленности и на те предприятия, восстановление и работа которых не могли быть обеспечены ограниченными государственными капиталовложениями. Предполагась и выработка общесибирского плана использования частного капитала в промышленности с опубликованием в местных, общероссийских и зарубежных органах списков предприятий, для пуска которых привлечение частного капитала было единственно возможным средством². Внедрение частного капитала в местную промышленность мыслилось в различных формах: путем аренды, возврата промышленных предприятий их бывшим владельцам, наконец, разрешения с последующей регистрацией основания собственных частновладельческих заведений. Обсуждались и предложения о продаже в частные руки предприятий, не имевших государственного значения, о назначении «бескапитальных предпринимателей» управляющими государственных заводов с предоставлением им «производительных ссуд»³.

Обязательными условиями для внедрения частного капитала в промышленное производство являлось получение на таковое разрешения со стороны губернских экономических совещаний, приобретение соответствующего патента, соблюдение санитарных норм производства и охраны труда, контролируемое профсоюзами, своевременные выплаты арендной платы, платы за помещения в случаях их аренды, ведение соответствующей документации, которую в любое время можно было подвергнуть проверке, уплата налогов в соответствии с тарифной сеткой и принадлежностью предприятия к тому или иному разряду.

Процесс денационализации был принципиально новым и столь нелогичным с точки зрения губернских руководителей, что, не торопясь ее осуществлять, они не представляли себе даже процедуру возвращения собственности бывшим владельцам, считая, что это личное дело самих владельцев. Последние пытались вернуть свое имущество через суд. Только в июле 1922 г. Сибпромбюро ВСНХ, куда поступали недоуменные запросы с мест по этому поводу, направило свой запрос в Сибюст при Сибревком с вопросом: в каком порядке – судебном или административном – должно возвращаться бывшим владельцам их имущество⁴. Принятие решений о денационализации в целом было возложено на местные губернские экономические совещания. Для возврата же прежним хозяевам мельниц сначала необходимо было

¹ Сибревком. ... С. 141-143, 152-153, 161; ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 608. Л. 62, 69.

² Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 316. Оп. 1. Д. 55. Л. 172.

³ Неумоин С. Промышленность и торговля в Сибири // Жизнь Сибири. 1922. №4. С. 123-124.

⁴ ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

направить соответствующую просьбу в специальный мельничный подотдел губернского продовольственного комитета. Рассмотренное ходатайство с резолюцией направлялось через продовольственных комиссаров в губернские экономические совещания, которые и выносили окончательное решение по этому вопросу.

Отказ или удовлетворение ходатайств о денационализации, таким образом, были поставлены в зависимость от субъективных мнений местных руководителей. Отсутствие точной правовой регламентации этой процедуры не позволяло бывшим владельцам отстаивать свои права. Попытки обратиться по этому поводу в органы прокуратуры вызывали гневные отповеди ее работников, которые без обиняков объясняли ходатаям, что «красная прокуратура не склонна вставать на защиту их интересов, очень часто противоречащим интересам рабочих»¹. Тем не менее процесс возврата собственности ее бывшим владельцам в Сибири шел не менее интенсивно, чем в других регионах страны.

В рамках денационализации осуществлялась и демунICIPализация домов. Условиями возврата бывшим владельцам домов занимались специально созданные с этой целью комиссии губкомунотделов горисполкомов, на них же возлагалась выработка порядка последующей сдачи владельцами домов комнат жильцам и контроль за соблюдением условий сдачи (плата, санитарное состояние и т.п.).

Другой сферой приложения частного капитала в промышленности стала аренда предпринимателями государственных заводов, национализированных в годы революции и гражданской войны мастерских, мельниц и т.п. Большинство исследователей справедливо относят аренду к классическим формам госкапитализма, поскольку заключая арендный договор с государственными структурами, частный предприниматель принимал на себя ряд совершенно определенных обязательств и оказывался под более пристальным контролем государства, нежели предприниматель, действующий на свой страх и риск. Кроме того, в первом случае предприниматель использовал государственную собственность в качестве объекта для личного обогащения, в равной, а иногда и в большей степени работал на государство, чем на себя, или, по крайней мере, был заведомо обязан делиться с государством частью полученной прибыли не только в форме налоговых выплат. Принимая такие правила игры, арендатор в целом оказывался более вовлеченным в сферу государственного хозяйства, более послушным, более контролируемым и в силу этого более удобным для большевистской власти. Желание направить частнохозяйственный капитализм в русло государственного было, как известно, одним из основных идей ленинской тактики взаимоотношения с призываемым к жизни в рамках нэпа частным торговцем и промышленником.

Направление частного капитала в русло госкапитализма осуществлялось не только с помощью аренды. Один из современных исследователей

¹ ГАТО. Ф. 1 партийный (далее – П.). Оп. 1. Д. 91. Л. 160об.

И.А. Исаев, рассматривая проблемы правового регулирования частнопредпринимательской деятельности 1920-х гг., помимо хозяйственных организаций со смешанной формой собственности (аренда, концессии, смешанные акционерные общества), где доминирующим являлся принцип хозяйственно-оперативного преобладания государства, выделяет еще одну форму проявления политики госкапитализма по отношению к частному капиталу – оперативно-контрольные организации, относя к ним прежде всего товарные биржи¹. Ю.С. Дьяченко, показав на региональном уровне специфику товарных бирж в условиях советской власти, добавил к вышеназванным разновидностям госкапитализма и такую, как привлечение торговцев для заготовки и сбыта промышленных и сельскохозяйственных товаров². Относя вышеназванные формы хозяйственной деятельности к госкапитализму, авторы тем самым справедливо подчеркивают специфику положения частного капитала в условиях большевистской диктатуры, где практически все формы частнопредпринимательской деятельности имели те или иные ограничения, что было неизбежно в государстве, строившем социализм, понимаемый руководителями страны как строй, основанный исключительно на государственной форме собственности. Вместе с тем следует учитывать, что частное торгово-промышленное предпринимательство 1920-х гг. являлось своего рода феноменом, объединявшим самые разные формы этой деятельности: от заготовки пушнины и посредничества до владения и эксплуатации крупных промышленных и торговых предприятий. Степень подчинения интересам государства, как и степень государственного контроля за их деятельностью, была также весьма различной. Однако, используя государственное имущество для личного обогащения, предприниматели могли владеть и, зачастую, владели и собственным имуществом. Для того, чтобы заработала арендованная предпринимателем фабрика или мельница, он должен был вложить в нее собственные средства, проявить свои профессиональные умения. Отправляясь в качестве контрагента государственной или кооперативной организации на заготовку пушнины или кож и осуществляя эти заготовки преимущественно на привлеченные средства, предприниматель, как правило, преследовал только свои, причем вполне меркантильные цели. Давая подвергнуть себя контролю государства участием в работе товарных бирж, осуществлявших в России 1920-х гг., в отличие от других стран, преимущественно учетно-контрольные функции, частный торговец, безусловно, принимал во внимание лишь выгодность конкретной сделки лично для него и т.п. Итак, вступая в двухсторонний диалог с государством, частный предприниматель всегда преследовал свои личные интересы и обладал своей собственностью (интеллектуальной, имущественной или профессиональной), использование которой

¹ Исаев И.А. Проблемы правового регулирования советской многоукладной экономики // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 180.

² Дьяченко Ю.С. Развитие торговли на Алтае в 1920-е гг. Биржи и ярмарки // Предпринимательство на Алтае. ... С. 147-170.

наряду с государственной нельзя не учитывать даже при оценке сущности аренды как формы госкапитализма. Поэтому представляется возможным рассматривать и аренду, и действия частных предпринимателей на товарных биржах, и их иную строившуюся на договорных основах с государством деятельность как сферы приложения частного капитала и включать в число изучаемых процессов в связи с исследованием проблемы деятельности частного капитала Сибири в условиях нэпа.

Сдача промышленных предприятий в аренду частным лицам в сибирском регионе начала осуществляться летом – осенью 1921 г. При этом губернские экономические совещания выдвигали, как правило, следующие условия промышленной аренды для частных предпринимателей: предприятия сдаются в аренду лишь при обязательной поставке продуктов производства государству на наиболее выгодных для последнего условиях, в случае необходимости для этой поставки аренды данного предприятия¹. В арендном договоре указывался срок аренды, содержался перечень производственных обязательств арендатора, устанавливался размер арендной платы (как правило, в натуральных единицах выпускаемой предприятием продукции). Согласно статье 130 Уголовного кодекса РСФСР, «расточение» арендатором предоставленного ему имущества каралось лишением свободы на срок не ниже шести месяцев с расторжением договора и конфискацией всего или части принадлежавшего предпринимателю имущества².

В развитие решений центральных органов власти об охраняемом законом праве граждан заниматься любым занятием и промыслом на территории РСФСР Сибревком, губисполкомы и их отделы, исходя из местных условий, принимали решения о частном освоении и использовании природных угодий. Так, весной 1921 г. была разрешена организация частных табунов при соблюдении определенных условий: а) регистрация скота; б) осмотр скота городским ветеринарным надзором; в) уплата в кассу коммунального отдела губисполкома 7% платы за пастбу и страхование³. В октябре 1921 г. после отмены государственной монополии на рыбные промыслы местными губернскими продовольственными комитетами Сибири было принято решение о сдаче в аренду, в том числе и частным предпринимателям, рыбных угодий, с единственным условием уплаты не менее 5% стоимости всего улова рыбы⁴. Использование частного капитала планировалось и в таком важном для Сибири с ее огромными сырьевыми запасами промысле, как пушной. При этом государственные организации, как правило, стремились довольно активно прибегать к посредничеству частных заготовительных компаний. На севере Сибири 15 различных фирм: «Русско-английское смешанное общество», московское товарищество «Пушнина», уральская контора акционерного обще-

¹ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 69.

² Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 46.

³ Советская Сибирь. 1921. 22 мая.

⁴ Там же. 12 окт.

ства «Хлебопродукт» и другие стремились вести заготовку пушнины через частную агентурную сеть¹ на довольно льготных для представителей частного капитала условиях.

Выработка принципов и механизма использования частного капитала в торговле и контроль за ним, возложенные на комиссию по внутренней торговле при СТО², на местах должны были проводиться через губернские экономические совещания, а с мая 1922 г. – через образованные при них губернские комиссии по внутренней торговле (губвнуторги)³. При комиссии по внутренней торговле в Москве действовало на постоянной основе специальное совещание по частной торговле, положение о котором было принято в августе 1922 г. Согласно этому положению совещанию вменялось в обязанность давать свои заключения по предлагаемым комвнуторгом решениям, разрабатывать проекты мероприятий по частной торговле, организовывать сбор и изучение разного рода сведений о частном торговом обороте, изыскивать способы к упорядочению взаимоотношений государственной и кооперативной торговли, с одной стороны, и частной, с другой⁴. На региональном уровне подобные задачи возлагались на сами губернские комиссии по внутренней торговле.

В Сибири комиссия по регулированию торговли в масштабах всего региона была образована при Сибэконосо в марте 1923 г. В нее вошли, помимо назначенного Сибэконосо председателя, представители Сибпромбюро, Сибдальвнешторга, Сибцентрсоюза и Новониколаевской товарной биржи⁵. Циркуляром председателя сибирской комиссии по внутренней торговле А.М. Поволоцкого всем местным губвнуторгам вменялось в качестве одной из главных задач изучение роли частного торгового капитала на рынке, отдельно по рознице, мелкой и крупной оптовой торговле, и размеров, которые они занимали в обороте⁶. В целях регулирования и собственно производства торговой деятельности при Сибпромбюро был учрежден специальный орган – Сибторг, строивший свою работу на принципах коммерческого расчета. На него возлагались, помимо посредничества между отдельными предприятиями и объединениями и третьими лицами, разного рода заготовки, субсидирование подведомственных Сибпромбюро предприятий и вовлечение различными путями в оборотные средства местных торгов частного капитала⁷. Вовлечению частного капитала в торговый оборот, легализации и оздоровлению его деятельности способствовала работа руководства товарных бирж, а также

¹ Ретунский В.Ф. Частный капитал Севера Западной Сибири и его вытеснение // Экономическая политика переходного периода в СССР: проблемы методологии и истории: В 2 ч. Ч. 2. М., 1981. С. 183.

² Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8151. Оп. 5. Д. 1. Л. 11.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 130. Оп. 6. Д. 600. Л. 4-5.

⁴ Торгово-промышленная газета. 1922. 6 авг.; ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 6. Л. 218.

⁵ ГАНО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 434. Л. 5-6.

⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 126. Л. 38-39.

⁷ ГАНО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф. 253. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

рыночных комитетов. На последние возлагалось поддержание благоустройства и должного санитарного состояния рыночных площадей, а также оказание содействия налоговым органам в выяснении оборотов торговцев и учет торгующих на рынке¹. Мобилизации денежных средств частных предпринимателей и вовлечению их в товарооборот способствовали и сибирские конгрессные съезды, первый из которых состоялся с 1 по 10 июля 1922 г. в Новониколаевске.

Порядок открытия частных торговых заведений должен был обеспечиваться обязательной выборкой патентов в финотделах губисполкомов, а также выдачей отделами управления разрешений на право данным лицам заниматься частной торговлей². По распоряжению отдела управления Сибревкома от 7 марта 1922 г., каждый частный торговец, имеющий магазин или ларек, обязан был иметь при себе патент с указанием суммы денег, внесенной как за патент, так и суммы, уплаченной по местному обложению, вывешивать на видном месте ценники отдельно по каждому виду товаров, ежедневно заносить необходимые сведения в торговые книги, а торговцы предметами роскоши, помимо выплаты соответствующей суммы за патент, должны были иметь квитанции об уплате дополнительного взноса, уплаченного за торговлю этими предметами³. Открытие различных частных заведений для игр и развлечений (биллиардные, карусели, качели и др.), а также строительство и капитальный ремонт зданий, осуществляемый частными предпринимателями, должны были производиться только с особого разрешения местных органов управления⁴.

Активное использование частнопредпринимательской деятельности в условиях нэпа требовало соответствующей финансовой поддержки со стороны государства и концентрации имевшихся в руках частных лиц капиталов. Кредитование частного предпринимательства государством должно было также проводиться на особых по сравнению с кредитованием государственных и кооперативных организаций условиях и подчиняться определенным правилам. На их основе сибирские отделения и конторы Промбанка и Госбанка, выдавая кредит частной клиентуре, должны были устанавливать ставки учетного и ссудного процентов и комиссионные выше, нежели в операциях с другими клиентами. Сроки этого кредита ограничивались довольно непродолжительным временем и должны были предоставляться преимущественно владельцам тех предприятий, которые были подвергнуты предварительному обследованию работниками финансовых органов⁵. Кредитование частной клиентуры должно было осуществляться и через общества взаимного кредита (ОВК), объединявшие собственные капиталы частных предпри-

¹ Там же. Ф. 806. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1018. Л. 5.

³ Советская Сибирь. 1922. 5 апр.

⁴ О разрешении частных заведений с неазартными играми // Жизнь Сибири. 1922. №1. С. 17; Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 2244. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

⁵ Советская Сибирь. 1923. 26 июля.

нимателей. Устанавливается определенный порядок образования подобных обществ. После утверждения на общем собрании учредителей устава общества, он направлялся в Москву, в СТО. После соответствующего решения СТО и заключения местных государственных финансовых учреждений о целесообразности организации ОВК, последнее считалось учрежденным и начинало работу. При этом среди учредителей обществ зачастую выступали в качестве пайщиков различные государственные и кооперативные организации.

Регулятором отношений государства с частным капиталом являлась налоговая политика. Согласно советскому налоговому законодательству начала 1920-х гг. частные торговцы и промышленники должны были уплачивать промысловый налог; подоходно-поимущественный налог; косвенные налоги (акцизы на табак, винно-водочные изделия, соль, сахар, спички и др.; таможенные сборы и пошлины); единовременные налоги (гербовый и канцелярский сборы и др.); местные налоги и сборы (налог с грузов, провозимых по железной дороге и водными путями, с публичных зрелищ и увеселений, с плакатов, афиш, рекламы, объявлений и т.п.). Эта система налогов с небольшими изменениями продолжала сохраняться в течение всех 1920-х гг., однако место, реальная значимость, размер и удельный вес каждого из этих налогов менялись в зависимости от политической конъюнктуры.

В условиях перехода к нэпу ведущее место отводилось взиманию промыслового налога, состоящего из патентного и уравнительного сборов. На его долю приходилось около 70% всех налоговых выплат частных предпринимателей¹. Помимо фискальных задач этот налог носил и контролирующей, учетный характер. В дальнейшем патентная статистика стала одним из надежных источников изучения частнопредпринимательской деятельности 1920-х гг.

Каждый гражданин, решивший самостоятельно заняться предпринимательством, должен был приобрести в финансовом отделе губернского исполкома соответствующий масштабам и профилю этой деятельности патент. Помимо дифференциации размеров патентного сбора в зависимости от принадлежности предприятия к одному из пяти разрядов по торговле или двенадцати разрядам по промышленности при определении суммы сбора учитывался и географический фактор. В этом отношении территория страны была условно поделена на пять различных поясов. Сибирские города Иркутск, Красноярск, Ленинск (Омский), Новониколаевск, Омск и Томск были отнесены ко второму, так называемому вышесреднему поясу, Барнаул, Бийск, Благовещенск – к третьему, среднему поясу².

Ставки патентного сбора, хотя и соответствовали конкретным разрядам, не могли точно учитывать мощности и платежеспособности индивидуального предприятия. Для учета при налогообложении фактического оборота

¹ ГАИО. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 9. Л. 41.

² Налоговое обложение частной торговли и промышленности. М., 1927. С. 14.

каждого предприятия и использовался уравнилельный сбор. Облагаемый оборот выявлялся, во-первых, на основании заявлений об оборотах за предыдущее полугодие, которые владельцы частных предприятий обязаны были подавать в налоговые комиссии два раза в год, не позднее 15 октября и 15 апреля, во-вторых, сведений, полученных фининспекторами при обследовании предприятий, и, в-третьих, торговых книг, которые должны были вести предприниматели. Как общее правило, уравнилельный сбор исчислялся в размере 1,5% от суммы оборота. Но в зависимости от характера предприятия и от рода предметов торговли или производства устанавливались разные проценты: для торговых предприятий – от 0,5 до 6%, а для промышленных – от 0,25 до 5%¹. Искусственное завышение финансовыми работниками размера промыслового налога могло спровоцировать повышение цен и другие негативные процессы, но никак не отразиться на экономическом положении самого частного предпринимателя, поскольку промысловый налог относился к числу так называемых перелагаемых налогов. Его реальная тяжесть для каждого предпринимателя напрямую зависела от степени возможности переложения этих выплат на других лиц. В арсенале частных торговцев и промышленников было по меньшей мере два способа такого переложения: путем повышения цен на товары налог перелагался на покупателя, а путем понижения цен на покупаемые предпринимателем товары и материалы и сокращения фонда заработной платы – на поставщиков и рабочих.

Помимо уплаты промыслового налога, частные предприниматели должны были выплачивать подоходно-поимущественный налог, прогрессия которого колебалась в пределах от 0,8% при доходе в 120 тыс. руб. дензнаками 1922 г. до 15% при доходе свыше 2 млн руб.² Этот налог законодательно был установлен в ноябре 1922 г., и в Сибири первым облагаемым по нему полугодием стал период с октября 1922 г. по апрель 1923 г. по прибыли, полученной в мае-сентябре 1922 г. По положению о государственном подоходно-поимущественном налоге к его уплате привлекались проживающие в городах граждане, извлекающие доходы из следующих источников: 1) от участия в торговых, промышленных и кредитных предприятиях в качестве собственников, владельцев, совладельцев, арендаторов, пайщиков, вкладчиков и вообще от всяких занятий ремеслами и другими промыслами, торговлей, подрядами, поставками, посредничеством, комиссионерством и т.д. ; 2) от владения зданиями и другими имуществами в городах и от арендования этих зданий и имуществ в целях коммерческой эксплуатации; 3) от денежных капиталов, процентных и дивидендных бумаг и т.п. Под доходом понималась при этом сумма получения в денежной или натуральной форме, которая после покрытия производственных и торговых расходов, связанных с извлечением дохода от данного источника, может быть употреблена получателем на

¹ Там же. С. 36-37.

² Организационные формы и методы государственного регулирования экономикой в период новой экономической политики: Сб. обзоров. / Отв. ред. Е.В. Богомолова. М., 1992. С. 65.

удовлетворение личных потребностей или обращена в имущество, сбережения и на расширение предприятия¹. Суммы уплаты по подоходно-поимущественному налогу должны были определяться инспекторами финансовых отделов губисполкомов на основании заполняемых плательщиками специальных деклараций о доходах, которые затем проверялись фининспекторами как с формальной стороны, так и по существу, путем осмотра в случае необходимости принадлежащих плательщикам торговых и промышленных заведений, складов, квартир и других помещений, а также торговых книг. При этом должны были составляться протоколы, подписываемые фининспекторами, плательщиками и понятыми.

В первые годы нэпа подоходно-поимущественный налог не имел того значения в деле регулирования частной торгово-промышленной деятельности, которое приобрел впоследствии: процедура его определения и взимания была весьма трудоемкой, предполагала проявление не только кристальной честности предпринимателя, но и скрупулезной проверки финансовыми инспекторами сведений о его имуществе и доходах.

Давая общую оценку выработке государственного механизма использования частного капитала в условиях начала осуществления новой экономической политики, необходимо отметить, что именно в этот период были разработаны наиболее существенные условия привлечения частного капитала в целях восстановления и развития экономики: использование частного капитала в промышленности и торговле на второстепенных по важности для народного хозяйства позициях при сохранении государственной монополии внешней торговли и оставлении основных средств производства или, согласно терминологии того времени, «командных высот экономики» в руках государства (крупная промышленность, земля, пути сообщения); практически полное лишение частных предпринимателей политических прав, ограничение и отчасти регламентация их владельческих прав в интересах большевистской диктатуры; распространение различных форм государственного контроля за деятельностью частного капитала.

В то же время допущение частнокапиталистической деятельности потребовало и определения положительных прав частного бизнеса. Оценивая сущность законодательства первых лет Советской власти, исследователи 1920-х гг. и часть современных авторов отмечали, что оно было направлено преимущественно на определение положительных прав частных предпринимателей². Однако очевидно, что только сам факт «призыва» частного капитала, осуществляемого большевистским правительством исключительно с целью сохранения собственной власти, отнюдь не означал, что эти, и без того ограниченные, права будут соблюдаться. «Для развития капитализма, – писал известный русский экономист 20-х гг. С.Н. Прокопович, – нужны капиталы и капиталисты, гражданское право соответствующего содержания, признающее

¹ ГАНО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 122. Л. 7.

² Законы о частном капитале. ... С. 8; Исаев И.А. Проблемы правового регулирования... С. 173.

свободу частнохозяйственной инициативы и право собственности, суды и полиция, неприкосновенность личности и свобода печати, демократия и парламентаризм»¹. Ни того, ни другого в России не было. Допущение капитализма, как справедливо отмечал известный исследователь нэпа В.П. Дмитренко, осуществлялось лишь на «свободное пространство», что диктовало режим его ограничения и пресечения на «пограничной линии» и неумолимого вытеснения по мере роста государственного сектора². Положение частных предпринимателей, несмотря на декларирование неприкосновенности их собственности, оставалось шатким, а будущее – туманным.

Сибирские руководители характеризовали свои отношения с частным капиталом как упорный длительный бой, решительная атака в котором лишь отложена «до нового подъема революции»³. Среди партийных и государственных руководителей господствовало мнение о том, что политика допущения частного капитала в экономику себя не оправдала. Партийные пропагандисты находили «лицо» частного предпринимателя таким отвратительным, что «по классическому выражению Маркса, хоть штаны на него надень»⁴. В январе 1923 г. «Торгово-промышленная газета» с возмущением писала о нежелании сибирского руководства вести диалог с частником⁵. Даже перспективы восстановления здесь торговли и продвижения товаров в сибирскую глубинку в большей степени связывались с развитием государственной розничной торговли, а не частной и даже не кооперативной.

Между тем дискуссии о перспективах применения частного капитала, границах его допущения продолжались с не меньшей остротой, приобретая к 1923 г. форму спора о величине опасности для социалистического строительства растущего вместе с нэпом частного торгового капитала. Отражением этих дебатов стала борьба вокруг предложения Л. Красина об иностранных кредитах и займах на XII съезде партии. В ходе его обсуждения было ярко выражено стремление Е. Преображенского «задушить зародыш частного капитала», подвергнута критике Н. Бухариным «инженерская» точка зрения, представителей которой, по его словам, «совершенно не печалит вопрос о том, по какому руслу пойдет ... развитие производительных сил, по капиталистическому или социалистическому, лишь бы оно шло на подъем», и, наконец, высказано Л. Троцким мнение о том, что «новая экономическая политика нами установлена всерьез и надолго, но не навсегда» и что «плановое начало мы распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его»⁶. Общий настрой по отношению к частному капиталу, таким образом,

¹ Пропокович С.Н. Что дал России нэп. ... С. 23.

² Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // Нэп: приобретения и потери. ... С. 39

³ Шифрес С.А. На полях отступления // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. №45. С. 51; Ходоровский И. Итоги и перспективы // Советская Сибирь. 1922. 4 янв.; и др.

⁴ Ходоровский И. Куда мы идем. По поводу новой экономической политики и укрепления наших рядов // Сибирские огни. 1922. №1. С. 79.

⁵ Шпиндлер Е.М. О развитии торговли Сибири // Торгово-промышленная газета. 1923. 30 янв.

⁶ XII РКП(б) 17-25 апреля 1923 г. : Стенограф. отчет. М., 1963. С. 143, 191, 343.

стал виден довольно отчетливо: допущение частного капитала является неизбежным злом, при малейшей возможности от его использования надо отказаться.

Общая направленность политики государства в отношении частного капитала, как в центре, так и на местах, ясно свидетельствовала о стремлении как можно более быстрыми темпами направить его деятельность в русло госкапитализма.

3.2. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА: ФОРМЫ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Провозглашение новой экономической политики вызвало небывалый всплеск предпринимательской активности населения. Ее развитию способствовали имевшийся у многих в прошлом опыт предпринимательской деятельности, преимущественно «разрешительный» по отношению к частной инициативе характер государственного законодательства первых лет нэпа, отсутствие острой конкуренции в условиях легализовавшегося и возрождавшегося рынка.

Приступая к изучению места и роли частного капитала в экономике Советского государства, исследователи 20-х гг. пытались дать дефиницию термина «частный капитал» применительно к эпохе социалистического строительства. Наиболее распространенным стало определение, появившееся в одном из учебных пособий, изданных в 1920-е гг. «Под частнохозяйственным механизмом, – указывалось в нем, – надо понимать все те капиталистические предприятия (промышленные, сельскохозяйственные и торговые), которые никакими договорными отношениями с государством не связаны»¹. На практике же под капиталистическими предприятиями зачастую понимались ремесленные и кустарные мастерские, мелкая торговля без применения наемной рабочей силы. Подобные трактовки приводили исследователей к неадекватной оценке размеров частнокапиталистической деятельности, порождали в обществе мнение о якобы баснословных прибылях и гигантских масштабах частных предприятий, что в свою очередь должно было оправдывать в глазах общественности программу поспешных наступательных действий по отношению к частному капиталу.

По-разному оценивалась и роль частного капитала в первые годы отказа от военно-коммунистических методов ведения хозяйства. Большинство исследователей 20-х гг., вслед за известным публицистом и хозяйственным деятелем Ю. Лариным, относили период с весны 1921 г. по осень 1923 г. ко

¹ Сегаль Л., Таль Б. Экономическая политика Советской власти. М.; Л., 1929. С. 89.

времени «буржуазного воровства в различных видах и формах»¹. Основным содержанием этого периода, как они считали, было «разбазаривание» государственных средств неудержимой частнокапиталистической стихией, захлестнувшей все отрасли экономики. Причины такого «разбазаривания» И.С. Кондурушкин, принимавший непосредственное участие в качестве обвинителя во всех крупных судебных должностных и хозяйственных процессах с 1918 г. по 1927 г., видел в чрезвычайной подвижности, гибкости и изворотливости предпринимателей, наличии у них опыта коммерческой деятельности в совокупности с вопиющей бесхозяйственностью государственных органов². Более четко тезис о невозможности противостоять частной стихии в первые годы нэпа сформулировал А. Кактынь в работе «О подходе к частному торговому капиталу». «Прямой расчет диктовал нам пассивную политику по отношению к растущему вместе с нэпом частному капиталу», – констатировал он³. Так же считал член комиссии по изучению частного капитала при наркомате торговли А.С. Иосилевич⁴. Впоследствии, не углубляясь в изучение данной проблемы, исследователи лишь высказывали общие соображения о том, что в условиях отсутствия государственного торгового сектора в первые годы нэпа частным предпринимателям были предоставлены все возможности «набить себе карман». Эти утверждения мало отличались от рассуждений Ю. Ларина о буржуазном воровстве. Их основой являлся не столько фактический материал о реальной деятельности частного капитала в условиях перехода к нэпу, сколько ставшее традиционным для советской историографии положение марксистской доктрины о том, что прибавочная стоимость может образовываться исключительно путем эксплуатации наемного труда, и что прибыль, полученная частным предпринимателем, – это всегда не заработанный им доход. Эти постулаты не были оспорены и в опубликованной в конце 80-х гг. статье историка М.А. Свищева⁵, призывающего не бояться частного предпринимательства на современном этапе.

С переходом к нэпу воспоминания о работе своего или соседнего предприятия в дореволюционный период, сравнительная простота его основания в новых условиях, естественное желание улучшить свое материальное положение толкнули к разного рода предпринимательской деятельности десятки тысяч людей. Сначала эта бурная деятельность проявилась в активизации товарообмена, не прекращавшегося со времени национализации торговли и получившего весной-летом 1921 г. дополнительный импульс. На городских «толкучках» одни обменивали или продавали последнее, чтобы прокормиться, другие скупали эти товары за бесценок или обменивали на продукты,

¹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. ... С. 7.

² Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927. С. 158.

³ Кактынь А. О подходе к частному торговому капиталу. М., 1924. С. 14.

⁴ Иосилевич А.С. Пути развития частного капитала в торговле // Частная торговля Союза ССР. М., 1927. С. 157.

⁵ Свищев М.А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. №1. С. 10-11.

а приобретенные товары везли в пригородные села и там снова обменивали на продукты питания. Стремление ограничить торговлю рамками товарообмена, декларируемое центром, приводило к тому, что местные власти, наряду с другими обязательствами, требовали от частных торговцев следовать так называемым товарообменным свидетельствам. В них, в частности, указывалось, что при обнаружении продажи и обмена продуктов, полученных от перекупщиков, виновные будут караться за злостную спекуляцию и уклонение от государственного контроля по суду с немедленным закрытием продажи и обмена. Как спекуляция и срыв продналогов рассматривались продажа и обмен продуктов, на которые существовали продналоги и которые были приобретены продавцом от неплательщиков налогов. Производящие продажу и обмен в закрытых помещениях должны были вести запись всех продуктов, получаемых для обмена, с указанием источника получения¹. Частным торговцам пытались запретить выезжать за товарами за пределы местного рынка или, наоборот, въезжать на определенную территорию, как, например, в г. Славгород, переполненный желающими обменять свой товар на имевшуюся здесь в избытке соль². Однако все было напрасно: население охватила настоящая торговая лихорадка.

Массовый торговый ажиотаж явился полной неожиданностью для государственных структур. С некоторой растерянностью местные губернские экономические совещания докладывали в конце 1922 г. в СТО, что они не могут уследить за количественным ростом частных торговых заведений и их оборотами³. Единственным цифровым материалом на этот счет могли служить лишь сведения финотделов о выданных патентах и сведения отделов управления губисполкомов о выданных разрешениях на право торговли.

Будущие бизнесмены, как правило, владели довольно ограниченным капиталом, частью сохранившимся с дооктябрьских времен в виде золота, драгоценностей и товаров, частью накопленным в период «военного коммунизма» «мешочниками» и торговцами местных «сухаревок» и «маньчжурок». Имея в виду, что при оценке денежных сумм и ценностей, находящихся в руках частных предпринимателей, всегда необходимо говорить с той или иной степенью вероятности, трудно все же представить, что после сурово проведенных конфискаций, национализаций и реквизиций сумма частных капиталов могла быть значительной. Опираясь на оценки наличности частного капитала в стране к середине 20-х гг. и ориентировочные данные о темпах накопления, Ю. Ларин считал, что его сумма к началу нэпа не могла превышать по стране 150 млн руб.⁴ Впоследствии расчеты Ю. Ларина не были оспорены. При этом следует принять во внимание, что средства эти были расплывены и явно недостаточны, чтобы с их легализацией основать крупное,

¹ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 49. Оп. 1. Д. 197. Л. 1-789; и др.

² ГАИО. Ф. 18. Оп.1. Д. 75. Л. 190; Советская Сибирь. 1922. 26 янв.

³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1018. Л. 5, 7.

⁴ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. ... С. 5.

эффективное и прибыльное собственное дело. Перспективы же создания акционерных обществ и торговых товариществ только обсуждались, на значительные кредиты государства рассчитывать не приходилось. Следовательно, активный приток частного капитала в промышленность и торговлю сдерживался на первых порах во многом недостатком и распыленностью капиталов.

Нельзя не отметить явную нестабильность положения «новой» буржуазии, не верившей, что в условиях новой экономической политики, проводившейся «всерьез и надолго», государство также всерьез и надолго будет сотрудничать с частными предпринимателями. Красноречивым свидетельством негативного отношения к «частнику» в целом служат наблюдения, сделанные Мартином Андерсоном Нексе в 1921 г.: «... нэпманы у всех на плохом счету... Частная спекуляция – на цепи, которая отпущена ровно настолько, чтобы она могла с трудом достигать своей пищи, урвав кусок, она глотает его с закрытыми глазами, почти давясь им... каждую минуту торт может быть снова убран из пределов ее досягаемости»¹. В подобной ситуации естественным желанием частных предпринимателей стало сорвать куш, пока не поздно, – обрести капитал всеми возможными способами. Сознывая, что всякие параллели в этой связи весьма приблизительны, можно отметить все же, что поведение «новой» буржуазии первых лет нэпа чрезвычайно сходно с действиями российских бизнесменов в конце 1980-х гг.

Процесс накопления частного капитала, осуществляемый в течение всего периода нэпа, прошел ряд этапов, имевших свои особенности. Согласно данным налоговых и статистических организаций 20-х гг., основное накопление было сделано частным капиталом в 1922 г. и первой половине 1923 г., что дало основание государственным деятелям, историкам, экономистам 20-х гг. назвать эти годы периодом первоначального капиталистического накопления. Условия этого процесса были весьма специфичными, не имевшими прецедента в истории мировой экономики.

Как правило, первоначальное накопление торгового капитала происходит задолго до развития крупного промышленного капитала. Накопленные в торговле средства составляют основу для развития промышленного капитала, который к моменту начала своего активного функционирования уже имеет готовый торговый аппарат и капитал. Последующее развитие приводит к усилению промышленного капитала и установлению его гегемонии над капиталом торговым.

Ко времени введения нэпа в силу целого ряда обстоятельств (неизбежных в условиях войны натурализации хозяйственных отношений и централизации экономики; целенаправленной политики большевистского правительства на свертывание торговли и сплошную национализацию промышленности и др.) торгового капитала и торгового аппарата в стране практически не существовало. Государственная промышленность, с одной стороны, и сельское хозяйство, с другой стороны, по выражению известного в 20-е гг. эконо-

¹ Нексе М. Царь нэп // Глазами иностранцев. 1917-1932. М., 1932. С. 184, 187.

номиста И. Мингулина, «стояли друг перед другом как два немых гиганта»¹. В этой ситуации неизбежным стало формирование торгового капитала, преимущественно частного, за счет промышленного, преимущественно государственного.

Несмотря на многочисленные горячие дискуссии о существовании торговли и денег в будущем социалистическом государстве, правительство решило возрождать торговый капитал. «Торговцы, – писала «Экономическая жизнь Сибири», – подобно санитарам на войне, расчищают каналы обращения товаров и развяжут руки промышленникам для дальнейшего производства»². В качестве основного исполнителя этого процесса был определен частный предприниматель, которого тут же заклеямили как вора и стяжателя и для которого, как утверждала «Советская Сибирь», не было «иного способа накопления, кроме открытого грабежа и мошеннических махинаций»³. И лишь немногие государственные чиновники отдавали себе отчет в том, что без деятельности этих в обыденном представлении «жуликов» страну постигла бы настоящая катастрофа.

Признание на правительственном уровне необходимости развития торговли и образования торгового капитала усилиями преимущественно частных предпринимателей происходило в условиях политической и юридической неопределенности содержания, принципов и форм торговли. Существенно осложняло процесс накопления частного капитала отсутствие твердого денежного эквивалента (вместо катастрофически обесценивавшегося дензнака появлялись местные «овсяные», «пшеничные», «соляные» рубли), дефицит промышленных товаров повседневного спроса, сохранение в ряде губерний Сибири продразверстки, натуральных налогов на основные продукты сельского хозяйства. Сказывалась и недооценка государственными хозяйственниками и партийными руководителями роли товарно-денежных отношений в условиях переходной экономики, интерпретация ими закона стоимости и его проявлений – рынка, товарных бирж, маклерского аппарата и т.д. – как атрибутов свергнутого буржуазного строя.

Крайне нестабильная с экономической и политической точек зрения ситуация, весьма специфические хозяйственные условия и определили преимущественные способы и приемы частных накоплений, часть которых была связана со своеобразной «обратной экспроприацией» государственной собственности. Последнему немало способствовало руководство государственных предприятий, вынужденное из-за недостатка оборотных средств в условиях перехода от централизованной системы главкизма времен «военного коммунизма» к коммерческому расчету продавать, зачастую за бесценок, как накопившуюся на складах продукцию, так и часть не только законсервированного, но и действующего оборудования. Этим воспользовались предпри-

¹ Мингулин И. Пути развития частного капитала. ... С. 46.

² Экономическая жизнь Сибири. 1922. 11 окт.

³ Советская Сибирь. 1921. 27 марта.

имчивые посредники. Житель Новониколаевска С.Е. Пинаев, например, в начале 1922 г., заплатив 3 тыс. руб., приобрел на заводе холодильников 3 вагона сортового железа. Реализовав его через несколько месяцев, предприниматель получил 10 тыс. руб. чистой прибыли. Закупив в Сибглаввоенпромоторге 30 пуд. олова по 30 руб. за пуд, Пинаев продал его по 80 руб. Другой частный торговец, тоже житель Новониколаевска, М.Т. Шишов приобрел в местном губпродкоме по заведомо заниженным ценам 5 вагонов гвоздей на сумму 15 тыс. руб. Чистая прибыль от реализации товара на сибирских и уральских рынках составила более 30 тыс. руб. Значительно пополнили свой капитал компаньоны Баканов, Лисицын, Вагин и Казаков, приобретая в Сибкрайсоюзе за бесценок большую партию английских пил завода «Кинлок» и реализовав ее на московских рынках¹.

В Сибири в силу слабого развития здесь собственной промышленности и не успевших нормализоваться связей с центром, частные предприниматели вместо небескорыстной помощи советским хозяйственникам в «разбазаривании» государственных средств, широко распространенной в центре, предпочитали зарабатывать и приумножать свой капитал, работая контрагентами государственных организаций по заготовке сырья. Тем более, что на сибирском пушном заготовительном рынке разрозненно действовал целый ряд государственных организаций: Внешторг, Сибторг, Сибирские губторги, Петроторг, ГУМ, Мосторг, Кедропром, Сибсвеча, Ангарметалл и даже общество питерских рабочих швейной промышленности, не говоря уже о различных изыскательских экспедициях и партиях². Как правило, эти организации, не имея собственного заготовительного аппарата, прибегали к услугам частных лиц.

Согласно данным Сибирской комиссии по внутренней торговле, абсолютное участие частного капитала в заготовительных операциях госторгов в 1922/23 г. достигло 70% от общей суммы заготовок³, причем наибольшую активность частные предприниматели проявляли в заготовке экспортных товаров – пушнины и кож. Между потенциальным заготовителем и государственным предприятием заключался договор-обязательство, в котором называлась сумма выдаваемого аванса, содержались конкретные задания по заготовке, оговаривался размер вознаграждения (как правило, 6% так называемой предпринимательской прибыли и 2,5% компенсации за организационные расходы), а также имущественные гарантии заготовителей в обеспечение взятых ими на себя обязательств. Правда, зачастую стоимость залогового имущества была существенно ниже стоимости выдаваемых авансов, что создавало базу для маневров частных контрагентов, позволяло им нарушать свои обязательства. Так, действовавшие на территории Енисейской губернии

¹ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 21-21об.

² Нодель С. Пушное дело (В прошлом, настоящем и перспектива ближайшего будущего) // Жизнь Сибири. 1922. №4. С.152-153.

³ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 60. Л. 5об.

заготовители Жинкин и Прозоровский, получив от Канского отделения Сибторга товар на большую сумму под заготовку зимней ангарской белки убоя 1922 и 1923 гг., оставили в залог лишь автоматическую кассу «Националь» и подержанную женскую шубу¹. Предоставив обеспечение в размере 4914 руб., заготовитель Ножницкий получил от Омского госторга аванс деньгами и товарами на сумму 91425 руб. 55 коп. под заготовку пушнины и кожсырья. Несмотря на то, что Ножницкий выполнил условия договора по поставке пушнины лишь наполовину, а по кожсырью – на 17%, Омский госторг еще дважды в течение 1923 г. выдавал ему кредиты на общую сумму немногим меньше 100 тыс. руб. Обязательства по этим договорам были выполнены на треть, авансы не возвращены. Подобные обстоятельства сопровождали и сотрудничество Енисейского госторга с заготовителем Енугодовым, которому к тому же были предоставлены разнообразные льготы (освобождение от уравнительного и гербового сборов, уценка отпущенных ему госторгом товаров и т.п.). Не раз пересматривались договорные обязательства заготовителей Юкина, Каца и других перед Алтайским госторгом в пользу первых. Общая скидка при отпуске товаров в кредит этим лицам составила 40% реальной цены, но и в этом случае задания по заготовке не были выполнены². Дело доходило до курьезов, когда, например, по договору Нижне-Удинской конторы Сибгосторга одним комиссионером в качестве гарантии была предоставлена справка от народного судьи о том, что он привлекался к уголовной ответственности за растрату имущества, но дело по амнистии было прекращено и в настоящий момент он под судом не состоит. Любопытно, что в отношении данного комиссионера было дано распоряжение: «Выдать аванс – 100% деньгами, 100% – товарами»³. Обезжая отдаленные районы Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, частные заготовители сбывали полученные в кредит товары по завышенным ценам, а большую и лучшую часть заготовленного сырья самостоятельно продавали на рынке. Пользуясь неграмотностью населения, заготовители зачастую допускали обмер, обвес, обсчет местного населения, даже пытались взимать с охотников дореволюционные долги. Иногда же полученные от государства авансы и кредиты частные предприниматели просто обращали в золото и драгоценности и прятали в заветный сундук до лучших времен, а сами скрывались.

Летом 1922 г. «Советская Сибирь» с горечью констатировала: «Едва ли какой-нибудь хозяйственный орган может похвастаться тем, что его контрагенты выполнили, в конечном счете, хоть 25% принятых на себя обязательств»⁴. На собраниях советских хозяйственников, в газетных и журнальных статьях частные заготовители клеймились позором. Многие доку-

¹ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

² Там же. Ф. 659. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-7об.

³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 14. Л. 155об.

⁴ Советская Сибирь. 1922. 20 июля.

менты этого периода также полны гневными инсинуациями в отношении частных предпринимателей, действовавших в области заготовок.

Ни в коей мере не оправдывая явные правонарушения, допущенные частными заготовителями в первые годы нэпа, видимо, следует иметь в виду по крайней мере три «смягчающих» обстоятельства. Во-первых, заготовка пушнины и кож связана с известным риском, это весьма трудоемкий процесс, требующий недюжинных физических усилий. В качестве своеобразной компенсации за дополнительные трудности заготовители традиционно, как до революции, так и после нее, ориентировались на получение сверхприбыли. Во-вторых, собственного заготовительного аппарата у государственных организаций не было, а ведь реализация пушнины и кож на внешнем рынке составляла определенную часть государственных доходов. Благодаря усилиям заготовителей в 1922/23 г. дореволюционный объем сибирской пушнины, поставляемой на внешний рынок, был восстановлен на 80%. Стоимость ее составляла, по разным оценкам, от 15 до 60 млн руб. золотом¹ – сумма весьма существенная, если учесть, что денежная масса, находящаяся в обращении на внутреннем рынке России, немногим превышала 100 млн золотых рублей. Прибыль, полученная государством в 1922/23 г. от конечной реализации сибирской пушнины, составила 11-45 млн золотых рублей. Без деятельности частных заготовителей эти государственные доходы не были бы получены. И, наконец, Уголовный кодекс РСФСР, защищая государственные интересы, весьма четко определял, что неисполнение обязательств по договору, заключенному частными лицами с государственными или общественными учреждениями, каралось лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев, с конфискацией всего или части имущества². Об этом было хорошо известно обеим сторонам, заключавшим договор. Идя в силу разных обстоятельств на заведомое нарушение договора, частные предприниматели поступали таким образом, как правило, по обоюдному согласию со своими нанимателями, будучи уверены, что последние их не выдадут. Явно же криминальные случаи были не так часты, как это может показаться при чтении советских газет, видевших преступление там, где речь шла об обычной коммерческой сделке.

Аналогичная картина складывалась и в области собственно торговой деятельности, когда госторги, не имея широкой товаропроводящей сети, использовали частную розницу для реализации своих товаров. Так, производственные и торговые предприятия Сибпромбюро ВСНХ в 1922 г. более 40% имевшихся у них товаров (мануфактура, стекло, табак, кожтовары, соль, железо, металлоизделия и т.п.) продали через частные предприятия³. Сибгосторг реализовал 51,8% товаров с помощью частных предпринимателей, а местные отделения Всероссийского кожсиндиката – более 90%. При этом при

¹ Советская Сибирь. 1923. 15, 23 июня, 1 июля.

² Законы о частном капитале. ... С. 333; Уголовный кодекс РСФСР. ... С. 46.

³ Шпиндлер Е. Этапы торговой политики госорганов ВСНХ и обзор результатов ее по Сибири к концу 1922 г. // Жизнь Сибири. 1923. №2. С. 104.

продаже товаров госторгам частная клиентура оказывалась в более выгодном положении, чем государственные и кооперативные организации. Алтайское отделение Всероссийского кожсиндиката, например, в 1922/23 г. отпустило кооперативам вдвое больше неходовых товаров, чем частным лицам. Скидки при оптовой продаже товаров частным торговцам доходили до 40% от стоимости партии товара¹. Развитию посреднической деятельности способствовала работа 57 представительств от 27 торгово-промышленных организаций Москвы, Урала, Приуралья и других территорий СССР, действовавших в 1922/23 г. на территории Сибири. Весной-летом 1923 г. только в Омске имелось 20 таких представительств. Занимаясь оптовым сбытом товаров, представительства более 40% своего оборота делали с частными розничниками². Учитывая, что, с одной стороны, цены в частной торговле были в среднем на 20% выше, чем в государственном и кооперативном секторе, наценки на дефицитные товары доходили до 200 %³, а, с другой стороны, то обстоятельство, что частным предпринимателям принадлежало абсолютное большинство торговых точек в регионе, можно сделать вывод о наличии весьма благоприятных возможностей частных накоплений в торгово-посреднической сфере. Причем способы такого накопления, как и в случае с заготовкой сырья, не требовали больших первоначальных вложений, почти не были связаны с материальными издержками и большим предпринимательским риском и позволяли получить большую прибыль в короткие сроки.

Имелись, конечно, и способы частного накопления, связанные с явными и заведомыми нарушениями законов: контрабанда, валютные операции, а также всевозможные аферы, подробно охарактеризованные Ю. Лариным и И. Кондурушкиным и красочно описанные И. Ильфом и Е. Петровым.

Развитие контрабандной торговли было вызвано существенной разницей в ценах внутреннего и зарубежного рынка на товары, представлявшие собой дефицит для российского покупателя. Так, пачка светочувствительной бумаги для фотографий в Турции, в пересчете на советские деньги, стоила 95-97 коп., а на таможенных аукционах в стране продавалась по 10-14 руб.; пудра покупалась за границей по 9-10 руб., а продавалась на внутреннем рынке по 54-60 руб.⁴ Причем выгодно было не только заниматься этой незаконной торговлей, но и доносить о готовящихся сделках пограничникам. В этом случае агент погранотряда и осведомитель получали премию от суммы, вырученной на таможенном аукционе от продажи контрабандного товара, которая по размеру, как правило, значительно превышала стоимость данного товара за границей.

¹ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 60. Л. 5об., 7, 13.

² Сибирские инспекции в 1922/23 г. Ревизия торгово-промышленных представительств // Жизнь Сибири. 1923. №9/10. С. 129-130; Советская Сибирь. 1924. 10 янв.

³ Мингулин И. Пути развития частного капитала. ... С. 83; ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 17 об.

⁴ Обухов Н.П. Первоначальное накопление капитала в России // Финансы. 1994. №9. С. 57.

Широкому распространению контрабандной торговли в Сибири способствовали: большая протяженность и «прозрачность» границ; ничтожная, по сравнению с размерами территории, сеть таможенных пунктов; общность бытовых традиций у проживавшего по обе стороны границы населения; активные действия в недалеком прошлом в колчаковском тылу свободных от таможенных обязательств различных иностранных миссий и представительств; острый дефицит товаров широкого потребления.

Через границу с Китаем и Монголией нелегальными способами ввозили мануфактуру, чай, спирт, табак. В обратном направлении – кожи и пушнину. В 1923 г., например, на иркутский мануфактурный рынок поступило такое количество нелегально ввезенного американского ситца, что московские текстильщики начали испытывать большие проблемы в реализации своих товаров на сибирских рынках. В 1922/23 г. по стране в целом стоимость нелегально ввезенных товаров составила 59 742 тыс. зол. руб., что составляло 40,4% легального импорта, а стоимость контрабандного экспорта – 12 932 тыс. зол. руб., что соответствовало 9,7% легального экспорта. В Сибири в 1922 г. Иркутской таможней официально было зарегистрировано 215 случаев задержания контрабандных товаров на сумму 31 585 руб., в 1923 г. – 608 случаев на сумму 51 951 руб.¹ При этом следует учитывать, что, по опыту довоенного времени, удавалось обнаружить не более 10% от всего количества контрабандных товаров. Поэтому в действительности нелегальный товарный поток через границу в Сибири был еще более широким.

Другим нелегальным источником накоплений были различные валютные операции: спекуляции на курсе бумажных денег в период большого колебания курса, торговля иностранной валютой, скупка золота. В городах Сибири дельцы так называемой «черной площадки» вели свою подпольную деятельность, как правило, под прикрытием легального занятия коммерцией. Крупные сибирские «валютчики» – Алыпов, Мамычев, Балабанов, братья Самойловы, Лисицын, Вагин, Поррер, Махмутов² являлись в то же время известными в Новониколаевске торговцами.

Образованный в торгово-посреднической сфере капитал частично откладывали до лучших времен, частично легализовывали: вчерашние посредники открывали собственные лавки и магазины. Причем при сопоставлении размеров работавших в 20-е гг. частных предприятий с дореволюционными занятиями и стажем их владельцев обнаруживается следующая особенность: если владелец предприятия в прошлом имел торговый стаж или опыт хозяйственной работы на руководящей должности, то он выбирал, как правило, патент не ниже 3 разряда. Бывшие же конторщики, колбасники и другие в своих умениях предпринимательской деятельности мало чем отличались от

¹ Остромнецкий Ц. Таможенная политика и борьба с контрабандой (К вопросу о стабилизации рыночных цен) // Жизнь Сибири. №5/6. С. 155-157.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

прислуги, крестьян, рабочих. Они выбирали, как правило, патенты 1 или 2 разрядов.

Характерным примером в этом отношении стала целая сеть оптово-розничных предприятий по торговле мануфактурой, созданная бывшими приказчиками известной в Сибири до революции крупной коммерческой компании «Второв с сыновьями». В 1922-1923 гг. ими были организованы «Иркутское мануфактурное товарищество» (8 совладельцев), «Иркутское торгово-промышленное товарищество» (12 совладельцев), верхне-удинское торгово-промышленное товарищество «Оборот-Сибиряк» (19 совладельцев), «Томское мануфактурное товарищество» (5 совладельцев), новосибирское товарищество «Мануфактура» (10 совладельцев)¹. Возглавляемые людьми с 10-20-летним торговым стажем, эти предприятия быстро утвердились на сибирском рынке. Благодаря полученным в прошлом навыкам и отличной деловой репутации совладельцы товариществ, пользуясь поддержкой не только коммерческих кругов, но и государственных хозяйственных организаций, обеспечили успешное развитие собственного дела. Оборот открытых ими магазинов составлял не менее 20 тыс. руб. в месяц, на порядок превышая обороты торговых предприятий аналогичной специализации.

Успешно развивалось дело и у И.В. Бубнова, Н.Л. Косолапова, С.Л. Мокшина – бывших приказчиков крупных сибирских мануфактурных фирм, создавших в 1922 г. в Новониколаевске «Товарищество приказчиков»². Открытый ими на Красном проспекте – центральном в городе – магазин считался одним из лучших мануфактурных предприятий.

Выбравшие в 1922-1923 гг. патенты 4-5 разрядов на занятие торговлей и успешно развивавшиеся иркутские товарищества «И. Розенбаум и И. Сольц-Шмуйлович» (бакалея и мануфактура), «Егоров и Кулаков» (галантерея, парфюмерия, меха, ювелирные украшения); томское товарищество «Измаилов и Юнусов» (готовое платье и мануфактура); новониколаевские товарищества «Крым» (фруктово-бакалейная торговля), «Унион» (галантерея, парфюмерия); барнаульское товарищество «Сбыт» (бакалейно-москательная торговля); омское «Сибирское товарищество на вере» (бакалея); красноярские товарищества: «Лев» (табачные изделия), «Промышленник» (бакалея, посуда) были созданы опытными коммерсантами, проработавшими в торговле не один год.

Сумели возродить свой бизнес в новых условиях владельцы работавшего в Томске в течение 20 лет до революции торгового дома «Л. Лонщик и братья Дорон». В июне 1923 г. ими было зарегистрировано оптово-розничное «Сибирское товарищество» по торговле обувью, галантереей, мануфактурой³. Вновь занялись торговлей сушеными фруктами Л.З. Ерманок и М.И. Вольф, имевшие аналогичное дело до революции. Организованное ими в 1922 г. в

¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 883, 885, 886, 888, 910 (листы не пронумерованы).

² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 888.

³ Там же. Д. 889.

Иркутске сибирско-туркестанское товарищество «Сушфрукт», имея своего представителя в Средней Азии, проводило оптово-розничные торговые операции с оборотом более 20 тыс. руб. в месяц¹.

Примером успешного продолжения наследниками коммерческого дела своих родителей может служить работа омского «Западно-Сибирского товарищества» братьев Сергеевых, имевшего 11 представительств и сеть магазинов в разных губерниях Сибири, занимавшихся заготовкой масла, скота, яиц². Успешно развил семейный бизнес Г.П. Калугский, открыв в 1921 г. на одной из центральных улиц Иркутска «Южно-табачный магазин», в котором на первых порах торговал сохранившимися на складах отца запасами, а затем наладил связи с Табачным трестом и Винсиндикатом³.

Сам факт появления магазинов, заполненных разнообразными товарами, даже вид которых многие уже забыли, после нескольких лет разрухи и товарного голода воспринимался населением как настоящее чудо. Это удивление довольно точно передал А. Платонов, автор известного романа «Чевенгур», главный герой которого Дванов, возвратившись в родной город, «сначала подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булки. Около вокзала ... висела серая вывеска с отежшими от недоброкачественной краски буквами. На вывеске кратко и кустарно написано: «Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соленья». В лавке он увидел нормальное оборудование торговли, виденное лишь в ранней юности и давно забытое: прилавки под стеклом ... стенные полки, вежливых приказчиков вместо агентов продбаз и завхозов, живую толпу покупателей и испускающие запах сытости запасы продуктов»⁴.

В 1922-1923 гг. в среднем по губернским городам выдавалось до тысячи – тысячи пятисот патентов на занятие торговлей в каждое полугодие⁵. Однако резкое возрастание вплоть до конца 1922 г. числа выдаваемых патентов объясняется не только появлением капитала, дающего возможность начать собственный бизнес. Мелкие торговые предприятия, которых открывалась масса, зачастую принадлежали лицам, ранее не торговавшим и взявшимся за дело только из-за невозможности найти другую работу. Такие предприятия, не имевшие достаточного оборотного капитала, владельцы которых не обладали необходимыми для ведения торговли знаниями и умениями, быстро проторговывались, и на их месте открывались новые торговые предприятия, такие же мелкие и такие же экономически беспомощные. Так, жительница Ленинска-Омского С.А. Шишук, например, решившая заняться торговлей фруктами, проторговав только 20 дней, не только не получила никакой прибыли, но и оказалась должна большую сумму денег и вынуждена была про-

¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 885.

² Там же. Д. 909.

³ Там же. Д. 904.

⁴ Платонов А.П. Чевенгур: Роман. Рига, 1989. С. 167.

⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1018. Л. 5, 7.

дать собственный дом¹. Простыми формами торговли зачастую занимались домохозяйки, безработные, инвалиды. Из 23668 патентов, выданных частным торговцам Сибири во втором полугодии 1922/23 г., более 70% приходилось на предприятия 1-2 разрядов (мелкая торговля с возов или на базаре с рук, в которой занято 1-3 человека)². Тем не менее общие позиции частного капитала в сибирской торговле, как и в республиканской, к осени 1923 г. были весьма значительными. На его долю приходилось 86,8% общей численности торговых предприятий и 51,3% общего товарооборота Сибири. Благодаря усилиям именно частных торговцев в течение весьма короткого периода времени – всего двух лет – стало возможным восстановление 70% довоенной численности торговых предприятий Сибири.

Правда, сибирские торговые предприятия 20-х гг. существенно отличались от довоенных по своим масштабам. В среднем, оборот одного частного магазина в 1922/23 г. составлял менее половины довоенного³. Поэтому и весь торговый оборот, несмотря на быстрое восстановление довоенной численности предприятий приближался лишь к 45 % довоенного.

Наиболее распространенными видами частной торговли в Сибири стала розничная торговля мясом, зерном, мануфактурой, галантереей, табаком, металлоизделиями, фруктами, а также содержание трактиров, харчевен, биллиардных, кафе, столовых и ресторанов.

Своеобразным показателем легализации частного капитала стало участие торговцев в работе местных товарных бирж. Несмотря на понятный как остаток периода «военного коммунизма» страх выявить свою «торговую физиономию» и боязнь налоговых органов, предприниматели проявляли все больший интерес к биржевой торговле в отличие от государственных и кооперативных структур, которые, как говорилось на 2 съезде Сибэконо, относились к бирже «в лучшем случае безразлично, а в худшем – даже враждебно»⁴. Следствием пассивности государственных и кооперативных предприятий в проведении торговых сделок в первые месяцы работы сибирских бирж стал довольно высокий удельный вес частной торговли в биржевых оборотах. На самой крупной в то время в Сибири Новониколаевской товарной бирже 40% всего биржевого оборота в 1922 г. приходилось на долю частных предпринимателей⁵.

По мере развития государственной торговли и активизации кооперации удельный вес частной торговли в биржевых оборотах постепенно снижался и ни разу за весь период нэпа не достиг той величины, что в 1922 г.

¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912.

² Сибирь в 1923/24 году / Под общ. ред. В.М. Лаврова. Новониколаевск, 1925. С. 76, 79; ГАНО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 706. Л. 14.

³ Назаров Н. Сибирская торговля до войны и теперь // Жизнь Сибири. 1924. №5/6. С. 88, 89, 93; ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 69; Ф. 1180. Оп. 1. Д. 651а. Л. 8, 12.

⁴ Советская Сибирь. 1922. 3 сент.

⁵ Записная книжка сибиряка на 1923 год. Новониколаевск, 1923. С. 282.

В 1923 г. по стране в целом частные торговцы составляли в среднем 25% всех членов бирж, на их долю приходилось около 15% всего биржевого оборота¹. Подобные показатели участия частного капитала в биржевых оборотах в 1923 г. были характерны и для Сибири (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1
Контрагенты сибирских товарных бирж в 1923 г.*
(в % к общему биржевому обороту)

Б	КОНТРАГЕНТ	ПОКУПАТЕЛИ	ПРОДАВЦЫ
	Госорганы	68,9	73,2
	Кооперация	13,1	12,6
	Частные лица	15,0	12,0
	Акционерные общества	3,0	2,2

* Биржи и рынок // Жизнь Сибири. 1923. №11/12. С. 287.

Одними из первых частных фирм, проявившими деятельный интерес к биржевой торговле и ставшими постоянными членами губернских бирж, были барнаульский оптово-розничный винно-гастрономический магазин товарищества «Сибиряк», специализировавшиеся на торговле мануфактурой новониколаевское «Сибирское товарищество» и бийское товарищество «Оборот», занимавшееся оптовой торговлей хлебом бийское товарищество «Хлебник» и другие². Совладельцы этих товариществ, заявившие о себе в первые годы нэпа, впоследствии стали широко известными на всю Сибирь коммерсантами.

Другим источником формирования частного капитала Сибири, как и в целом по стране, стали доходы от денационализированных, взятых в аренду и основанных самостоятельно промышленных предприятий, а также мельниц, жилых домов и т.п.

Реализуя на практике основные принципы новой экономической политики, местные органы власти активно обсуждали вопросы децентрализации экономики, передачи ряда промышленных предприятий в руки частных предпринимателей. Привлечение частного капитала намечалось провести в те отрасли промышленности и на те предприятия, восстановление и работа которых не могли быть обеспечены ограниченными государственными капиталовложениями. Предполагалась выработка общесибирского плана использования частного капитала в промышленности с опубликованием в местных, общероссийских и зарубежных печатных органах списков предприятий, для

¹ Венгеров В. Товарные биржи в Союзе Советских республик // Советская товарная биржа: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 112.

² Биржи и рынки. М., 1924. С. 500, 509, 608, 671.

пуска которых привлечение частного капитала было единственно возможным средством¹.

Денационализация промышленных предприятий начала активно проводиться в Сибири летом-осенью 1921 г. В основном заявления от частных лиц о денационализации касались мельниц и разного рода мастерских². На основании постановления Сибревкома от 21 июля 1921 г. «О возможности передачи промышленных предприятий кооперативным организациям, частным лицам и иностранным концессиям» в течение 1921/22 г. из 749 национализированных в прошлом кустарных предприятий 45% были возвращены прежним владельцам³. В частности, в Новониколаевске прежним владельцам были переданы меднолитейная мастерская «Вулкан», слесарно-механический завод «Самотруд», жестяночные и кузнечные мастерские, мыловаренный, маслобойный, фруктовый, пивоваренный, кожевенные заводы и другие объекты⁴. Однако довольно часто встречались и случаи отказов в возвращении предприятий прежним владельцам, причем без объяснения причин.

Большинство денационализированных частных предприятий в промышленности было предприятиями кустарного или полукустарного типа. Так, на 813 действовавших в конце 1922 г. в Алтайской губернии частных промышленных предприятиях трудились всего 1309 работников и выпускалось продукции на сумму в 432806 руб., в то время как 914 государственных промышленных предприятий имели 5660 рабочих и выпускали продукции на сумму в 6077171 руб.⁵ По сведениям сотрудника Госплана 20-х гг. С.Г. Струмилина, на каждом частном предприятии к началу 1923/24 г. трудилось в среднем по 3 человека⁶. Данные патентной статистики также свидетельствуют, что основная масса выбранных частными лицами в 1922/23 г. патентов на промышленные предприятия (94%) приходилась на первые три разряда⁷, которые, как правило, представляли собой мелкие и мельчайшие мастерские с 1-3 наемными рабочими.

Процесс заключения арендных договоров между представителями совнархозов и частными лицами особенно интенсивно шел осенью-зимой 1921/22 хозяйственного года. Из 163 промышленных предприятий, сданных в Сибири в аренду к 1 февраля 1922 г., более половины приходилось на долю частных арендаторов⁸. Договор аренды предусматривал обязательства арендатора сохранить профиль арендуемого им предприятия, обеспечить его бесперебойную работу. В качестве арендной платы, как правило, выступало от 5

¹ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 172.

² ГАНО. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 114. Л. 22, 29об., 43; Д. 126. Л. 14; ГАОО. Ф. 223. Оп. 1. Д. 70а. Л. 352; и др.

³ Сибревком. ... С. 141, 204.

⁴ ГАНО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 232. Л. 1-4.

⁵ Алтайский ежегодник за 1922-23 хоз. г. Барнаул, 1924. С. 275-276.

⁶ Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 172.

⁷ Добров М.С. Торговля и промышленность Сибири в 1922-23 бюдж. г.: Материалы по данным Сибфина о промысловом обложении // Жизнь Сибири. 1924. №3/4. С. 54-56.

⁸ Советская Сибирь. 1922. 21 марта.

до 25% выпускаемой предприятием продукции, которая должна была передаваться государству в натуральном виде или денежном эквиваленте. Основная масса арендованных предприятий приходилась на предприятия кожевенной, мукомольной, текстильной, меховой промышленности и т.п., не требовавших больших оборотных средств, значительных первоначальных затрат и в то же время выпускавших продукцию, всегда пользующуюся спросом на рынке. Около половины предприятий были арендованы их бывшими владельцами. При этом последние оказывались в более выгодных по сравнению с другими арендаторами условиях, обладали знаниями особенностей конкретного производства и арендовали в основном предприятия на ходу, с рабочими, сырьем и топливом. Основная масса арендных договоров заключалась на небольшие сроки – преимущественно до трех лет. Это объяснялось, с одной стороны, неустойчивостью общего хозяйственного положения и связанными с этим опасениями арендаторов брать на себя договорные обязательства, с другой – политикой совнархозов, рассчитывающих, что при улучшении общих экономических условий государственная эксплуатация предприятий может быть выгоднее, чем аренда, и не стремящихся поэтому поощрять долговременную аренду. Но были и исключения. Так, конный завод в Чегре Ойротской автономной области был сдан в аренду гражданину Бабушкину сроком на 24 года¹. Продолжительность срока аренды диктовалась дефицитностью местного бюджета и необходимостью функционирования самого предприятия.

Экономический эффект от арендованной частными лицами промышленности, как и от сданной в аренду промышленности в целом, оказался невелик. Многие предприятия, не проработав и года, были закрыты по разным причинам. Так, в Новониколаевске уже к лету 1922 г. было закрыто 20, в Алтайской губернии – 30 предприятий. Треть предприятий, предназначенных губсовнархозами Сибири к сдаче в аренду, к концу 1922/23 года все еще бездействовала².

Трудности в развитии промышленной аренды определялись целым рядом причин. Далеко не последнюю роль играла политика самого государства, не ориентировавшего местные губсовнархозы на длительную перспективу активного применения частной аренды, поскольку считалось, что век частного предпринимательства не долог. Это настроение очень точно выразил В.В. Маяковский:

«Мы раздаем аренды – заводы, мол, строй!

Этот завод поможет расправиться и с голодом и с разрухой-сестрой.

И когда фундамент промышленности крупной

будет под Октябрем подведен,

и наша буржуазия,

и заграничная кучно

¹ ГАНО. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.

² Советская Сибирь. 1922. 8 июля.

постепенно выкинется вон»¹.

В материалах сибирской прессы имеются многочисленные свидетельства о выжидательной позиции губсовнархозов в заключении арендных договоров, об оценке этими органами аренды как временного явления, не являющегося характерным для создаваемого социалистического строя². В этой обстановке трудно было ожидать конструктивных предложений от потенциальных арендаторов, поскольку собственные ограниченные средства вкладывать в производство было рискованно, а достаточными кредитными ресурсами государство не располагало.

Недостаток собственных средств при отсутствии государственного кредитования ставил под угрозу выполнение производственных обязательств арендаторов, что вело к нарушению и последующему расторжению арендных договоров. Так, обследование в апреле 1922 г. арендной комиссией Новониколаевского губсовнархоза овчинно-шубного завода, арендованного Янченко, показало, что завод не работает из-за отсутствия сырья и средств у арендатора³. Договор с Янченко был расторгнут.

Проверка, проведенная в 1923 г. Новониколаевской РКИ арендованных частными лицами промышленных предприятий, показала, что невыплата арендной платы – весьма распространенное явление. В ходе проверки были обнаружены большие задолженности по арендной плате на кожевенном заводе (арендатор Шамовский), мыловаренном заводе (арендатор Казанский), овчинно-шубном заводе (арендатор Красильников), свечном заводе (арендаторы – братья Смоткины)⁴. Для прикрытия невыплат арендной платы на предприятиях велась двойная бухгалтерия, преуменьшался реальный выпуск продукции.

В ряде случаев арендная плата было настолько высокой, что необходимость ее снижения осознавалась даже губсовнархозами. Например, по ходатайству арендатора табачной фабрики № 1 в г. Томске Ф.Н. Жаркова арендная плата, составлявшая 15% с выработки, была снижена до 12%⁵.

Зачастую губсовнархозы оказывались перед трудным выбором: либо снижать арендную плату и продлять договор аренды на следующий срок, не имея никаких гарантий, что арендатор сможет выполнить свои обязательства, либо останавливать производство и закрывать предприятие, рискуя при этом потерять выданные арендаторам ссуды. В каждом конкретном случае эти вопросы решались по-разному.

Договор аренды кожевенного завода № 8 в г. Кургате, заключенный между Новониколаевским губернским отделом народного хозяйства и предпринимателями Л.М. и Р.М. Шмуйлович на три года, предусматривал обязательства арендаторов увечить выработку, для чего произвести ремонт здания

¹ Маяковский В.В. Грозный смех. Окна сатиры РОСТА. М.; Л., 1938. С. 125.

² Советская Сибирь. 1921. 4 авг., 29 дек.; 1922. 11 янв.; и др.

³ Советская Сибирь. 1922. 9 мая.

⁴ ГАНО. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 188. Л. 3-Зоб.; Д. 434. Л. 150.

⁵ Там же. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 125. Л. 4об., 48.

завода, жилых помещений и надворных построек; оборудовать 4 дубовых чана и раскройно-посадочную мастерскую; построить новую сушилку. При посещении завода через год выяснилось, что он «находится в плохом состоянии и надо полагать, что в недалеком будущем работа встанет». Заведующий уездным торгом обратился в Новониколаевский губсовнархоз с предложением срочно наложить арест на имущество и передать дело в суд, «не склоняясь ни на какие обещания арендаторов». Губсовнархоз же, рассудив, что в случае расторжения арендного договора вряд ли удастся вернуть выданные в кредит средства и возобновить производство, принял решение продлить срок действия арендного договора еще на 2 года, снизив арендную плату с 15 до 12 % и пересмотрев условия договора¹. Предприятие возобновило свою работу, сумев выполнить более реальные с экономической точки зрения арендные обязательства.

Согласно договору аренды части кожевенного завода № 4 в г. Томске предпринимателем Ульяновым, в первый год арендатор брал на себя обязательства «превратить ныне кустарный завод в механизированный, установить нефтяной двигатель, поставить 2 дубильных барабана, построить корьедробилку и т.д.»². Арендатору была выдана значительная сумма деньгами, производственными материалами и сырьем. Через три месяца работы, ссылаясь на большие затраты по ремонту и рост рыночных цен, Ульянов обратился в совнархоз с ходатайством о снижении арендной платы. Поскольку просьба его не была удовлетворена, арендатор через месяц направил новое ходатайство о передаче права аренды завода потребителю обществу Томской железной дороги. Томский губсовнархоз, поставив в вину Ульянову неполную выплату арендной платы и невыплату ссуды, расторг договор аренды³.

Встречались случаи и хищнической аренды, когда предприниматель заведомо не собирался восстанавливать и развивать производство, а, пользуясь случаем, стремился извлечь как можно больше собственной выгоды, распродавая имевшиеся на арендованном предприятии оборудование и запасы сырья. Так, 25 августа 1921 г. представитель Мосторга М.Н. Савчик заключил договор с Новониколаевским губсовнархозом об аренде мыловаренного завода (быв. Шеиных). При этом арендатор обязывался выплачивать арендную плату готовой продукцией ежемесячно в размере 30% от предусмотренного договором обязательного объема выработки. При обследовании завода выяснилось, что арендатор ведет двойную отчетность, скрывая реальный объем выпускаемой продукции. После проверки М.Н. Савчик вовсе остановил производство и уволил рабочих, а сам скрылся, не выполнив обязательства еще по одному договору: поставки Новониколаевскому губторгу ману-

¹ ГАНУ. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 213. Л. 5-5об., 34, 39-42, 62.

² ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 69. Л.10.

³ Корягина Т.А. Арендная политика западносибирских совнархозов в первые годы восстановительного периода (1921-1923 гг.) // Вопросы истории Сибири. Т. 158. Вып. 2. Томск, 1965. С. 205.

фактуры в обмен на олифу¹. Разыскать М.Н. Савчика не удалось ни на территории Сибири, ни в Московской губернии.

Итак, уже в первые годы нэпа арендная политика, на которую возлагались особые надежды правительства как на наиболее контролируемый государством способ использования частного капитала в промышленности, зашла в тупик. Вследствие недостатка оборотных средств и высокой арендной платы арендаторы не в силах были выполнить условия договоров, что вело к их расторжению. В ходе обсуждения и анализа арендной практики первого года нэпа специальными комиссиями Сибпромбюро ВСНХ неоднократно высказывались предложения о создании льготных условий для частной промышленной аренды: зачет переоборудования и ремонта предприятий в качестве арендной платы или полная отмена последней; поощрение образования обществ взаимного кредита; предоставление возможности передачи арендного предприятия по наследству и права выкупа арендуемого предприятия². Однако эти предложения не были реализованы на практике. Губсовнархозы не шли на радикальный пересмотр условий аренды и не собирались создавать благоприятные условия для ее развития. Что же касается высказываемого исследователями утверждения о хищническом отношении большинства предпринимателей к аренде³, то поскольку точные количественные данные на этот счет отсутствуют, нельзя, как нам представляется, категорически заявлять о преобладании хищнической аренды, опираясь на отдельные факты, которые, безусловно, имели место, что ярко иллюстрирует сибирская пресса.

В целом, концу 1923 г. на занятие промышленным производством частным лицам был выдан 14681 патент, что составило 88,3% от всего количества выданных в этот период патентов⁴. Такие жизненно необходимые населению отрасли обрабатывающей промышленности, как пищевая, мукомольная, деревообрабатывающая, кожевенная, текстильная, металлообрабатывающая, представленные пусть мелкими и мельчайшими предприятиями и мастерскими, насчитывающими зачастую менее 20 рабочих, снабженными простейшими механизмами, почти полностью находились в руках частных предпринимателей. На долю частной, кустарной и арендованной частными предпринимателями промышленности во второй половине 1922/23 г., по данным налогового обложения, приходилось 60% общего оборота сибирской промышленности⁵, а это означало, что большую часть товаров для местного рынка поставляли представители именно частного капитала, смягчая тем самым острый дефицит промышленных товаров народного потребления в регионе, способствуя восстановлению и оживлению хозяйственной жизни.

¹ ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 118. Л. 11-11об., 26-217; Д. 217. Л. 20об. -21.

² Неумоин С. Промышленность и торговля в Сибири... С. 123; Экономическая жизнь Сибири. 1922. 18 окт.

³ Корягина Т.А. Западная Сибирь в первые годы новой экономической политики (1921-1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969. С. 184.

⁴ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 27.

⁵ Поволоцкий А.М. Задачи государственной торговли... С. 8.

Число частных предприятий со значительным применением рабочей силы, т.е. последовательно капиталистического типа, установить сложно, во-первых, из-за слабой постановки работы статистических органов, во-вторых, из-за сложности какого-либо учета такого бизнеса, как частный. Однако отдельные данные позволяют судить в общем о незначительной доле частных предпринимателей во владении и аренде средними и крупными промышленными предприятиями. Так, по данным патентной статистики, к сентябрю 1923 г. частными предпринимателями в промышленности Сибири было выдано всего 252 патента 4 и 5 разрядов¹. Что же касается ценовых промышленных предприятий (15 рабочих и механический двигатель или 30 рабочих без механического двигателя), то доля собственных частных предприятий была и вовсе ничтожной – 44 заведения на начало 1924 г. Численность рабочих на них составляла 1,4% всех рабочих, занятых в промышленности, валовая продукция – 3,8% всей выпускаемой ценовыми предприятиями Сибири продукции². В этом отношении, несмотря на разницу в процентах (в ценовой промышленности всей России трудилось около 4% всей численности рабочих, и давала она 4% всей выпускаемой продукции³), сибирский регион мало чем отличался от районов Европейской России по привлечению частного капитала в промышленность. Как признался Г.Е. Зиновьев, выступая на XIII съезде РКП(б), «мы боялись, что при нэпе частный капитал в промышленности займет слишком большое место. Оказалось, что в область промышленности частный капитал не пошел, а пошел в торговлю»⁴. Надежды на привлечение денежных сумм, находящихся в руках частных лиц, преимущественно в промышленность не оправдались ни в первые годы нэпа, ни в последующем.

Социальный слой предпринимателей, сформировавшийся под влиянием новой экономической политики, по своему составу был крайне неоднороден (см. табл. 3.2).

Согласно терминологии переписи 1923 г., в число предпринимателей входили различные категории «хозяев»: с наемными рабочими, работавшие только с членами семьи или товарищества, одиночки, а также члены семьи, помогающие в занятиях, и рентьеры. Удельный вес предпринимателей составлял около 20% от общей численности самостоятельного городского населения Сибири⁵, что несколько превышало соответствующие показатели в среднем по СССР.

Однако последнее обстоятельство было вызвано скорее не бурным развитием в Сибири предпринимательской деятельности, а особенностями социальной структуры городов преимущественно аграрного региона со слабо развитой промышленностью. Подавляющее большинство сибирских пред-

¹ Добров М.С. Торговля и промышленность Сибири в 1922-23 бюдж.г. ... С. 48.

² Сибирь в 1923/24 г. ... С. 52; Сибревком. ... С. 202.

³ Три года новой экономической политики пролетариата. М., 1924. С. 21.

⁴ XIII съезд РКП(б): Май 1924 г.: Стенографический отчет. М., 1963. С. 89.

⁵ Итоги Всероссийской городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ. Т. XX. Часть II. Вып. 3. М., 1925. С. 213-215.

принимателей, как видно из таблицы 3.2, строили свою деятельность без применения наемной рабочей силы. Сапожники, слесари, маляры и штукатуры, портные, парикмахеры, извозчики, мелкие торговцы и тому подобные составляли основу этой социальной группы.

К «новой» буржуазии – людям, жившим на доходы от использования наемного труда или от коммерческой эксплуатации принадлежавшей им собственности, могут быть отнесены «хозяева, имевшие наемных рабочих» и «рентьеры». Как те, так и другие мало напоминали дореволюционную буржуазию, как по своим доходам, так и по стилю и образу жизни. К «новой» буржуазии, очевидно, следует причислить и часть «хозяев, работавших только с членами семьи или товарищества». По мнению автора известной монографии об изменении социальной структуры городского населения В.Б. Жиромской, таковыми являлись торговцы, использовавшие труд членов своих семей, владельцы трактиров, чайных, крупных лавок и других торговых заведений, а также занятые в других отраслях хозяйства, где имели место случаи замаскированного найма и эксплуатации рабочей силы¹. Перепись 1923 г. не дает возможности точно определить численность этой группы хозяев. Учитывая последнее обстоятельство, общая численность «новой» буржуазии может быть определена лишь приблизительно. В 1923 г. она составляла примерно 18 тыс. чел., что соответствовало 4,4 % общей численности самодеятельного населения сибирских городов.

Работая в равных, а зачастую и в более сложных по сравнению с государственными и кооперативными предприятиями политических и экономических условиях, частные промышленники и торговцы получали на своих предприятиях, как правило, большую прибыль, что говорило о высокой эффективности работы самих предпринимателей и нанятых ими рабочих и служащих. Однодневное обследование торговли, проведенное в ноябре 1923 г. в Новониколаевске, показало, что среднее время на одну покупку в частном магазине составляло 8-12 минут, кооперативе – 40 минут, госторге – 22 минуты. Как госторги, так и кооперация, показали большой перевес (50-52%) при недовесе в 14-22%. В частной же торговле эта разница была существенно меньше: перевес – 32%, недовес – 27%². В целом же расходы на служебный аппарат в частных магазинах были в 3,5 раза меньше, чем в государственном и кооперативном секторе, а средний оборот на одно занятое в торговле лицо в 1,5-2 раза превышал средний оборот на одного работника государственного и кооперативного предприятия³. По статистике, в частной промышленности в один человеко-день вырабатывалось на 92% больше продукции, чем на государственных и кооперативных предприятиях⁴. Немало способствовало трудовым успехам само настроение работающих, которое, как было отмечено на

¹ Жиромская В.Б. Советский город... С. 53.

² ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 42. Л. 75.

³ Мингулин И. Пути развития частного капитала... С. 83.

⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 14. Д. 199. Л. 16.

одном из совещаний секретарей губкомов РКП(б) Сибири в июне 1922 г., на частных предприятиях было лучше, потому что «они обеспечены, оплачиваются достаточно хорошо»¹.

Дополнительная прибыль на частных и арендованных предприятиях получалась и за счет удлинения рабочего дня до 10-12, а иногда и до 16 часов, сокращения или отмены обеденного перерыва, использования детского труда за низкую плату, сокрытия истинных доходов с помощью ведения двойной отчетности, задержек и невыплаты заработной платы работникам, экономии средств из-за несоблюдения санитарно-гигиенических условий работы и т.п. Неслучайно, по данным наркомата труда, на каждых 100 обследованных частных предприятиях одна треть их владельцев привлекалась к судебной ответственности за разнообразные нарушения². Имелись случаи и хищнической аренды, когда единственной целью арендатора, как правило, бывшего владельца данного предприятия, была негласная реализация имевшегося на предприятиях сырья и оборудования. Однако в целом удельный вес частных накоплений в промышленной сфере по сравнению с торгово-посреднической был невелик. Сказывался недостаток средств, опасения частных предпринимателей легализовать свои капиталы в меняющихся политических условиях, а также политика государственных хозяйственных организаций, без энтузиазма относившихся к перспективам развития как частной аренды, так и частного капитала в целом.

Признаваемый на государственном уровне недостаток оборотных средств в частном секторе усугублялся сложностями кредитования, что отнюдь не препятствовало очередному обвинению частного капитала в том, что он «транжирит» государственные деньги и «жиреет» за счет государства. В действительности, по выражению старшего биржевого маклера Красноярской товарной биржи, частный капитал после трех лет бездеятельности, «как новорожденный ребенок не может крепко встать на ноги без посторонней поддержки и ему безусловно необходима таковая в лице Госбанков и кредитных банков»³. Однако от всей суммы выданных Госбанком в 1922 г. кредитов частные торговцы и промышленники получили лишь около 15%, примерно такой же удельный вес составили ссуды частной клиентуре региональных отделений Промбанка⁴. Дисконтный процент для частных лиц был установлен 12% в отличие от 10% для кооперации и 8% для государственных структур. Поскольку шел интенсивный процесс обесценивания рубля, а рыночный учетный процент даже в период относительной устойчивости рубля не опускался ниже 30% в месяц, государственные кредиты были чрезвычайно привлекательными для частных предпринимателей. Однако получить государ-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 684. Л. 6.

² Белкин Г. Рабочий вопрос в частной промышленности / Под ред. В.В.Шмидта. М., 1926. С. 116; Советская Сибирь. 1922. 13, 21 апр., 28 июня, 15 сент., 29 дек.; и др.

³ ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 11. Л. 15-15об.

⁴ Грингоф Хр. Кредитование торговли в Сибири // Жизнь Сибири. 1923. №6/7. С. 107-108.

ственный кредит могли далеко не все желающие. Так, из 63 ходатайств представителей новой буржуазии, обратившихся в Омское отделение Госбанка по вопросам предоставления кредита в 1922 г., было удовлетворено только 7. Сумма выданного им кредита составила лишь 5% от общей суммы предоставленных отделением Госбанка кредитов¹. Право кредитования получали лишь те частные организации и лица, которые являлись либо производителями товаров, либо собирателями товаров от мелких производителей, либо распределителями товаров среди населения. Частные же посредники между государственными учреждениями, трестами, кооперативами к пользованию государственными кредитами не допускались.

В Сибири, в отличие от центральных регионов, где преобладал вексельный кредит, наибольшее распространение получило кредитование под товары. Причем и в этом случае условия выдачи кредита были довольно жесткими: если обеспечение подтоварных кредитов госорганам и кооперации должно было превышать их задолженность банку на 30-50%, то в отношении частных лиц это превышение должно было быть в несколько раз большим. Если госорганам и кооперативам разрешалось хранить товары на собственных складах под сохранные расписки, то частные лица должны были хранить заложенный товар на складах с банковскими артельщиками².

Несмотря на целый ряд имевшихся ограничений и довольно жестких условий выдачи кредитов частным лицам, последние не без помощи банковских работников и государственных служащих иногда умело обходили эти условия, добиваясь получения заведомо невозвратных кредитов. Попытки создания бюро справок о кредитовании для выяснения торговой «физиономии» потенциального клиента в начале 20-х гг. не увенчались успехом³, хотя такой вопрос и обсуждался на одном из заседаний экономического совета Сибпромбюро ВСНХ.

В целом же кредитование частной торговли и промышленности было крайне недостаточным. Испытывая постоянную потребность в дополнительных вложениях, частные предприниматели вынуждены были обращаться к ростовщикам, или, согласно терминологии 20-х гг., к так называемым рентьерам. Эта категория граждан состояла преимущественно из представителей дореволюционной буржуазии, которая предпочитала вместо хлопотной легальной торгово-промышленной деятельности увеличивать свое состояние отдачей денег в рост. Видными фигурами на этом подпольном кредитном рынке также были и посредники, не имевшие собственных капиталов. Собирая или одалживая у населения небольшие суммы под небольшие проценты и сконцентрировав их в своих руках, посредники ссуживали большие суммы торговцам и промышленникам, но под уже гораздо больший процент, имея

¹ Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 319. Л. 1-1об.

² Фридман С.Л. Частный капитал на денежном рынке. М., 1925. С. 15, 20, 22, 33.

³ ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 219. Л. 42-43.

собственную выгоду в разнице между этими процентами. В качестве ростовщиков зачастую выступали и сами торговцы. Забирая товар в кредит на 2-3 месяца под 2,5 % в месяц, эти люди продавали товары по цене ниже себестоимости и вырученные деньги пускали в рост под 10-15% в месяц¹. Дороговизна ростовщического кредита и трудности в получении государственных ссуд стимулировали предпринимателей к объединению собственных свободных средств в возрождавшихся обществах взаимного кредита. К концу 1923 г. на территории Сибири действовало три таких общества – в Красноярске, Омске и Томске². С целью быстрого продвижения уставов вновь возникающих ОВК, с одной стороны, и более планомерного насаждения сети ОВК в наиболее крупных и экономически мощных центрах республики, с другой, в Москве работало специальное бюро по организации ОВК под председательством крупного предпринимателя А.К. Парамонова³. Бюро направляло соответствующие предложения в крупные города Сибири, в значительной мере стимулировало и ускоряло процесс образования здесь обществ. Постепенно роль этих учреждений в снабжении частных предпринимателей кредитами возрастала за счет сокращения государственного и нелегального ростовщического кредитования.

Итак, процесс накопления частного капитала в Сибири, как и во всей стране, в первые годы нэпа отличался особой интенсивностью по сравнению с последующими этапами. Именно в 1922/23 г. частным предпринимателям удалось сделать накопления, позволившие им в последующем основывать собственные предприятия. В результате реализации принципов новой экономической политики сформировался социальный слой «новой» буржуазии, который, несмотря на свою малочисленность, играл важную роль в восстановлении хозяйственных связей, нарушенных войной и политикой «военного коммунизма», оживлении экономики региона в целом.

Протекание процесса так называемого первоначального капиталистического накопления в Сибири зависело от особенностей социально-экономической и политической ситуации в регионе, которые, в свою очередь, во многом определялись традициями дореволюционного развития. С одной стороны, слабое развитие местной промышленности и государственной торговли, имевшийся еще с дореволюционных времен и сохранившийся в 20-е гг. дефицит государственных инвестиций в местную экономику, замедленное по сравнению с другими регионами внедрение нэповских начал в местную экономику, а с другой стороны, наличие богатейших природных ресурсов, исконная направленность сибирского рынка на местную продукцию обусловили еще большую, чем в центре, ориентацию местных предпринимателей в процессе накопления на торгово-посредническую сферу.

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 8. Д. 146. Л. 17-20.

² Дмитриев Н. Сравнительный обзор кредитных учреждений Сибири на 1 октября прошлого года и 1 июня 1924 г. // Жизнь Сибири. 1924. №10. С. 30.

³ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 33. Л. 49.

Конечно, с точки зрения сторонников идей централизованной экономики с регламентацией всех сторон хозяйственной жизни, некоторые действия представителей частного капитала (и прежде всего – посреднические операции) оценивались как уголовные преступления. В таком понимании сказывалась однобокая трактовка и учеными-экономистами, и непосредственными хозяйственниками законов рыночной экономики. Преувеличение разного рода хищений и игнорирование позитивной роли частного капитала в восстановлении нарушенной войной и политикой «военного коммунизма» экономики было связано с интерпретацией нэпа как отступления и капитуляции перед буржуазией. Характерно в связи с этим высказывание Ю. Ларина о том, что «те не понимают ничего в нашем нэпе, кто не понимает прежде всего того, что наш русский нэп явился ответом на замедление рабочей революции в Европе»¹. Подобная точка зрения имела в советской историографии довольно широкий круг последователей.

На наш взгляд, в первые годы осуществления новой экономической политики шел совершенно закономерный процесс децентрализации экономики и связанное с ним своеобразное перемещение государственных средств в частные руки. Присоединяясь поэтому к мысли одного из работников наркомторга 20-х гг. А.И. Иосилевича о том, что, «... быть может, мы немного переплатили, но вряд ли можно утверждать, что тогда существовали иные, более дешевые пути»², необходимо отметить, что эта «обратная экспроприация», приведшая в конечном итоге к уменьшению национализированного сектора экономики, его децентрализации, способствовала восстановлению и дальнейшему развитию экономического потенциала как Сибири, так и страны в целом. Без подобных же процессов сложно представить успешное восстановление отечественной экономики в 1920-е гг.

¹ Ларин Ю. Из выступления в Социалистической Академии 1 ноября 1923 г. в прениях по докладу Е. Преображенского «Экономические кризисы при нэпе» // Вестник Социалистической Академии. 1923. Кн. 6. С. 340.

² Иосилевич А.С. Пути развития частного капитала в торговле // Частная торговля Союза ССР. ... С. 158.

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: 1924-1926 гг.

4.1. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ И ЕГО ИТОГИ: 1923/24 г. – первая половина 1924/25 г.

Негативное отношение к частному капиталу и его хозяйственной деятельности усугубилось как в партийно-хозяйственном руководстве, так и среди широких слоев населения в связи с осенним кризисом 1923/24 г. Внешними проявлениями кризиса, как известно, стало затоваривание промышленной продукцией, которая из-за высоких цен не находила сбыта. Резкое падение цен на сельскохозяйственные товары, происшедшее в силу общего подъема сельскохозяйственного производства в 1923 г. и оказавшихся на рынке излишков хлеба, привело к возникновению так называемых ножниц цен на товары промышленности и сельского хозяйства, обусловивших, в свою очередь, существенный разрыв между оптовыми и розничными ценами.

Вина за углублявшийся кризис частью хозяйственников была возложена на «стихийные» экономические силы и, в том числе, на частных предпринимателей, своей деятельностью якобы дестабилизировавших плановое хозяйство. Характерным в этой связи является суждение Ю. Ларина о причинах экономических кризисов при нэпе, высказанное в полемике с Е. Преображенским в Социалистической Академии в конце 1923 г.: «Основная причина заключается в той анархии хозяйственной жизни, которая у нас создавалась вместе с нэпом, которая у нас господствует два года, и которая неизбежно, как во всякой стране, где хозяйство ведется на основе буржуазных принципов свободы хозяйства (отсутствие централизованного принудительного руководства), на основе свободной конкуренции, – приводит к хозяйственному кризису»¹. Частный капитал был объявлен главным виновником кризиса сбыта проходившей в апреле 1924 г. VIII Томской губернской партийной конференцией², другими сибирскими органами власти. И хотя XIII конференцией РКП(б), проходившей в январе 1924 г., было признано, что основная причина кризиса сбыта заключалась в неумении государственной промышленности и торговли «проложить себе дорогу к крестьянскому массовому рынку»³, принятые государством меры (пересмотр калькуляций и прейскурантов по всему промышленному производству, уменьшение в результате этого оптового индекса промышленных цен, увеличение заготовок хлеба на экспорт и др.), с помощью которых преодолевался этот кризис, свидетельствовали скорее не о признании необходимости расширения коммерческих принципов в работе государственного сектора промышленности, а об оценке административного вмешательства в рыночные процессы и ценообразование

¹ Из выступления Ю. Ларина при обсуждении доклада Е. Преображенского «Экономические кризисы при нэпе» // Вестник Социалистической Академии. 1923. Кн. 6. С. 337.

² ГАТО. Ф.1 П. Оп. 1. Д. 132. Л. 12об.

³ КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 161-162.

как панацее от всех бед. Как справедливо заметил один из современных экономистов И.А. Благих, кризис 1923/24 г. по своей сути был скорее кризисом всей государственной промышленности, чем просто «кризисом сбыта»¹. Он стал одним из первых проявлений заложенных в нэпе противоречий между плановым и рыночным «кругом» воспроизводства, результатом открытого столкновения централистски-административной и рыночной альтернатив развития. Важнейшая причина кризиса – гибельное для экономики монопольное положение государственных трестов и синдикатов, диктовавших произвольно высокие, не соответствовавшие требованиям рыночной конъюнктуры цены на свою продукцию, – так и не была учтена.

Составляющей административного вмешательства в экономические процессы в связи со стабилизацией положения и выходом из хозяйственного кризиса закономерно должно было стать и стало ужесточение политики в отношении частного капитала. В ее основе лежала твердая уверенность в только что одержанном видимом успехе административного вмешательства в процессы ценообразования. Иллюзия возможности успешного полностью планового регулирования многоукладной экономики привела к призывам изъятия частного капитала из торговой сферы. И хотя в резолюции XIII партийной конференции РКП(б) констатировалось, что «государственный капитал не может поставить своей задачей немедленного установления непосредственных связей со всей стомиллионной массой распыленных производителей-крестьян»², – тут же следовал призыв поставить предел росту частного капитала и в этой области.

И без того незавидное положение частного капитала осложнялось подготовкой к денежной реформе. С одной стороны, отсутствие твердой валюты затрудняло предпринимательскую деятельность, и поэтому большинство представителей «новой» буржуазии было заинтересовано в проведении реформы. С другой стороны, усилия государственных органов по созданию благоприятной для осуществления денежной реформы ситуации (контроль за денежной массой путем регулирования рыночных цен, ограничения кредитования, повышения налогов и т.п.), совпавшие с политической кампанией против частного капитала, усугубляли выпавшие на долю последнего трудности.

Средствами установления «предела» в развитии частного капитала призваны были стать ужесточение налоговой политики и кредитной политики в отношении частных предпринимателей, государственное регулирование цен, предоставление разнообразных льгот кооперации и другие меры. Изымаемые из оборота посреднические частноторговые звенья отчасти должны были быть заменены развивавшейся государственной розницей, планы в отношении которой также свидетельствовали о желании как можно скорее изъ-

¹ Благих И.А. «Зигзаги» нэпа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 173-177.

² КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 168.

ять из экономической системы не подчинявшиеся строгой регламентации и централизованному планированию массы частных предпринимателей.

Правда, вопрос о возможности развития государственной розничной торговли дискутировался в правительстве и имел оппонентов. Противником развития государственной розничной торговли являлся, например, А.М. Лежава. «Принципиально я считаю неправильным стремление развивать государственную розницу», – заявлял он на II Всесоюзном биржевом съезде в 1924 г.¹ Кроме общего неприятия торговли как элемента социалистического хозяйства, эта точка зрения, получившая поддержку у части хозяйственников, опиралась на разумный тезис о том, что государственной торговле, именно в силу ее государственности, всегда присущ в той или иной мере элемент бюрократизма, который в особенности вреден при розничной торговле. Однако общее стремление поскорее избавиться от частного посредника, отбиравшего, как считалось, в результате проводимых им торговых операций, часть прибыли у государства, породило желание как можно скорее вытеснить частного торговца из розницы. А поскольку кооперативной сети для этого не хватало, решено было развивать государственную розницу «до тех пор, пока кооперативная торговля не сумела охватить розницы всех товаров и рынки всех областей», – как выразился В.В. Куйбышев². Курс на развитие государственной розницы был поддержан членами Томского губисполкома, определен в качестве одной из задач торговой политики Сибревкома в целом³. «Мы помним, – писал В. Сарабьянов в своем исследовании о нэпе в 1926 г., – как в 1923 и даже в 1924 г. тресты всерьез разговаривали о разворачивании сети государственной розничной торговли, ссылаясь на слабость кооперации и враждебность частноторгового капитала»⁴.

Для более успешного осуществления курса на вытеснение частного капитала и регулирования торговли в целом Пленум ЦК ВКП(б) 31 марта – 2 апреля 1924 г. признал необходимым преобразовать Комвнуторг при Совете Труда и Оборона в наркомат внутренней торговли с местными органами. Г.Е. Зиновьев, выступая на XIII съезде РКП(б), признался, что при переходе к нэпу «мы пошли против частного капитала налегке, с тросточкой»: считали, что вполне будет достаточно комиссии при СТО, чтобы «справиться» с ним⁵. Позиции, занятые частным капиталом, оказались настолько мощными, что потребовали специального наркомата с соответствующими полномочиями. В качестве основной задачи этому органу вменялось «овладение рынком со стороны госторговли и кооперации за счет частного, в первую очередь опто-

¹ Лежава А.М. Государственное регулирование торговли и биржи: Доклад на II Всесоюзном Биржевом съезде. М., 1924. С. 13.

² Куйбышев В. Задачи внутренней торговли и кооперация: Доклад на собрании активных работников Московской организации РКП(б) 21 апреля 1924 г. М., 1924. С. 31.

³ Сибревком. ... С. 212; ГАТО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 1052. Л. 54.

⁴ Сарабьянов В. Основные проблемы нэпа: план, регулирование, стихия. М.; Л., 1926. С. 125.

⁵ XIII съезд РКП(б). ... С. 89.

вого капитала и осуществление активного контроля за деятельностью частного капитала»¹.

В докладе Л.Б. Каменева на XIII съезде РКП(б) о внутренней торговле и кооперации, сопровождавшемся показом диаграммы, на которой в противовес стройной фигуре государственного торгового служащего был изображен, как сказал докладчик, «толстый тип» рядом со своим магазином, носившим символичное название «лавка Обиралова», прямо указывалось, что оптовой и оптово-розничной торговле должна быть объявлена решительная борьба². Итак, первой мишенью для удара по частному капиталу был избран частный опт, во-первых, как наиболее, если можно так выразиться, капитализируемая по своей сущности и крупная по размерам ценностей, сосредоточенных в одних руках, форма частной торговли, во-вторых, как верхушечное звено частнокапиталистического круга хозяйства, держащее в подчинении и зависимости более мелких частных предпринимателей. Частный оптовик, получая товар в кредит от госорганов сроком обычно на 30-45 дней, оказывал со своей стороны кредит частному розничнику. Покупая, например, ситец в тресте за 28 коп. и отпуская его мелким торговцам по 36-38 коп., оптовик зарабатывал на своем посредничестве до 28% и более прибыли с каждой такой сделки³. Помимо этого, как свидетельствовали исследователи 20-х гг., к 1924 г. обнаружилось тенденции частного капитала «к организации замкнутого круга частного сектора хозяйства под гегемонией крупного капитала и к некоторому организационному обособлению и противопоставлению всего частного сектора торговли и промышленности государственному и кооперативному товарообороту»⁴. Выращенный крестьянином хлеб скупался частным скупщиком, который вез его на частную мельницу, затем мука поступала в частную пекарню, а из нее – в частный магазин. Заготовленные таким же образом кожи поступали на частный кожевенный завод, в частную мастерскую, а затем реализовывались через частноторговую сеть. Естественно, что цены в этой складывавшейся автономно от государства системе не подлежали регулированию, а предприниматели оказывались практически вне зоны досягаемости. Решение о ликвидации частного опта было продиктовано, таким образом, желанием разбить этот частнокапиталистический круг хозяйства – заготовка, переработка, сбыт, – изъязв главное звено в цепочке – оптовую частную торговлю.

В ходе обсуждения необходимости проведения мероприятий в этой области среди крупных хозяйственников были высказаны самые противоречивые точки зрения. В частности, работники наркомата РКИ предлагали временно оставить частный опт в тех товарных областях, где не ощущалось большого недостатка товаров, и провести срочные мероприятия по парализа-

¹ КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 198.

² XIII съезд РКП(б). ... С. 385-387.

³ Гольберт Я. Кредитование частной торговли как регулятор розничных цен // Биржи и рынки. ... С. 31.

⁴ Мингулин И. Пути развития частного капитала. ... С. 142.

ции роста частного оптовика, если не полностью его ликвидировать, в других областях¹. Правление Новониколаевского отделения Госбанка также выступило против огульного запрещения кредитования частного оптовика. В своем письме, направленном в мае 1924 г. Сибирской краевой конторе Госбанка, члены правления, в частности, указывали на целесообразность продолжения кредитования торговцев, занимавшихся сырьевыми заготовками, и некоторых других категорий оптовиков. Правда, Сибирское бюро ЦК РКП(б), проводя специальное заседание по вопросам кредитования Госбанком частной клиентуры, поспешило осудить «антипартийную линию» банковских работников².

Наступление на частный опт поддерживалось абсолютным большинством партийных лидеров и крупных государственных чиновников, как в центре, так и в сибирском регионе. Так, Ф.Э. Дзержинский прямо заявлял, что он не является большим поклонником частного капитала в большом и среднем опте³. Подобной точки зрения придерживались и А. Микоян, А. Кактынь, А. Стецкий и др.⁴ С.В. Косиор, М.М. Лашевич, Р.И. Эйхе, работавшие в этот период в сибирских партийных и государственных организациях, другие местные партийные и государственные деятели также являлись сторонниками «убивания частного оптовика»⁵. И лишь отдельные хозяйственники усматривали в этой мере государства отрицание в принципе плодотворного с точки зрения дальнейшего развития производительных сил страны использования частного капитала, поскольку неприятие какого-либо из звеньев складывавшегося круга частнокапиталистического производства привело бы в скором будущем к его полной ликвидации. О необходимости признания частного капитала как хозяйственной системы со всеми ее организационными и финансовыми свойствами и о вытекавшем из такого понимания продолжении использования частного опта говорил, например, один из работников наркомторга 1920-х гг. Ц.М. Крон⁶. Однако курс на активное вытеснение частного капитала из оптовой торговли стал с 1924 г. государственной политикой.

Состоявшееся в марте 1924 г. в Комвнторге совещание комиссии по упорядочению розничной торговли признало необходимым создание сети государственных обществ по снабжению частных розничных торговцев⁷. Эти

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 146. Л. 2, 8.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 3. Л. 44, 47.

³ Дзержинский Ф.Э. Основные вопросы хозяйственного строительства СССР: Сб. ст. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 66.

⁴ Микоян А.И. Внешняя и внутренняя торговля СССР. М., 1927. С. 45; Кактынь А. О подходе к частному торговому капиталу. М., 1924. С. 21; Стецкий А. Основные вопросы внутренней торговли // Большевик. 1924. №3/4. С. 51; и др.

⁵ Советская Сибирь. 1924. 5 нояб.; ГАТО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 132. Л. 15.

⁶ Крон Ц.М. 1) Частная торговля в период ее вытеснения // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. IV. С. 186; 2) Частная торговля в СССР. М., 1926. С. 134.

⁷ Торгово-промышленная газета. 1924. 8 марта.

общества должны были полностью заменить частных оптовиков в снабжении товарами частной розницы.

I Сибирская краевая партийная конференция, проходившая 8-11 мая 1924 г., дала в связи с этим «боевой приказ» хозяйственникам: «довольно отступать, перейдите в наступление и в первую очередь на 100% завоюйте оптовую торговлю»¹. Это «завоевание» мыслилось прежде всего путем сжатия, а затем и полного прекращения денежного и товарного кредитования оптовой частной торговли. Ю. Ларин, известный публицист и автор ряда статей о частном капитале 20-х гг., выступая на XIII съезде РКП(б), образно, но весьма точно сформулировал суть кредитной государственной политики по отношению к «новой» буржуазии. «Наша буржуазия, – говорил он, – шука, а шука, как известно, любит, чтобы ее начинали фаршем – государственными кредитами и всяким содействием такого рода. Теперь мы фарш от буржуазии отнимаем, и наша шука должна существовать в нефаршированном виде»². «Мы должны закрыть частному капиталу возможность кредита, возможность развиваться на государственном капитале», – в ультимативной форме ставил задачу перед партийным и хозяйственным активом Сибири Р.И. Эйхе весной 1924 г.³ Прекращение денежного и товарного кредитования частной оптовой торговли как мера, направленная на общее снижение роли частного капитала в хозяйственной жизни, директировалась в 1924 г. всем губкомам партии Сибири, а газета «Советская Сибирь» выступила с предложением в двухмесячный срок полностью изжить практику кредитования частного оптовика государством⁴.

Выполняя партийные решения, Сибирская краевая контора Госбанка в мае 1924 г. направила всем своим филиалам директивное письмо с грифом «совершенно секретно». В нем, в частности, указывалось, что все сибирские филиалы Госбанка должны совершенно прекратить кредитование частного оптовика, не менее чем на 50% сократить размер прямого кредитования прочей частной клиентуры и ввести для нее повышенный учетный процент. Предписывалось следить за работой местных ОВК и в том случае, если окажется, что их средства идут главным образом на кредитование частного оптовика, прекратить выдачу обществам государственных кредитов⁵. РКИ совместно с ЦКК предложил правлениям банков ввести представителей наркомата внутренней торговли в учетно-ссудные комитеты банков для осуществления пересмотра состава частной клиентуры «с точки зрения роли и значения ее деятельности в народном хозяйстве»⁶.

В материалах к докладу наркомата финансов СТО о результатах учета частного капитала отмечалось, что наркомфин СССР в 1924 г. добился почти

¹ Советская Сибирь. 1924. 11 мая; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1025. Л. 22об.

² XIII съезд РКП(б). ... С. 177.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1025. Л. 23.

⁴ Сибревком. ... С. 216; Советская Сибирь. 1924. 8 мая.

⁵ ГАНО. Ф. 725. Оп.1. Д. 3. Л. 41-41об.

⁶ Торгово-промышленная газета. 1924. 4 июня.

полного прекращения кредитования оптовой частной торговли и ограничил определенными условиями (в смысле размера кредита на одного клиента) кредитование прочей частной клиентуры. Одновременно с этим было проведено в жизнь положение, запрещавшее государственным и кооперативным организациям быть членами обществ взаимного кредита, финансирующими частнокапиталистическое предпринимательство. Значительно повысились ставки годовых процентов по кредитам, предоставляемым частным лицам Госбанком и акционерными банками, по сравнению с государственной и кооперативной клиентурой. Их размер составил 16-18% годовых¹.

В результате осуществления подобной политики денежный кредит частным оптовикам был прекращен. Его сроки частным розничным торговцам уменьшились до 1-2 месяцев, а продажи товаров стали производиться на 5% дороже, чем госорганам и кооперации. В целом же задолженность частной клиентуры государственной кредитной системе в течение 1923/24 г. по СССР уменьшилась с 42,5 млн руб. до 21,4 млн руб., то есть почти в два раза, кредитование государственными финансовыми организациями Сибири частной клиентуры составило в сентябре 1924 г. 1% общей суммы выданных кредитов вместо 8,5% в конце 1923 г.² Лишенные возможности легального денежного кредитования частные предприниматели прибегали к помощи нелегального денежного рынка, который, как следует из стенограммы заседания в апреле 1925 г. финансового совета по делам промышленности и торговли при наркомате финансов, являлся в течение 1923/1924 г. самым значительным поставщиком кредита частному обороту. При этом условия кредитования частных торговцев нелегальным ростовщическим капиталом были предельно жесткими. Получая кредит на короткие сроки до 2-х недель, частные предприниматели вынуждены были уплачивать 15% и более в месяц³. Необходимость прибегать к более дорогому кредиту вынуждала частных предпринимателей повышать розничные цены. Увеличение же кредитов государственным торговым организациям и кооперации в создавшейся ситуации, как отмечалось в одной из записок наркомата финансов, способствовало пресыщению средств у последних, стимулировало превращение их в иммобильные.

Предпочтение государственным и кооперативным организациям по сравнению с частнокапиталистическими оказывалось не только в денежном, но и в товарном кредитовании и товарных поставках. Частной торговле по СССР в 1923/24 г. по сравнению с 1922/23 г. они были уменьшены в семь раз⁴. Как показано в таблице 4.1, губернские госторги Сибири также резко сократили товарное кредитование частных торговцев. Особенно символической в этом отношении явилась деятельность Алтайского госторга, к середине 1923/24 г. вовсе прекратившего отпускать в кредит товары частным лицам.

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 36. Л. 6, 9.

² Сокольский А. Банковское кредитование частной торговли // Частная торговля Союза ССР. ... С. 99; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1028. Л. 14об.

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1204. Л. 13об.; Ф. 8151. Оп. 1. Д. 63. Л. 44.

⁴ РГАЭ. Оп. 1. Д. 195. Л. 133; Оп. 4. Д. 676. Л. 18.

Таблица 4.1

Товарное кредитование частной торговли в 1923/24 г.
% от общего отпуска госторгам товаров в кредит)*

(в

Месяцы 1923/24 г.	ГОСТОРГИ		
	Алтайский	Енисейский	Омский
Октябрь	91,9	93,0	90,0
Ноябрь	55,67	94,0	96,0
Декабрь	83,85	87,0	80,0
Январь	100	26,0	54,0
Февраль	92,53	59,5	12,0
Март	19,75	45,5	48,0
Апрель	0,29	32,5	8,0
Май	0,0	0,25	1,0

*ГАНУ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

Местные власти строго следили за исполнением госторгам партийных директив по сжатию товарного кредитования частных торговцев. Омский губернский отдел наркомата РКИ, проведя в 1924 г. обследование омского окрторга, всекожсиндиката в отношении участия и роли частного капитала в их оборотах, придя к выводу о том, что в течение года произошло резкое уменьшение доли участия частного капитала в оборотах этих торговых организаций, вместе с тем подверг критике недостаточно жесткую, с точки зрения проверяющих, политику по отношению к частному капиталу со стороны Омгосторга. В частности, было отмечено, что темп сокращения поставок госторгом товаров частным лицам искусственно замедляется: доля участия частного капитала в торговых операциях торгового центра в 24%, что несколько превышало этот процент в других городах Сибири¹. В целом же доля участия частных лиц в покупке продукции у основных государственных оптовых организаций, снабжающих Сибирь товарами массового потребления, сократилась с 36% в 1922/23 г. до 16,4% в 1923/24 г.², значительно ухудшился ассортимент этих поставок.

Немаловажную роль в процессе ликвидации частного капитала в 1923/24 – первой половине 1924/25 г., как следует из документов конъюнктурного совета сибплана, общесибирской, алтайской, томской комиссий по внутренней торговле и других материалов, сыграло взимание с частных предпринимателей чрезмерно высоких, необоснованных экономически нало-

¹ ГАОО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 159. Л. 4об.-5, 17-18, 21-22об.

² Ботвинник Е. Торговля в 1923/24 г. и ближайшие задачи // Жизнь Сибири. 1924. № 7/9. С. 60; ГАНУ. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 391. Л. 44.

гов¹. Придерживаясь курса на создание твердой валюты на основе червонца, народный комиссариат финансов проводил в течение 1923/24 г. политику решительного нажима налогового пресса в целом. Это совпало с политической кампанией против частного капитала, считавшегося одним из главных виновников хозяйственного кризиса 1923/24 г. Поэтому ужесточение налоговой политики отразилось прежде всего на частнокапиталистическом секторе.

Законом о подоходном налоге от 12 ноября 1923 г. вводилась градация населения по социальному признаку. «Нетрудовые элементы» были выделены в специальную категорию «В». На основании принятого сессией ЦИК СССР II созыва 29 октября 1924 г. нового положения о государственном подоходном налоге его прогрессия была доведена до 30%, не считая 25% надбавки в пользу местного бюджета². Одновременно с этой мерой была проведена принудительная подписка на первый и второй выигрышные займы, введен высокий местный целевой квартирный налог на нужды рабочего жилищного строительства, взимаемый с той же категории плательщиков и доходивший до 10 руб. в месяц с квартирной сажени. Кроме того, плата за коммунальные услуги (квартиру, воду, канализацию и т.д.) также была значительно поднята для тех же слоев населения, увеличено и косвенное обложение. За пользование электроэнергией, например, частные предприниматели должны были платить в три раза больше, чем рабочие и служащие.

Ужесточение налоговой политики в отношении частного капитала выразилось не только в повышении общего процента изъятия денежных средств у частных предпринимателей, но и в более пристрастном и, если можно так выразиться, ярко выраженном классовом подходе к определению объектов обложения и самой практике взимания налогов. Такое отношение декларировалось налоговым управлением наркомфина РСФСР специальной инструкцией «Об основных моментах работы в проведении кампании по подоходно-поимущественному налогу», направленной в начале 1924 г. уполномоченному наркомата финансов Сибири. В инструкции прямо говорилось, что ставя во главу угла обложение нетрудовых доходов, надо иметь в виду, что именно эти доходы должны служить объектом усиленного обложения. Аналогичные инструкции были направлены уполномоченным наркомфина по Сибири А.М. Поволоцким всем заведующим губернскими финансовыми отделами и Сибревкомом – всем губисполкомам. При этом рекомендовалось в целях достижения более полного обложения частного капитала по подоходно-поимущественному налогу пересмотреть нормы доходности частнокапиталистических предприятий в сторону повышения с учетом конъюнктуры частного рынка, а также провести чистку налогового аппарата от элементов, плохо ориентирующихся в налоговой политике Советской власти или, тем более, злоупотребляющих в корыстных целях своим положением. Виновных в

¹ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 3. Л. 35; Ф. 1180. Оп. 1. Д. 391. Л. 44об.; ЦХАФАК. Ф. 16. Оп. 3. Д. 30. Л. 296; ГАТО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 1422. Л. 51об.

² Гензель П.П. Налоги Союза ССР. М., 1926. С. 17.

недообложении частнокапиталистических предприятий указывалось предавать суду¹. Осуществление подобной налоговой политики не могло не привести к массовому разорению частных предприятий.

И хотя в течение довольно длительного времени, как следует из документов наркомфина, шел спор о том, в какой мере налоговое обложение частной торговли стало причиной наблюдавшегося в 1923/24 г. – начале 1924/25 г. сокращения частного аппарата и его оборотов, обследованием рабоче-крестьянской инспекции 1925 г. было установлено переобложение в целом частнокапиталистических предприятий². Кстати, местные руководители и не думали сомневаться в том, что именно налоговый пресс, в числе прочих мер, убрал многие частные фирмы с рынка. Так, Иркутский губисполком с чувством выполненного долга рапортовал Сибревкому летом 1924 г.: «Налоговая политика, имеющая своей целью задавить частника-спекулянта, в конечном результате привела к тому, что все крупные частные товарищества ликвидировались»³. Среди причин переобложения частных предприятий не последнее место занимала и слабая подготовленность органов фиска, а также организационные промахи.

Для выяснения оборотов каждого частного предприятия и получаемой им прибыли в декабре 1923 г. декретом СНК СССР была установлена обязанность всем предпринимателям вести торговые книги. Однако не были установлены ни форма, ни номенклатура книг. В результате, как показало обследование РКИ, почти на всех без исключения предприятиях счетоводство за 1923/24 г. оказалось неудовлетворительным⁴. Поэтому финансовая инспектура получила возможность браковать эти книги. Однако те финансовые инспекторы, которые в должной степени могли разбираться в бухгалтерских книгах, даже отклоняя их, использовали имеющиеся в них данные для установления доходности предприятия. Большинство инспекторов не имело достаточной подготовки. Как правило, сделанные ими оценки значительно преувеличивали реальную прибыльность обследуемых предприятий. Информации базарных комитетов городов Омска и Ленинска Омской губернии свидетельствуют, что в основу исчисления оборотов частных предприятий, как правило, были положены личные впечатления финансовых агентов, зачастую людей малокомпетентных в вопросах торговли. По выражению торговцев, облагалась «борода», а не реальный оборот предприятия⁵. Один из сотрудников налоговых органов того времени с наслаждением вспоминал, как он играл в «кошки-мышки» с торговцами, то усиливая, то ослабляя давление налогового прессы⁶. Многочисленные жалобы, поступавшие в налоговые комиссии от частных предпринимателей о неправильном обложении, как правило,

¹ ГАНО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 365. Л. 219, 257-258, 479-485.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6987. Л. 208.

³ ГАНО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 21. Л. 4-4об.

⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 180. Л. 271-274.

⁵ ГАОО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 51. Л. 67об.

⁶ Наринский А. Торговля в годы нэпа: записки очевидца // Торговля. 1993. №2/3. С. 53.

оставались без ответа. Весьма показательным в этом отношении является «Дело о нарушении положения о государственном промысловом налоге гражданином С.В. Кубриком»¹. Барнаульская окружная налоговая комиссия обвиняла Кубрика в том, что тот, скупив у барнаульских кустарей валенки на довольно большую сумму и затем перепродал их, не приобрел соответствовавшего этой деятельности патента. К делу прилагались показания налогового инспектора и протокол допроса кустарей, в котором они утверждали, что Кубрика не знали и не помнят. Несмотря на то, что не было свидетелей предпринимательской деятельности, не было товара и даже не было предполагаемого адреса, по которому этот товар мог находиться, а имелись лишь показания налогового инспектора, комиссия вынесла решение в жалобе Кубрику отказать.

Только в редких случаях, когда предприятия были полностью разорены, осуществлялось уменьшение суммы налоговых платежей в надежде, что, справившись с трудностями, предприниматель в будущем рассчитается с долгами перед государством. Некоторые, однако, до такой милости не доживали. Широкую огласку приобрело самоубийство томского торговца-розничника, который не смог внести в срок арендную плату и заплатить налог, не имевший ничего общего с его мелочными оборотами².

Подобная налоговая практика, хоть и объявлялась экономической мерой воздействия на частный капитал, как нам представляется, может рассматриваться только как чисто административная по своей сути мера вытеснения частного капитала, поскольку в ее основе не лежал принцип равного права разных хозяйственных укладов, и привела она, в конечном итоге, к негативным процессам в экономике.

Связанное с подготовкой и проведением денежной реформы принудительное снижение цен на товары также негативно сказалось на частной торговле. В направленной в марте 1924 г. валютным управлением наркомата финансов финансовым управлениям регионов директиве о мероприятиях, связанных с проведением денежной реформы, говорилось не только о необходимости постоянного контроля за ценами госторгов, но и о «нажиге» в этом отношении на частного торговца путем установления прямой зависимости между выдачей ему кредитов и обязательством не поднимать цены выше установленного уровня³. Созданная при Сибкомвнуторге комиссия по снижению цен пыталась вести профилактические беседы с частными торговцами, созывать специальные совещания, чтобы убедить их принять участие в государственной кампании снижения розничных цен. Вряд ли такая мера оказалась действенной. Скорее всего, главным аргументом для частных торговцев явилась реальная ситуация на товарном рынке. Так, цена на мясо, установленная частными торговцами Томска в июне 1924 г. на уровне 36 коп.

¹ ЦХАФАК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 109. Л. 7-15.

² ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 202. Л. 32-32об.

³ Там же. Д. 66. Л. 81-81об.

за фунт, благодаря достаточному предложению мяса в местной кооперации по цене 22 коп. за фунт, была снижена до 26 коп.¹ В целом же, в результате активного регулирования цен государством и введения твердой валюты со второго полугодия 1923/24 г. начала проявляться устойчивость общего уровня цен с явно выраженной тенденцией к их понижению, наиболее ярко проявившейся в сфере оптового, в меньшей степени – в сфере розничного рынка.

Разразившийся вслед за переходом к новой валюте разменный кризис, острота и масштабы которого превзошли все ожидания творцов денежной реформы, стал еще одним препятствием на пути развития частной торговли. Причем острота кризиса возрастала по мере удаления от Москвы. В Омске, например, дизажио на червонец доходило до 30%². Под влиянием разменного кризиса начал развиваться натуральный обмен между крестьянами и частными торговцами, роль разменных денег играли спички и другие товары. Некоторые продавцы выдавали покупателям записки взамен не выданной сдачи. Все это заставляло торговцев придерживать товары, замедляло торговый оборот.

Помимо этих формально-экономических мер по отношению к частному капиталу в этот период были применены и чисто административные меры (показательные судебные процессы, высылка частных предпринимателей из крупных городов европейской территории страны и т.д.). Так, проведя массовые облавы крупных торговцев, биржевиков, завсегдатаев казино, «лиц неопределенных профессий», органы ГПУ только в Москве арестовали около 2 тыс. человек, которые впоследствии были высланы вместе с семьями в отдаленные районы Сибири. Один из арестованных предприниматель Гинзбург покончил с собой, оставив письмо на имя начальника местного отдела ГПУ: «Вы считали меня своим врагом и хотели выслать. Я умираю, надеясь этим спасти свою семью. Не мстите за меня моим детям³». Зачастую только такой крайний способ оставался у арестованных для спасения своих близких от многочисленных лишений и нищенского существования, ведь отправка на поселение осуществлялась после конфискации всего имущества.

Судьба административных ссыльных складывалась по-разному. Как вспоминал впоследствии доктор исторических наук А.П. Марков, детство которого прошло в Сибири, в селе Марково, как и в других селах Приленья, жили такие ссыльные с семьями. Держались они особняком, с местным населением почти не общались, но по внешнему виду не бедствовали, и даже угощали детей местных жителей диковинными и невиданными в Сибири продуктами, которые им присылали родственники⁴. За всеми ссыльными устанавливался жесткий надзор, информация об их поведении и взглядах собиралась местными отделами ГПУ.

¹ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 202. Л. 35.

² Народное хозяйство СССР: Статистико-экономический ежегодник. Вып. IV. М., 1925. С. 537.

³ Массовые аресты биржевиков и нэпманов // Социалистический вестник. 1924. №1. С. 13; Самоубийство ради семьи // Там же. №3. С. 12-13.

⁴ Марков А.П. Как это было. ... С. 41.

Сибирская краевая конференция РКП(б), проходившая в мае 1924 г., приняла резолюцию о том, что «уже сейчас назрел вопрос о необходимости ... применения к частному капиталу методов административного воздействия»¹. Для надзора за частным бизнесом органы правопорядка выделили специальных милиционеров, которые должны были совершать периодические обходы частных столовых, гостиниц, ресторанов, оказывать всяческое содействие органам наркомата финансов в проведении налоговых кампаний и т.п.²

Материалы сибирской прессы свидетельствуют о широкой практике и таких мер «общественного давления» на частный капитал, как общественные бойкоты торговцев, не желавших придерживаться государственной политики цен³. Ажиотаж, искусно подогреваемый средствами массовой информации вокруг борьбы с частным капиталом, вызвал и такие крайние проявления народного рвения в отношении искоренения частного предпринимательства, что останавливать его пришлось органам ОГПУ. Так, в мае 1924 г. в Томске была обнаружена организация, возглавляемая членом РКП(б) с 1917 г. Марковым, цель которой заключалась в совершении террористических актов против нэпманов. Пытаясь поставить дело на широкую ногу и придать ему видимость законности, члены организации даже пытались получить в ОГПУ ордера на производство обысков в домах представителей частного капитала. При аресте у «террористов» было обнаружено оружие⁴. Весьма симптоматично, что, смело давая показания в ходе следствия, заговорщики утверждали, что только выполняли свой долг в соответствии с решениями последнего съезда партии.

Результаты «нажима» государства на частный капитал сказались незамедлительно. Начиная с осени 1923 г. – времени начала хозяйственного кризиса и вплоть до весны 1925 г., то есть в течение полутора лет, происходило абсолютное сокращение численности частных торговых предприятий и их удельного веса в общей торговой сети как СССР в целом, так и в сибирском регионе. В СССР сокращение численности частной торговли в первой половине 1923/24 г. по сравнению с предыдущим полугодием составило 20%⁵. В Сибири численность частных торговых предприятий сократилась за этот период более, чем на 30% (см. табл. 4.2).

¹ Сибревком. ... С. 216-217.

² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 48. Д. 76. Л. 18об., 19.

³ Советская Сибирь. 1924. 20, 27 апр.; и др.

⁴ ГАТО. Ф.17 П. Оп. 1. Д. 455. Л. 13.

⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 12. Д. 116. Л. 43; Ф. 8151. Оп. 1. Д. 5. Л. 198.

Таблица 4.2

Динамика численности сибирской частной торговли
во втором полугодии 1922/23 г. – первом полугодии 1924/25 г.*

Период	Количество выданных патентов	в % ко II полуг. 1922/23 г.	в % к общей числ. предпр.
II полуг. 1922/23 г.	23688	100	86,8
I полуг. 1923/24 г.	15745	66,5	77,8
II полуг. 1923/24 г.	15762	66,6	73,7
I полуг. 1924/25 г.	13684	57,8	67,7

* Сост. по: ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 69; Ф. 1052. Оп. 1. Д. 606. Л. 14; Ф. 1180. Оп. 1. Д. 651а. Л. 8.

Особенно быстрыми темпами шло сокращение частных предприятий, торговавших текстилем (на 70%), бакалеей (на 50%) и другими товарами, которые закупались у частных оптовиков центральных регионов страны (см. табл. 4.3).

Таблица 4.3

Динамика частных торговых предприятий по отраслям
торговли в Новониколаевске и Ленинграде в 1924/25 г.*

Товарные группы	Ленинград			Новониколаевск		
	на I/X 1924	на I/I 1925	% изме- нен.	на I/X 192 4	на I/I 1925	% изме- нен.
Продукты питания	–	–	–	321	377	+14
Бакалейная торг.	–	–	–	115	57	-50
Хлеб. и муч. торг.	666	635	-5	37	23	-38
Текстиль. торг.	1059	964	-9	30	9	-70
Галантерея	–	–	–	57	46	-20
Кож. и обув. тов.	460	417	-9	56	43	-23
Металлоиз-	342	331	-3	35	38	+9

деля							
Прочие	от-	-	-	-	513	334	-40
расли							

* Крон Ц. Частная торговля в период ее вытеснения // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. IV. С. 175.

Более быстрые темпы сокращения частной торговли в Сибири по сравнению с СССР объяснялись, во-первых, относительно малой экономической мощностью местных частных торговых фирм; во-вторых, прямой зависимостью большинства из них от частной оптовой торговли европейской территории, ликвидация которой означала прекращение поступлений товаров местным розничникам и их разорение; и, наконец, сильными позициями сибирской кооперации, занимавшей 35% всего товарооборота (20% в СССР)¹ и упорно ведущей борьбу с частным капиталом за потребителя.

Согласно партийным директивам, усилия местных хозяйственников были направлены прежде всего на уничтожение частных оптовых предприятий, которые оказались под особо пристальным и пристрастным контролем налоговых организаций. Совместные усилия всех государственных структур привели к удалению многих крупных фирм с рынка. В Барнауле, например, в 1924 г. прекратили свое существование имевшиеся здесь 2 оптовые фирмы: «Торгово-промышленная артель» и торговое дело Грушкова. Их владельцы были арестованы, а имущество продано вследствие невыполнения договоров по поставкам. Владелец третьего оптового предприятия – Гаврилов – успел быстро свернуть свои дела и, не выполнив налоговых обязательств и не уплатив кредиторам, скрылся в неизвестном направлении². Тем самым с оптовым частным капиталом в городах губернии было покончено. Аналогичная картина складывалась в других городах Сибири. Число частных оптовых предприятий в городах и городских поселениях Томской губернии сократилось в течение 1923/24 г. с 23 до 3, доля участия городской оптовой частной торговли в общем товарообороте губернии составила около 4%³. В одном из июньских номеров 1924 г. газеты «Советская Сибирь» сообщалось, что в Иркутске «вся частная оптовая торговля ликвидировалась»⁴. В Красноярске в течение 1923/24 г. было закрыто 5 оптовых частных фирм. Часть их владельцев, обманув своих кредиторов, скрылась, двое были арестованы за неуплату налогов⁵. К лету 1924 г., как писала газета «Известия», в Красноярске осталась лишь одна оптовая частная торговая фирма⁶. И даже в городах Омской губернии, где позиции частного капитала были значительно прочнее, чем в

¹ Советская Сибирь. 1925. 9 янв.

² ЦХАФАК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 67. Л. 38-38об.; ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 202. Л. 55.

³ ГАТО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 158. Л. 95-96; Ф. 17 П. Оп. 1. Д. 391. Л. 19; Ф. 17. Оп. 1. Д. 1066. Л. 17, 36об.

⁴ Советская Сибирь. 1924. 14 июня.

⁵ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 202. Л. 65.

⁶ Известия. 1924. 24 июня.

других губерниях Сибири, а удельный вес в первой половине 1923/24 г. превышал соответствующий по СССР, в первой половине 1924/25 г. произошло сокращение частных оптовых предприятий более, чем в два раза по сравнению с первым полугодием 1923/24 г., хотя его участие в оптовой торговле продолжало оставаться значительным и выразилось в 25% оборота¹.

Однако в целом нельзя сказать, что оптовые предприятия в результате проводимого государством наступления на частный капитал пострадали больше, чем розничные. Напротив, темпы и масштабы их разорения оказались меньшими, чем торговцев 1 и 2 разрядов (см. табл. 4.4).

К такому неутешительному для них выводу пришли местные органы власти, проведя соответствующее обследование. В результате репрессивных мер в отношении частного капитала пострадали преимущественно мелкие торговцы, многие из которых продолжали торговую деятельность только в силу того, что как «спекулянты» они лишены были возможности найти себе другую работу. Ведя полунищенское существование, под давлением налогов и других платежей в каждую минуту они могли пополнить ряды безработных, в то время, как крупные частные фирмы оставались «на плаву».

¹ ГАОО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 370. Л. 238; Ф. 1337. Оп. 1. Д. 20. Л. 17об.

Таблица 4.4

Сокращение численности частных предприятий
Сибири по разрядам торговли в 1922/23-1923/24 гг.*
(по материалам выборочного обследования)

Раз- ряд тор- говли	II полугодие 1922/23 г.		I полугодие 1923/24 г.		II полугодие 1923/24 г.	
	кол-во предпр.	в %	кол-во предпр.	в % к II полуг. 1922/23г.	кол-во предпр.	в % к II по- луг. 1922/23 г.
1	2755	100	813	29,5	1234	45
2	5402	100	3344	62	4371	65
3	2941	100	2357	80	2124	72
4	287	100	225	78	184	63
5	69	100	54	78	62	90

* Самсонов В. Торговля и промышленность Сибири // Жизнь Сибири. 1925. №2. С. 49.

В материалах комиссии наркомфина также констатировалось, что в провинции опт более устойчив, так как в основном базируется на сельскохозяйственных товарах. Уходя туда корнями, утверждалось комиссией, частный опт на периферии был меньше зависим от административных мер¹. Однако дело заключалось не только в тесной связи оптовых предприятий на периферии, в частности, в Сибири, с местными богатейшими источниками сырья, но и еще с целым рядом обстоятельств. Многолетний мировой опыт предпринимательской деятельности свидетельствует, что в условиях нарастания кризисных явлений прежде всего страдают мелкие фирмы, не имеющие достаточных средств для маневра. Крупные же предприятия, возглавляемые, как правило, довольно опытными предпринимателями, умело преодолевают возникающие проблемы. Так произошло и в рассматриваемый период.

Используя существенную разницу между оптовыми и розничными ценами (по данным ВСНХ, на 1 апреля она составляла в среднем 38%²), именно частные оптовики имели возможность получить существенную прибыль, поскольку, являясь основными поставщиками товаров частным розничникам, могли диктовать им отпускные цены. Показательной в этом отношении является динамика торговых оборотов частной торговли за период 1923/24-1924/25 гг. (см. табл. 4.5). В течение 1923/24 г. обороты частной торговли, как видно из таблицы, не только не уменьшились, а возросли на 16%. Причем это отнюдь не было лишь специфическим, «провинциальным» явлением.

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 674. Л. 460б.

² Народное хозяйство СССР. Вып. IV. ... С. 483.

Обороты общесоюзной частной торговли в первой половине 1923/24 г. по сравнению с предыдущим годом возросли на 31,7%¹. Во многом это увеличение произошло в силу ряда перераспределений и движений внутри частного сектора торговли и изменения его внутренней структуры.

Таблица 4.5

Динамика оборотов сибирской частной торговли в 1923/24 -1924/25 гг.*

(по налоговым данным)

Периоды	Оборот	
	в тыс. руб.	в % к общ. обороту
I полугодие 1923/24 г.	48449	68,6
II полугодие 1923/24 г.	57639	67,9
I полугодие 1924/25 г.	41544	48,3
II полугодие 1924/25 г.	34737	41,9

*ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 16об.

Как следует из результатов исследований частного капитала, проведенных в середине 1920-х гг. институтом финансово-экономических исследований при наркомате финансов СССР, в первой половине 1923/24 г. произошло, с одной стороны, укрупнение частных предприятий в центральных регионах страны, с другой – начались процессы децентрализации капитала: устремление его на периферию². И действительно, при общем сокращении числа торговых предприятий в Сибири в первой половине 1923/24 г. по сравнению с предыдущим полугодием на 34,5% произошел рост частноторгового оборота в регионе. Рост оборотов при сокращении численности предприятий означал их укрупнение, что свидетельствовало как о распространении процесса укрупнения частнокапиталистических предприятий на периферию, так и подтверждало вывод о частичном устремлении сюда частного капитала из центральных регионов.

Владельцы оптовых фирм, преимущественно люди с достаточным торговым опытом, пытаясь обойти устраиваемые государством препоны в товарном снабжении, нанимали отряды безработных с целью скупки товаров для своих предприятий через государственную розничную торговлю. Все это свидетельствовало об относительной стабильности оптового сектора в торговле по сравнению с розничным, представители которого в условиях кризиса

¹ СССР. Год работы правительства: Материалы к отчету за 1924/25 бюдж. г. М., 1926. С. 367.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 195. Л. 117.

са сбыта вынуждены были объявлять льготные недели со сверхскидками в ценах на промышленные товары¹, торговать с убытком для себя. Их ограниченные возможности не позволяли им справиться с усилением налогообложения, сжатием кредитования и другими трудностями, вызывали массовое разорение. Продолжавшие же работать розничные предприятия повсеместно начали объединяться в торговые товарищества (преимущественно с ограниченной ответственностью), пытаясь тем самым создать новую форму оптовой посреднической организации.

Негативные последствия «нажима» на частный капитал сказались незамедлительно. Главным из них стал увеличивавшийся дефицит товаропроводящей сети. Сбылось предупреждение Чернядьева – одного из выступавших в прениях по докладу Р.И. Эйхе о работе Комвнторга на заседании Сибирского краевого комитета ВКП(б) в сентябре 1924 г.: «Если давишь частный капитал, то готовь замену, а то хлопнешься в лужу»². Да и сам докладчик признавался, что заслуга вытеснения частного капитала принадлежит скорее кредитным организациям, нежели здоровой конкуренции госторговли и кооперации. И дело заключалось не только в том, что кредитные, налоговые и другие хозяйственные организации усердно принялись выполнять партийные директивы по вытеснению частного капитала, не дожидаясь роста государственной торговли и кооперации, а в том, что последние, находясь в рыночных условиях, не выдерживали открытой конкуренции с частным капиталом, несмотря на предоставленные им льготы и привилегии. Так, из 36 разорившихся томских торговцев мясом и рыбой только один ликвидировал свое предприятие в силу конкуренции со стороны рыбной лавки местного губсоюза. Да и то цена на рыбу в лавке была искусственно занижена до 2 коп., что составляло около 30% ее себестоимости³.

Развитие государственной торговли и кооперации оказалось недостаточным при столь быстром сокращении частноторгового аппарата. В первом полугодии 1923/24 г. по сравнению со вторым полугодием 1922/23 г. в Сибири произошло общее сокращение торговой сети примерно на 26%⁴. Это означало, что рост государственной и кооперативной торговли не смог компенсировать сокращения частной торговой сети. И это при том, что к осени 1923 г. размер общего товарооборота в Сибири составлял лишь 60% довоенного, а «наличность предприятий, – как было сказано на сибирском краевом совещании представителей губвнторгов и товарных бирж, проходившем в ноябре 1924 г., – 40% по количеству и 25% по качеству»⁵. По свидетельству корреспондента выходящего в Праге эсеровского издания «Революционная Россия», в Томской губернии и г. Томске весной 1924 г. «торговля находилась в самом стесненном состоянии. ... Теперь устанавливают твердые цены на все

¹ Экономическая жизнь. 1923. 26 мая; Торгово-промышленная газета. 1924. 13 апр. и др.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1028. Л. 14об.

³ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 202. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 259. Л. 69.

⁵ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

предметы продовольствия, даже на привозимые из деревень, и это в свою очередь влечет к сокращению подвоза»¹. На состоявшемся в 1924 г. в Новониколаевске совещании красных директоров была высказана серьезная озабоченность по поводу образования «бреши» в розничной торговле. Как сказал один из выступавших, «ничего, кроме скандала, не получилось»².

На городских рынках начал возрождаться натуральный товарообмен. Общественное бойкотирование частных торговцев, начавшееся, как писала «Советская Сибирь», «под звуки радостных литавров»³, столкнулось с пустыми полками кооперативных магазинов. Признав свое поражение, бойкотировавшие зачастую опять оказывались в частной лавочке, безнадежно разводя руками: «Хотели бить, а сами биты».

Расширилась практика перепродаж кооперацией закупленных ею у государства товаров частным лицам. По неполным данным, в 1923/24 г. около 13% закупленных у государственной промышленности кооперацией товаров было перепродано частникам. Перепродажей занимались и местные торги. По материалам наркомторга, отпуск товаров частникам системой местных торгов непрерывно увеличивался в течение 1924/25 г. и достиг к четвертому кварталу 22%⁴. Это, безусловно, резко отрицательно сказалось на ценообразовании розничного рынка.

Насильственное, не оправданное реальной обстановкой устранение частного капитала как одного из звеньев товарооборота при форсированном росте государственной торговли вызвало перелив промышленного капитала в товарооборот государственной торговли, что противоречило обострившимся потребностям промышленности в оборотном капитале, могло повлечь за собой усиленный нажим в промышленности на банковскую эмиссию и, следовательно, усиление инфляционных процессов в народном хозяйстве.

Предприниматели, изгнанные из сферы легальной торговли и сумевшие сохранить часть своих средств, как сообщала «Торгово-промышленная газета», пытались переправить их за границу либо вложить в валютные, сырьевые операции, в меньшей степени – в промышленность и сельскую торговлю⁵. В СССР число выбранных патентов на занятие частным предпринимательством в области промышленного производства в течение 1923/24 г. увеличилось на 23,6%, в Сибири – на 10,9%⁶. Показательным примером в этом отношении может служить Новониколаевская губерния, где число част-

¹ Томский С. Томская губерния (Общее положение населения и внешний облик губернии и города) // Революционная Россия. 1924. №37/38. С. 18.

² Советская Сибирь. 1924. 29 окт.

³ Там же. 13 июня.

⁴ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 9. Л. 43.

⁵ Торгово-промышленная газета. 1924. 21 нояб.

⁶ Горощков Ю. К вопросу о частном капитале в промышленности // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. IV. С. 189-190; ГАНО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 39. Л. 17.

ных промышленных предприятий возросло за указанный период с 196 до 309¹.

Наибольшую опасность с точки зрения государственных структур представляло сосредоточение внимания частных предпринимателей на заготовках хлеба, масла, кож и пушнины. По выражению Р.И. Эйхе, «в некоторых районах частный заготовитель бьет государственных и кооперативных заготовителей»: в одном из районов Омского округа, например, в сентябре 1924 г. частные фирмы заготовили 70 вагонов пшеницы, а государственные и кооперативные вместе – 55 вагонов². Из 23 тыс. пудов поступившего с 2 по 10 декабря 1924 г. на Ново-Омский рынок хлеба 20 тыс. пудов было закуплено частными заготовителями, и только 3 тыс. пудов – государственными. По сведениям экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Сибири, подобная обстановка складывалась и на других важных хлебозаготовительных пунктах Сибири³.

Попытка Сибирского крайкома РКП(б) ограничить частные перевозки хлеба путем установления запретов на предоставление вагонов предпринимателям натолкнулась на сопротивление местных руководителей. Так, председатель Омского губисполкома Х.Д. Грансберг заявил, что запрещение перевозок хлеба частных заготовителей было отменено еще в 1922 г., и он не намерен возвращаться к этим запретам вновь. Осенью 1924 г. в Омской губернии частные заготовки хлеба составили 40% общей губернской заготовки⁴. В целом же по Сибири доля участия частных заготовителей в хлебозаготовках составила в 1923/24 г. около 20% от заготовок госорганов и кооперации⁵.

Начало хлебозаготовительной кампании 1924/25 г. ознаменовалось еще большей, чем в прошедшем году активностью частных скупщиков хлеба: уплачивая крестьянам на 5-10 коп., в редких случаях на 12-15 коп. за пуд больше, чем государственные заготовители, предприниматели фактически вытесняли государственные структуры с заготовительного рынка. Для того, чтобы предотвратить срыв государственных хлебозаготовок, Сибревком с помощью отделов ГПУ провел беспрецедентную акцию: крупные частные хлебозаготовители были арестованы, хотя, как говорилось в объяснительной записке Сибревкома Председателю СНК А.И. Рыкову, «формально эти аресты были произведены под другими предлогами вне связи их с хлебозаготовками»⁶. Среди арестованных были действовавшие на территории Енисейской губернии крупные скупщики хлеба Манусович, Бронштейн, Томской губер-

¹ Ботвиник Е. Торговля в 1923/24 г. и ближайшие задачи // Жизнь Сибири. 1924. №7/9. С. 60.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1030. Л. 46.

³ Ильных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1924/25 г.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка. Приложение 4 // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. Сер.: Отечественная история. №2. С. 70.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1028. Л. 90; Оп. 67. Д. 197. Л. 33.

⁵ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 202. Л. 82.

⁶ Ильных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1924/25 г. ... Приложение 3. С. 69.

нии – Миненко, Трофимов, Алтайской губернии – Гужавин, Омской губернии – Кондаков, Иванов, Емельянов, Новониколаевской губернии – Афанасьев, Ципес, Артемьев, Коршунов, Кремнев, Тикун¹.

Однако эти меры имели лишь временный эффект: убрали конкретные частные хлебозаготовительные фирмы с рынка. Им на смену пришли не менее крупные частные скупщики, но действовавшие уже под прикрытием и по доверенностям государственных и кооперативных организаций.

Еще более тревожная для государственных структур картина складывалась в области заготовок масла. Бывали случаи, как, например, летом 1924/25 г. в Омске, когда частные заготовители снимали с рынка до 75% поступившего на него масла самого лучшего качества. Наиболее активно на маслозаготовительном рынке проявляли себя «Западно-Сибирское товарищество» братьев Сергеевых, товарищество «Братья Севастьяновы», фирма Воробьевой, товарищество «Масло» (Слободчиков и К^о). Эти частные фирмы имели разветвленный заготовительный аппарат и налаженные связи по реализации сибирского масла на европейских рынках – в Ленинграде, Иваново-Вознесенске, Ижевске². Попытки ввести запреты на прием государственными торговыми организациями масла от частных заготовителей, предпринятые в ряде губерний под влиянием коммунистических фракций местных губисполкомов³, привели лишь к временному результату.

С целью вытеснения частных предпринимателей с кожезаготовительного рынка местными внуторганами были предприняты попытки запретить заготовки и вывоз кожсырья. Однако местные заготовители направили жалобы в наркомвнуторг, который своим циркуляром предложил местным руководителям отменить все изданные на этот счет запретительные распоряжения⁴.

Тенденция «ухода» частного капитала из сфер, относительно легко поддававшихся государственному контролю, продолжала нарастать.

Итак, видимый успех наступательной кампании против частного капитала, предпринятой государством в 1923/24 г. – первой половине 1924/25 г.: сокращение численности частной торговой сети и создание общего климата неприятия частнопредпринимательской деятельности – оказался нивелирован негативными экономическими последствиями этой кампании и усилением спекулятивных тенденций внутри частнокапиталистического сектора.

4.2. «РАСЦВЕТ» ЧАСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

К весне 1924/25 г. негативные последствия поспешного вытеснения частного капитала из экономики стали очевидны. Помимо видимых проблем дефицита торговой сети и дезорганизации легальной деятельности частного капитала в целом обнаружился острый недостаток денежных средств госу-

¹ Там же. Приложение 4. С. 71-72.

² Ильиных В.А. «Масляная война» 1923-1928 гг. в Сибири... С. 88-91.

³ ГАНО. Ф. 878. Оп. 2. Д. 120. Л. 65.

⁴ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 2. Д. 57. Л. 12.

дарственной промышленности, потребность в которых возрастала по мере восстановительного процесса.

Ряд ученых-экономистов, занимавшихся вопросами исследования частного капитала при наркоматах, на основе анализа практики вытеснения частного капитала 1924 г. пришли к выводу о необходимости изменения жесткого по отношению к частному предпринимательству курса. Обстановка малой терпимости, создававшаяся вокруг работы частного капитала в 1924 г., вынудила его пребывать в состоянии полной неустойчивости, незнания фактических границ своих легальных возможностей, неизвестности сколь угодно твердых перспектив дальнейшего существования. Это порождало деградиционные процессы в частной торговле, толкало ее на путь спекуляции, стремления к максимальной наживе. Между тем, активное использование частного капитала в дальнейшем, как говорилось в конце 1924 г. на совместном заседании секции экономической политики и финансового совета по делам промышленности и торговли наркомата финансов, могло стать действенным фактором ослабления напряженности оборотного капитала крупной промышленности, с вытекавшим отсюда ослаблением требований последней к банковскому капиталу и более широкими возможностями собственного развертывания производства, увязки между собой и общего оживления тех производственных элементов народного хозяйства, развитие которых требует наличия торгового капитала, способного взять на себя функции организатора сбыта продуктов их производства и даже финансирования этого производства. При этом подчеркивалось, что ожидать от частного капитала необходимого народнохозяйственного эффекта можно только в условиях минимума определенных гарантий и правовых норм его существования¹.

Новая торговая практика, применяемая правительством в первой половине 1924/25 г. для обеспечения перелива денежных средств из торговли в промышленность, суть которой сводилась к еще большему сжатию кредитования торгового сектора, всемерной поддержке «здоровых» кооперативов и привлечению вновь частного капитала в экономику², дала лишь частичные результаты. Без кредитования частнопредпринимательской деятельности, смягчения ее налогового обложения и учета векселей частных лиц, как говорилось на расширенном заседании президиума Совета съездов биржевой торговли 28 апреля 1925 г., не приходилось ожидать полнокровной работы частного капитала³. Частные предприниматели, со своей стороны, на многочисленных собраниях и совещаниях, обеспокоенные собственным будущим, которое благодаря государственной политике виделось все более безрадостным и удручающим, разрабатывали предложения для нормализации взаимоотношений с государством. Отчаявшиеся торговцы даже нашли возможность об-

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 195. Л. 129об.-130.

² Новая торговая практика (к характеристике внутренней торговли в первой половине 1924/25 г.): По материалам Совета съездов биржевой торговли / Под ред. Я.М. Гольберта. М., 1925. С. 4.

³ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 38. Л. 38, 75.

ратиться в редакцию одного из ведущих периодических изданий – «Торгово-промышленную газету». Главные причины своего бедственного положения они видели в понижении цен в связи с денежной реформой, прекращении денежного и товарного кредитования, высоких налогах. «Но все это еще можно было бы пережить, – писали они. – Принудительный ассортимент – страшнее всяких налогов. Именно он подорвал жизнь наших предприятий»¹. Абсолютно необходимыми условиями для продолжения своей деятельности предприниматели считали: уравнивание частной торговли с кооперацией как в отношении ассортимента товаров, отпускаемых госорганами, так и в отношении отпускных цен, сроков и условий товарного кредита; предоставление полной свободы выбора торговцам ассортимента закупаемых ими в госторгах товаров; увеличение сроков денежного кредитования частных промышленных предприятий минимум до 2 месяцев; введение беспрепятственного учета в банках векселей частных фирм; увеличение кредитных лимитов обществам взаимного кредита и открытие кредитования государственными банками отдельных наиболее солидных частных предприятий; снижение учетного процента до 1,5% в месяц и до 12% в год². По сути дела, эти предложения сводились к признанию на государственном уровне полезной частнопредпринимательской деятельности и созданию минимально приемлемых условий для ее продолжения.

Мнения экономистов и, отчасти, предложения представителей «новой» буржуазии были учтены при выработке в дальнейшем государственной политики в отношении частного капитала. В резолюции III съезда Советов по докладу народного комиссара финансов указывалось, что в отношении частной торговли налоги должны применяться так, чтобы не приводить к сокращению товарооборота³. XIV конференцией РКП(б) было признано, что «кооперативная и государственная торговля не может полностью обслужить возрастающего товарооборота в стране, в силу чего в области торговли остается значительное место для участия частного капитала»⁴. В беседе с представителями печати в апреле 1925 г. председатель Совнаркома А.И. Рыков особо подчеркнул, что частная торговля на протяжении ряда лет должна будет занимать значительное место в товарообороте, поэтому недопустимо чинить препятствия ее развитию⁵. Точку зрения партийного руководства на перспективы использования частного капитала выразил Н.И. Бухарин, призывавший преодолевать частное предпринимательство «без звона металлического оружия» и «без ориентации на какую-то третью революцию», «не путем разгрома лавок в Москве и провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государствен-

¹ Торгово-промышленная газета. 1925. 28 февр.

² ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 81. Л. 7-10.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. ... Т. 1. С. 483.

⁴ XIV конференция РКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 289.

⁵ Торгово-промышленная газета. 1925. 14 апр.

ных организаций»¹. Будучи не только политическим деятелем, но и экономистом, Н.И. Бухарин видел смысл использования частного капитала в природе «материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой – от налоговых поступлений»². Считая использование частного капитала, согласно общей политической доктрине государства, новой формой классовой борьбы, Бухарин вместе с тем подчеркивал, что благодаря ей «мы не только не проигрываем, а, наоборот, мы в громадной степени выигрываем, потому что в гораздо большей степени усиливаемся на почве всеобщего роста благосостояния»³. В работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» он сформулировал суть отношения государства к частному капиталу применительно к 1924/25 г.: «ограничение, использование, конкуренция»⁴. Итак, практиковавшаяся в 1923/24 г. политика вытеснения частного капитала из экономики должна была быть заменена политикой его ограниченного использования.

Перспективы дальнейшего использования частного капитала связывались с необходимостью устранения административного нажима на него по линии налоговой и арендной политики, налаживанием устойчивых отношений с частным капиталом вообще, опиравшихся на регулярное снабжение частной торговли товарами и необходимыми кредитами. В ходе обсуждения вопросов, связанных с частным капиталом, в отделе торговли наркомата финансов высказывались суждения о необходимости использования в торговых операциях госпромышленности частного оптовика, способного не только продвинуть товар в низы товарооборота, но и облегчить промышленности задачу питания оборота средствами, привлекая в него свой капитал⁵. Было признано необходимым коренное преобразование кредитной политики банков в целях кредитования частного оборота. В постановлении совещания при управлении торговой политики наркомвнutorга СССР по вопросу о кредитовании частного капитала, проходившего 19 марта 1925 г., указывалось, что частноторговому капиталу должен оказываться товарный и денежный кредит, сроки и размеры которого не должны резко расходиться с условиями кредитования госторговли и кооперации⁶. Намечалось также уменьшить налоговый пресс на частное предпринимательство, облегчить получение товаров частной торговлей.

В связи с директивами XIV партийной конференции РКП(б) и III Всесоюзного съезда Советов губвнutorгами Сибири был предпринят ряд мер к

¹ Бухарин Н.И. 1) Ленин как марксист. ... С. 79; 2) Путь к социализму... С. 165-166; 3) Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б) // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 239.

² Бухарин Н.И. Путь к социализму... С. 188.

³ Там же. С. 189.

⁴ Бухарин Н.И. Путь к социализму... С. 200.

⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7001. Л. 79об.; Оп. 4. Д. 676. Л. 46об.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1204. Л. 13об.

урегулированию отношений с частным капиталом. Совещание при Сибкрайвнутрирге по вопросам торговой политики, состоявшееся в декабре 1924 г., приняв резолюцию о необходимости усиления товарооборота за счет расширения в нем роли частного капитала, рекомендовало увеличить кредитование частной торговли¹. В начале 1925 г. было отменено принудительное размещение государственных займов, предоставлены некоторые льготы по взиманию с частных предпринимателей арендной платы за помещения, понижены размеры обложения частных предпринимателей со стороны губфинотделов. В основе последнего лежал пересмотр норм доходности частнокапиталистических предприятий. По некоторым видам товаров они были снижены во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием почти в два раза². Это должно было дать понижение процента изъятия из суммы дохода для частных торговых и промышленных предприятий 1-2 разрядов – на 2,5%, для 3-4 разрядов – на 1,7%, для 4-5 разрядов в торговле и 5-12 разрядов в промышленности – на 6,4%³. Однако централизованное снижение норм доходности оказалось недостаточным. Проведя кропотливую работу по изучению действительной доходности частных предприятий путем обследования заслуживавших доверие торговых книг и условий деятельности отдельных типичных частных предприятий, Иркутский биржевой комитет, например, пришел к выводу о том, что местный губфинотдел существенно превысил нормы доходности практически по всем видам частнопредпринимательской деятельности (см. табл. 4.6). Причем в некоторых случаях, как видно из приводимых в таблице данных, процент прибыльности был завышен по сравнению с выявленным биржевым комитетом на 300%.

Таблица 4.6

Нормы доходности

частных предприятий Иркутской губернии в 1924/25 г.*

(по данным налоговой комиссии и биржевого комитета)

Номенклатура товаров частной торговли	Нормы доходности, установленные		
	налог. комис. на II пол. 1924/25 г.	бирж. комитетом на I пол. 1925/26 г.	налог. комис. на II пол. 1925/26 г.
Продов. товары первой необход.	12	7	20
Мясо	11	7	23
Рыба	12	7	23
Бакалея	18	15	20

¹ Советская Сибирь. 1925. 1 янв.

² ГАТО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 1422. Л. 52об., 53.

³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 440. Л. 186.

Номенклатура товаров частной торговли	Нормы доходности, установленные		
	налог. комис. на II пол. 1924/25 г.	бирж. комитетом на I пол. 1925/26 г.	налог. комис. на II пол. 1925/26 г.
Мануфактура	10	8	15
Галантерея	25	20	30
Обувь	15	12	18
Москательные товары	25	18	25
Конфеты и кондитерские товары	20	15	20
Мыло	12	8	15
В среднем по всей группе товаров	16	11,7	20,9

* Сост. по: ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 111. Л. 227-228.

Искусственное завышение процентов прибыльности предприятий, имевшее распространение и в других сибирских губерниях, вело к искусственному завышению налоговых выплат. Трудно сказать, были ли эти меры проявлением «злоумышленности» налоговых организаций, их неприязни к частному сектору или являлись отражением общей тенденции инерционного следования недавно проводимой кампании по «удушению частника». Так или иначе, но наряду с громогласными заявлениями о примирении, или, скорее, о перемирии с частным капиталом на практике отношения налоговых инспекторов с частными предпринимателями во многом продолжали строиться на прежней основе.

Наркомат финансов вынужден был обратиться к местным финотделам с критикой стремлений местных фининспекторов «побольше обложить», невзирая на то, что этот «большой оклад, произведенный на глаз, – говорилось в письме наркомфина, – в конце концов делался небольшим ввиду образовавшейся безнадежной к поступлению недоимки»¹. В апреле 1925 г. в Новониколаевске приступила к работе особая комиссия «по выработке мероприятий и установлению принципов обложения частной торговли», состоявшая из представителей губнупотргов, сибирских отделений Госбанка, госторгов, кооперации, губернских отделов местного хозяйства. Признав факт переобложения частного капитала в 1923/24 г., комиссия рекомендовала местным налоговым органам обратить особое внимание на точность определения оборотов частных предприятий, подвергавшихся налоговому обложению. Для этого было признано необходимым вместо нормативного метода исчисления налогов применять индивидуальный, в обязательном порядке используя для

¹ ГАКК. Ф. 1133. Оп.1. Д. 18. Л. 39.

этого торговые книги¹. В соответствии с письмом наркомфина и рекомендациями сибирской комиссии налоговые управления губфинотделов Сибири предложили своим инспекторам проводить возможно более тщательное исчисление налогов, не допуская ни переобложения, ни недообложения².

Инерционность мышления местных налоговых служб препятствовала реализации новых принципов взимания налогов. Как выразились красноярские торговцы в своем письме биржевому комитету 1 августа 1925 г., не смотря на провозглашение «более или менее новой торговой политики» правительства в отношении частного капитала, прекращения налогового ущемления и изъятия из практики административного «нажима» на частный капитал, местная фининспектура продолжала «небрежно относиться к определению ставок налогов»³. Результатом этого стал растущий поток жалоб от предпринимателей на незаконное налоговое переобложение. Только в первом квартале 1925/26 г. из 1740 жалоб, поданных в окружные налоговые комиссии Сибири на неправильное исчисление подоходного налога, 1286, или 73,9%, после дополнительной проверки были удовлетворены. По промысловому налогу было удовлетворено также больше половины рассмотренных за этот период жалоб. Особенно в этом отношении отличились Бийский округ, где процент удовлетворенных жалоб по подоходному налогу составил 93,4%, и Томский округ, где было удовлетворено 85,4% жалоб по промысловому налогу⁴. Допускаемый же процент положительного обжалования определенных инспекторами сумм налоговых выплат, согласно правилам фиска, не должен был превышать 3%. Эти факты свидетельствовали о продолжении практики обложения «на глазок», причины которой крылись как в тенденции фининспектуры, так, отчасти, и в ее низкой квалификации.

Один из выходов из складывавшейся таким образом ситуации, как для сотрудников налоговых служб, так и для предпринимателей, состоял в более пристальном внимании к торговым книгам. Однако попытки предпринимателей каким-то образом унифицировать торговые книги не нашли отклика у представителей налоговых органов. Так, иркутские фининспекторы, предъявляя самые разнообразные, иногда противоречившие друг другу, требования к ведению торговых книг, зачастую признавали эти книги не годными для определения оборотов предприятий, даже не вникая в их содержание. В то же время некоторые торговцы 3 разряда не обладали достаточной подготовкой для грамотного ведения финансовой документации. Это послужило поводом обращения Иркутского биржевого комитета в местный губфинотдел с просьбой составить исчерпывающую инструкцию для частных предпринимателей по ведению торговых книг согласно требованиям финорганов. Иркутский губфинотдел не только отказал в этой просьбе, но и заметил, что составление

¹ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 294. Л. 34-34об.

² ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-2об.; ГАОО. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 20. Л. 66; ГАТО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 1422. Л. 52об.-53; и др.

³ ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 119.

⁴ Там же. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 109. Л. 327-327об., 332-333.

исчерпывающей инструкции по ведению торговых книг оказывается затруднительным даже для центра, а в условиях иркутской действительности эта работа или будет исполнена слишком поверхностно, или примет затяжной характер¹. Тем самым отсутствие взаимной договоренности о жестких правилах ведения торговых книг продолжало тормозить адекватное оборотам частных предприятий исчисление налогов.

Для предпринимателей остался один способ борьбы за выживание: сокрытие действительных оборотов своих предприятий. В обстановке общей благоприятной экономической конъюнктуры и либерализации государственной политики в отношении частного капитала сокращение оборотов частных предприятий по итогам обложения за второе полугодие 1924/25 г., отмеченное, в частности, Омским и Енисейским финотделами, а вслед за ними – и уполномоченным наркомфина по Сибири, выглядело по меньшей мере странным, тем более, что данные других наркоматов и организаций – наркомата внутренней торговли, ГПУ, транспорта, товарных бирж, банков и пр. – свидетельствовали о значительном оживлении частнопредпринимательской деятельности². Сокрытию оборотов налоговые комиссии пытались противопоставить более тщательный и разносторонний сбор информации о деятельности частных предприятий, обращаясь за сведениями в государственные оптовые организации, транспортные конторы, на биржи и даже к соседям.

Следует заметить, что практика ухода от налогов не является характерной лишь для сибирских и российских предприятий 1920-х гг. Она существовала и будет существовать до тех пор, пока будут функционировать частные предприятия и налоговые службы. Другое дело, что в рассматриваемый период об этом впервые заговорили открыто представители налоговых органов, которые теперь, во второй половине 1924/25 г., в отличие от предшествовавших полутора лет, вместо конфискационной налоговой политики стремились законным путем, с помощью сбора разнообразной информации, адекватно действительности оценить обороты частной торговли и промышленности.

В целом же налоговый пресс в отношении частных предпринимателей продолжал оставаться весьма ощутимым. Являясь довольно малочисленной социальной группой в общем составе населения, предприниматели обеспечивали немногим меньше половины всех налоговых поступлений в бюджет³. В особенно сложном положении продолжали оставаться частные торговые товарищества, обложение которых подоходным налогом было на 10% выше, чем государственных и кооперативных предприятий⁴, и частные промышленные предприятия, облагаемые налогами на равных основаниях с торговыми заведениями, в то время как оборачиваемость капиталов в них была

¹ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 109. Л. 87; Д. 111. Л. 207, 208.

² ГАОО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 20. Л. 17-19об.; ГАКК. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 18. Л. 62-64.

³ Гензель П.П. Прямые налоги: очерк теории и практики. Л., 1927. С. 106.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6987. Л. 245.

несравнимо медленнее, чем в торговых, а расходы на обеспечение производственного цикла – выше.

Незначительные изменения произошли и в кредитовании частнопредпринимательского сектора. В соответствии с курсом на благоприятствование вовлечению частного капитала в оборот государственные банки в 1924/25 г. предусмотрели рост кредитования частной клиентуры. Ее задолженность банкам СССР возросла во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием с 19,1 до 52,1 млн. руб., то есть в 2,7 раза. Возросла и сумма кредитов, предоставленных государственными банками обществам взаимного кредита, объединявшим частный капитал и финансировавшим частный бизнес. Задолженность ОВК возросла по стране за этот же период с 5,2 до 13,6 млн руб., то есть в 2,6 раза. Однако доля частной клиентуры по отношению к общей сумме учетно-ссудных операций государственных и акционерных банков не превышала 3,2% даже в самый благоприятный для частного капитала период – второе полугодие 1924/25 г.¹

Усиление денежного кредитования частного капитала в Сибири имело более скромные масштабы и шло преимущественно за счет увеличения кредитования ОВК местными отделениями Госбанка. Вексельные операции Промбанка с частными фирмами Сибири выросли с 146 тыс. руб. в 1923/24 г. до 202 тыс. руб. в 1924/25 г.², то есть всего на 27,7%. Учитывая, что максимальная задолженность одного частного предприятия по системе Промбанка составляла в 1924/25 г. 4 тыс. руб. по промышленности и 111 тыс. – по торговле, становится очевидным более чем скромный охват сибирских бизнесменов кредитной системой государства. Условия денежного кредита для частных предпринимателей оставались более жесткими, чем для кооперативных и государственных организаций. Предельный срок кредита ограничивался 3 месяцами, а годовой процент составлял, как правило, 16-18% в отличие от 8-10% у кооперации и государственных предприятий³.

Помимо усиления денежного кредитования предусматривалась либерализация и товарного кредитования частного сектора. Сибкрайвнуторг рекомендовал госторгам предусмотреть некоторое общее смягчение условий отпуска частной рознице основных товаров. Имелось в виду уменьшение надбавок на отпускные цены, уменьшение задатков наличными, удлинение товарного кредита⁴. Однако на практике во взаимоотношениях госторгов и частных торговцев мало что изменилось. Согласно данным сибирских бирж, продажа товаров в кредит частным лицам, хоть и увеличилась во второй половине 1924/25 г. по сравнению с первой половиной года в 2,5 раза, но про-

¹ Сокольский А. Банковское кредитование частной торговли // Частная торговля Союза ССР. ... С. 98, 99; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6987. Л. 247; Оп. 4. Д. 675. Л. 61.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 22об.

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 36. Л. 6; ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 63. Л. 335об.

⁴ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 6. Л. 255-255об.

должала составлять лишь 11% от общих покупок предпринимателей¹. Преобладающими по-прежнему оставались наличные и смешанные формы расчета.

Внебиржевое товарное кредитование частной торговли общественным сектором – синдикатами, трестами, акционерными обществами, госторгами, – несмотря на некоторое абсолютное увеличение, оставалось в процентном отношении в 2 с лишним раза меньшим, чем товарное кредитование общественным сектором кооперации, а условия его – более тяжелыми, чем у последней. Кооперативная розница при приобретении товара у государственных оптовых организаций платила наличными в среднем 39%, а частные розничники – 67%². Сохранялись проблемы и в товарном снабжении частной розницы в целом. Несмотря на небольшое увеличение отпуска ей товаров местными госторгами – с 7,4 млн руб. в первой половине 1924/25 г. до 12,6 млн руб. во второй половине 1924/25 г., приобретения частных торговцев составляли лишь 16,9% к общей сумме продаж государственных организаций³. Исключением являлся лишь Сибторг, оптовые поставки которого частным торговцам составили в 1924/25 г. 33,9%⁴. В практике госторгов продолжали наблюдаться случаи отказа частным оптово-розничным торговцам и промышленникам в отпуске им товаров. Несмотря на запрещение принудительного ассортимента, продолжала практиковаться так называемая нагрузка пользовавшихся повышенным спросом товаров неходовыми. Так, Сибторг при отпуске сукна весной ставил в обязательство покупать бумазю; к скобяным товарам в придачу давал сухие фрукты и неходовые гвозди; к чаю в виде «нагрузки» прилагались дорогие сорта папирос; сухие фрукты давались в качестве приложения к курительной бумаге⁵. Все это препятствовало восстановлению и развитию товарооборота.

Несмотря на лишь частичные изменения в налоговой и кредитной государственной политике, общая атмосфера благоприятствования в отношении частного предпринимательства сказалась на упрочении его положения в экономике в целом. В первую очередь это отразилось на развитии частного сектора в торговле. По Союзу ССР его численность возросла во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием на 12,9% при сохранении на том же уровне удельного веса по отношению к общему числу всех торговых предприятий. Этот рост был особенно заметен среди частных предприятий 3 и 4 разрядов. В 1925/26 г. тенденция увеличения численности частной торговой сети получила продолжение: ее рост составил 20% по сравнению с предыдущим годом⁶. При некотором снижении удельного веса частного тор-

¹ Там же. Д. 175. Л. 29.

² Торгово-промышленная газета. 1926. 16 апр.; Сокольский А. Товарное кредитование частника // Частная торговля Союза ССР. ... С. 120-121.

³ Злобин А. Государственный, кооперативный и частный капитал... С. 14.

⁴ ГАНО. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 390. Л. 39.

⁵ ГАНО. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 56об.

⁶ СССР. Год работы правительства: Материалы к отчету за 1925/26 бюдж. г. ... С. 321, 323-324; Клущанцев И.П. Частная торговая сеть // Частная торговля Союза ССР. ... С. 3.

гово-посреднического оборота в общем товарообороте страны в 1925/26 г. произошел значительный – с 3,6 млрд руб. до 4,9 млрд руб., или на 26,5% – абсолютный рост оборотов частной торговли по сравнению с предыдущим годом¹.

Возрастание как численности частной торговой сети, так и ее оборотов при стабильном удельном весе являлось характерным и для Сибири. В два раза возросла численность частных торговых предприятий в 1925/26 г. по сравнению с предыдущим годом в Барнауле, в 1,7 раза – в Томске и Омске². В целом же в Сибири в течение полутора лет – второй половины 1924/25 г. – 1925/26 г. – произошел рост частнокапиталистических торговых предприятий на 33%³. Особенно быстрыми темпами увеличивалась численность мелких розничных предприятий 2-3 разрядов.

При незначительном уменьшении удельного веса частного посреднического оборота в общем товарообороте региона произошел его абсолютный рост в течение второй половины 1924/25 г. – 1925/26 г. на 39,3% (см. табл. 4.7).

Таблица 4.7

Динамика оборотов сибирской частной торговли в 1924/25 - 1925/26 гг.*

Период	Оборот		Уд. вес част. торговли в общих оборотах
	в тыс. руб.	в % к 1 пол. 1924/25 г.	
I полуг. 1924/25 г.	40890	100	19,5
II полуг. 1924/25 г.	46948	114,8	15,9
I полуг. 1925/26 г.	56669	138,6	13,7
II полуг. 1925/26 г.	55951	139,3	13,2

* Сост. по: ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 175. Л. 12; Д. 259. Л. 18.

Отраслевая специализация сибирской частной торговли определялась как близостью к источникам сырья и преимущественно аграрной специализацией региональной экономики, тесной связью с местной кустарной промышленностью, так и запросами населения. В большей степени здесь была развита торговля сельскохозяйственными пищевыми товарами (хлебом, мукой, мясом, птицей), составлявшая четверть всего оборота частной торговли; торговля текстильно-обувными товарами, занимавшая более 20% частноторгового оборота и почти 90% от общего числа торговых точек этой отрасли

¹ Клушанцев И.П. Частный капитал в общем торговом обороте // Частная торговля Союза ССР. ... С. 19.

² Барнаульский округ в цифрах: Стат. ежегодник-справочник. 1925-1927 гг. Барнаул, 1928. С. 137; ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 785. Л. 66; ГАОО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 394. Л. 11.

³ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 69.

торговли; бакалейная торговля, на долю которой приходилось около 15% частноторгового оборота и более 70% от числа торговых предприятий данной отрасли торговли¹, а также содержание столовых, ресторанов, закусочных, постоянных дворов.

Территориальное распределение частных торговых предприятий в Сибири строилось весьма неравномерно (см. табл. 4.8). Частный торговый аппарат, как видно из таблицы, был более развит как в абсолютных показателях, так и по удельному весу частного сектора в общей численности торговой сети в Омской, Иркутской Новониколаевской губерниях.

Приведенные данные становятся более показательными при сопоставлении числа жителей, обслуживаемых одним торговым предприятием, по губерниям (см. табл. 4.9).

Таблица 4.8

Размещение частной торговой сети на территории Сибири в 1924/25 г.*

Торговые точки	Омская губерния	Алтайская губерния	Новониколаевская губ.	Томская губерния	Енисейская губерния	Иркутская губерния	Ойротия	Всего
В губернских городах	1709	663	1251	768	684	1353	—	6428
В остальной местности	2300	1720	1519	1370	1648	1212	55	9824
ИТОГО	4009	2383	2770	2138	2332	2565	55	16252
В % к общ. числен. частной торг. сети	24,6	14,7	17,0	13,2	14,4	15,8	0,3	100
В % к общ. числен. торг. сети губернии	73,8	64,2	70,5	64,7	70,8	78,2	37,9	70,3

* Сост. по: ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 175. Л. 10, 11.

Таблица 4.9

Охват торгового обслуживания населения по губерниям Сибири в 1924/25 г.*

¹ ГАОО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 394. Л. 37об.-42; ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 40. Л. 119-119об.; Д. 52. Л. 335-338; Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 50об.-51; ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 785. Л. 63-66; Ф. 204. Оп. 1. Д. 750. Л. 31-32; ЦХАФАК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32. Л. 4-9.

Число жит. на 1 торг. предпр.	Омская губ.	Алтайская губ.	Ново-никол. губ.	Томская губ.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Ойротия
В губ. городах	55	64	51	82	76	64	–
В осталь. мест.	456	620	555	448	503	300	607
ВСЕГО	520	684	606	530	579	364	607

* Сост. по: ГАНУ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 175. Л. 10.

Большой удельный вес частной торговли в общей численности торговой сети обнаруживается в губерниях с более развитой торговлей: в Омской, где в среднем на одну торговую точку приходилось 520 жителей, и в Иркутской – 364 жителя на 1 одно торговое предприятие.

В целом же сибирский регион по сравнению с другими, особенно центральными, территориями страны был несравнимо хуже обеспечен торговым обслуживанием. На каждые 10 тысяч сельских жителей здесь приходилось в среднем 5,3 торговых точки, а средний розничный оборот на душу населения в 1925/26 г. здесь составлял 45,5 руб., а по РСФСР – 76,7 руб.¹

Недостаточное развитие сибирской торговли в целом, а также относительно мощные по сравнению с другими регионами позиции здесь кооперации обеспечили меньший удельный вес частной торговли в общей численности сибирской торговой сети по сравнению с общесоюзной. В 1924/25 г. он составил 70,3% в Сибири против 77% в СССР². Внутренняя структура частного торгового сектора в Сибири свидетельствовала, что здесь еще в большей степени, чем в целом по стране, преобладали мелкие и средние предприятия (см. табл. 4.10).

Таблица 4.10

Численность и обороты частных торговых предприятий Сибири и СССР (в %, с разделением на опт и розницу)*

Регион	1924/25 г.		1925/26 г.	
	опт	розница	опт	розница
	Численность			
СССР	2,6	97,4	3,8	96,2
Сибирь	2,2	97,8	3	97

¹ Торговля РСФСР (1925-1928 гг.). М., 1928. С. 374; Стариков А.И. Частный капитал в деревенской торговле // Частная торговля Союза ССР. ... С. 30.

² Иосилевич А.С. Пути развития частного капитала в торговле // Частная торговля Союза ССР. ... С. 159.

Регион	1924/25 г.		1925/26 г.	
	опт	розница	опт	розница
СССР	17,4	82,6	19	81
Сибирь	9,6	90,4	9,4	90,6

* Сост. по: Патентная торговля СССР за 1925/26 г. М., 1928. С. 25; СССР. Год работы правительства: Материалы к отчету за 1925/26 бюдж. г. М., 1927. С. 321, 323-324; Клушанцев И.П. 1) Частная торговая сеть // Частная торговля Союза ССР ... С. 3; 2) Частный капитал в общем торговом обороте // Там же. С. 19; ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 78. Л. 52; Ф. 659. Оп. 1. Д. 175. Л. 4; Д. 259. Л. 8-9, 55.

Масштабы работы сибирских частных предприятий также в среднем уступали общесоюзным: средние размеры оборотов на одно частноторговое предприятие в год в Сибири составляли 5580 руб., а в СССР – 8620 руб.

Сибирская частная торговля занимала более скромное место по сравнению с центральными территориями и в торгово-посреднических оборотах в целом. Даже в период расцвета во второй половине 1924/25 г. ее удельный вес в торговых оборотах региона не превышал 30% в розничной торговле и 3,4% в оптовой, в то время как удельный вес общесоюзной частной торговли составлял 44,8% в рознице и 9,5% в опте¹.

Общее представление о внутренней жизни частной торговли дает характеристика некоторых экономических показателей работы торговых предприятий разных разрядов Красноярска (см. табл. 4.11).

Таблица 4.11

Некоторые экономические показатели работы частных предприятий Красноярска в 1925/26 г. (по разрядам торговли)*

ПОКАЗАТЕЛИ на 1 предприятие	ТОРГОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ		
	1 и 2 разря- дов	3 разряда	4 разряда
Годовой оборот, руб.	2438	18217	42845
Собствен. средства, руб./ %	116 / 58	1790 / 87,7	5274 / 74,3
Привлеченные средства, %	42	12,3	25,7
Из них, %: 1) денеж. кредит:			
а) у частных лиц	33,9	2	4,4
б) в ОВК	–	2	6,8
в) в Госбанке	–	–	2,2

¹ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 8, 121; Клушанцев И.П. Частный капитал в общем торговом обороте // Частная торговля Союза ССР. ... С. 19.

ПОКАЗАТЕЛИ на 1 предприятие	ТОРГОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ		
	1 и 2 разря- дов	3 разряда	4 разряда
2) товарный кредит:			
а) у частных фирм	4,1	2,9	5,7
б) у гос. и кооп. организаций	4,0	5,4	6,6
% накопления к обороту	3,5	5,1	4,4
Рост собст. средств за год, %	78,8	52,3	58,8
Скорость обращения капита- лов, раз в год	12,2	8,9	6,0

* Сост. по: ГАНУ. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 60-60об.

Таким образом, типичный частный магазин или лавка организовывали свою работу преимущественно на собственные средства, получая довольно ограниченные товарные и денежные кредиты. В этом отношении сибирские предприятия мало отличались от предприятий других регионов: соотношения собственных средств к привлеченным здесь так же, как и в частной торговле СССР, выражалось соотношением 3: 2. Скорость обращения капиталов в Сибири – в среднем 9 раз в год – несколько превышала этот показатель в СССР, составлявший 7,2 раза. Процент накопления по отношению к собственным средствам в Сибири был почти в два раза выше общесоюзного: 63,3% и 31,9% соответственно¹. Правда, эти данные носят приблизительный характер, поскольку частнопредпринимательская деятельность как таковая с трудом может быть полностью адекватно оценена всеми, кроме собственника предприятия. Поэтому еще в 20-е гг. возник спор о темпах накопления и действительной величине частного капитала. Известный экономист работник ВСНХ 20-х гг. А.М. Гинзбург определял процент накопления в год по отношению к собственным средствам частных предпринимателей цифрой 10%, работники наркомторга – 25, 31,9 и 50%, другие исследователи – 100%.² Учитывая, что в довоенный период прибыль в 12% в год на собственный капитал считалась максимальной, в любом случае следует признать высоким темп накопления частной торговли 20-х гг.

Согласно данным Конъюнктурного института, рентабельность государственной торговли к обороту определялась в размере 1,5%, а по отношению к собственному капиталу – в 12,2%³. Таким образом, прибыльность частной торговли в среднем в три раза превышала этот показатель государ-

¹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 11. Д. 16а. Л. 86, 112.

² Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. ... С. 2; Мингулин И. Пути развития частного капитала. ... С. 140; Меньшиков В.А. Капиталы частных торговых предприятий // Частная торговля Союза ССР. ... С. 133.

³ Смирницкий К.Н. Конъюнктура внутренней и внешней торговли СССР в 1925/26 г. // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. №11/12. С. 41.

ственной торговли. Причины успешной конкуренции частного торгового сектора с государственным и кооперативным заключались в целом комплексе приемов и способов организации предпринимателями своего дела.

Одним из путей получения большей прибыли частниками по сравнению с аналогичными государственными и кооперативными магазинами являлись устанавливаемые в зависимости от спроса и предложения на рынке розничные цены. В целом по СССР в начале 1926 г. накладки по группе промтоваров в частной торговле были в среднем на 20,3% выше, чем в государственной и кооперативной¹. Цены сибирской частной розницы также были в целом выше цен государственных магазинов и кооперации (см. табл. 4.12).

Высокие наценки делались частными предпринимателями не огульно на все без исключения виды товаров, а складывались под влиянием целого ряда обстоятельств. По отдельным видам дефицитных товаров розничные цены в частном секторе устанавливались выше цен государственной торговли и кооперации на 15-75%, а перец, например, относящийся к числу недостаточных товаров, продавался с наценкой в 117,3%². В несколько искусственно завышенные цены на товары, пользовавшиеся повышенным спросом населения, как правило, вкладывалась цена полученных предпринимателями «в нагрузку» неходовых товаров, которые реализовывались иногда по ценам ниже оптовых.

Высокие цены частной розницы отчасти объяснялись и высокой себестоимостью товаров для предпринимателей. Так, даже в периоды достаточного снабжения госорганы отпускали товар частнику большей частью на 2-3% дороже, чем кооперации, и на более жестких условиях расчета: если кооперация получала 50-70% кредита на 1-2 месяца, то частные розничники, как правило, платили за товар наличными³.

Таблица 4.12

Среднегодовые цены и наценки на оптовые цены в городской и сельской розничной торговле в 1925/26 г.*

ТОВАРЫ	Среднегодовые оптовые цены госторговли		Розничные цены			
			в городах, в % к опт. цене госторговли		в сельск. мест., в % к опт. цене госторговли	
	в коп.	в %	коопер.	частные	коопер.	частные
Сахар, за фунт	31,1	100	107,7	111,9	113,5	118,3
Соль, за фунт	2,15	100	133,5	168,8	144,2	162,8

¹ Мингулин И. Пути развития частного капитала. ... С. 83.

² ГАНУ. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 59об.

³ Попов Г.М. Цены и накладки в частной торговле // Частная торговля Союза ССР. ... С. 145-146.

ТОВАРЫ	Среднегодовые оптовые цены госторговли		Розничные цены			
			в городах, в % к опт. цене гостор- говли		в сельск. мест., в % к опт. цене гостор- говли	
	в коп.	в %	коопер.	частные	коопер.	частные
Спички, за пачку	12,25	100	114,3	122,5	120,0	124,1
Мыло, а фунт	22,42	100	112,0	117,8	120,0	130,2
Махорка, за 50 гр.	5,59	100	118,1	131,5	124,7	128,8
Керосин, за фунт	5,17		122,2	132,9	136,4	148,9
Ситец, за метр	37,25		114,6	127,3	118,4	127,5
Бязь, за метр	39,97		115,1	128,1	125,1	135,0
Железо кров., за фунт	11,2		121,4	142,0	124,7	140,2
Гвозди 4», за фунт	12,89		119,9	141,2	131,5	152,8

* Сост. по: ГАНУ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 74.

В периоды же товарного голода отпуск товаров частным торговцам почти совершенно прекращался, и они были вынуждены получать товар окольными путями, связанными с еще большими издержками. На повышении цен в частном секторе сказывались и более высокое, чем в других секторах хозяйства, налоговое обложение, более высокая плата за арендуемые помещения и т.п. В этих условиях простое повышение уровня цен становилось явно недостаточным для обеспечения успешной работы частных предприятий.

Важным средством достижения успеха частной торговли в экономическом соревновании с государственным и кооперативным секторами были низкие по сравнению с последними накладные расходы и расходы на содержание служебного аппарата. На городских частных торговых предприятиях расходы на служебный аппарат составляли всего 0,75%, в сельских – 0,36% к обороту предприятия, на государственных же предприятиях – 2,78%, кооперативных – 2,81%. Разница в накладных расходах была менее существенной: в частных предприятиях эти расходы составляли 0,60%, в государственных

магазинах – 0,67%, кооперативных – 1,07%¹. Как довольно точно отметил А.М. Лежава в своем выступлении на съезде биржевой торговли, кооперации с ее многочисленными наемными служащими, соцстрахом, отпусками и спецодеждой, сторожами и сложной отчетностью противостоял частный торговец с женой за прилавком, собакой вместо сторожа и без всякой волокиты и отчетности². К этому надо добавить отменно вежливое обращение частных торговцев с покупателями.

В отличие от работников кооперации и государственной торговли частные предприниматели открывали свои магазины не только в центральных районах города, но и на окраинах, ориентируясь прежде всего на потребительский спрос. В Сибири на каждые 10 тыс. жителей приходилась 31 частная лавка и только 5 кооперативных³. Как писал вышедший в Новониколаевске журнал «Большевик», «в кооперативной торговле очень часто кооперативных торговцев приходится искать, как говорят, «днем с огнем», частный же торговец сам ищет покупателя»⁴.

Исходя из интересов клиентов, частные торговцы подбирали соответственный ассортимент товаров для своих магазинов, зачастую отпускали товары в кредит своим постоянным посетителям, чего не допускалось в государственной и кооперативной торговле.

Приучая покупателей приобретать товары в собственном магазине, владельцы в качестве «приманки» использовали занижение цен на один из товаров повседневного спроса с тем, чтобы покупатель, придя за ним в лавку, вместе с дешевым приобретал и более дорогой, чем в кооперативных и государственных магазинах, товар.

Частные магазины привлекали покупателей и своим внешним видом, красочными витринами, более удобным режимом работы. А когда, например, отдел местного хозяйства Иркутска попытался установить обязательный двухчасовой обеденный перерыв в частных магазинах наряду с государственными и кооперативными, это вызвало целую бурю негодования со стороны частных торговцев, в то время как служащие общественного сектора торговли отнеслись к этому решению с одобрением⁵.

В области промышленного производства удельный вес частного капитала в рассматриваемый период не претерпел значительных изменений. Его участие в выпуске промышленной продукции в целом осталось незначительным. По Союзу ССР численность частнокапиталистических предприятий в 1925/26 г. составила 17,2% общей численности промышленных предприятий, валовая продукция – около 10-12% стоимости всей промышленной продукции Союза, число наемных рабочих – около 5% состава рабочих государ-

¹ Стариков А.И. Торговые расходы в частной торговле // Частная торговля Союза ССР. ... С. 76-77.

² Экономическая жизнь. 1924. 31 мая.

³ Советская Сибирь. 1926. 11 авг.

⁴ Голубев М. Устраним пробелы // Большевик. 1924. Кн. 8. С. 41.

⁵ ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 5. Л. 15-16; Д. 21. Л. 47.

ственной промышленности. Ценовая же частная промышленность занимала 16,7% от числа всех ценовых промышленных предприятий, 2,3% всей численности рабочих и давала 4,2% всей выпускаемой в стране продукции¹. Основную массу частных предприятий составляли мелкие и мельчайшие предприятия полукапиталистического типа с 3-5 наемными рабочими, что было особенно характерно для Сибири, где насчитывались лишь единицы ценовых частных промышленных предприятий (см. приложение 1). Так, в Томске в 1925/26 г. работало только 9 промышленных предприятий, имевших больше 5 наемных рабочих и только в одном, под названием «Метровес», было занято 40 человек. В Омске имелось всего 5 частных предприятий 4-6 разрядов. В городах и городских поселениях Новосибирского округа – 10 относительно крупных частных промышленных предприятий: 4 кожевенных завода, 2 махорочные фабрики, 1 пивоваренное и 3 мукомольных предприятия. И хотя они, согласно принятой классификации, относились к ценовым, на каждое из них в среднем приходилось по 5-6 наемных рабочих. В Красноярском округе частным предпринимателям принадлежали винокуренный завод «Ливония», дрожзавод, Енисейский кожзавод и несколько табачных фабрик². В целом в Сибири в 1925/26 г. 50 ценовых частных предприятий с 401 наемным рабочим выпускали продукции на сумму 371781 руб., что соответственно составляло 12,5% от числа предприятий, чуть более 1% от числа рабочих и 2,6% стоимости валовой продукции, выпускаемой всеми ценовыми предприятиями Сибири³.

По своей мощности и технической оснащенности даже относительно крупные частные промышленные предприятия на порядок уступали государственным заводам: более 40% из них вообще не имели механических двигателей, производственный процесс в основном осуществлялся вручную. Число работающих на 1 частном предприятии в среднем было в 10 раз меньшим, чем на предприятии государственного сектора. Удельный вес наемного труда на частных промышленных предприятиях не превышал 30%. Остальные 70% рабочей силы приходилось на владельцев предприятий, непосредственно участвовавших в производстве, и членов их семей.

Вместе с тем среднестатистические данные свидетельствовали о более высокой производительности труда в частной промышленности по сравнению с кооперативной и государственной. Согласно подсчетам одного из исследователей 20-х гг. О. Купермана, в 1924/25 г. средняя выработка продукции на 1 рабочего в частной промышленности почти в 2 раза превысила со-

¹ Фабрично-заводская промышленность Союза ССР и его экономических районов. Вып. 1. М., 1928. С. 29; Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 355; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 14. Д. 199. Л. 10об.; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1199. Л. 47а.

² Состояние ценовой промышленности Новосибирского округа // Статистический бюллетень Сибирского статистического управления. 1927. №3. С. 78-81; ГАТО. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 158. Л. 200; ГАОО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 370. Л. 103; ГАКК. Ф. 822. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Д. 2. Л. 21-27.

³ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2: Промышленность. Новосибирск, 1928. С. 366-367.

ответствующий показатель государственной промышленности¹. Эти данные подтверждаются сибирскими материалами (см. табл. 4.13), согласно которым выработка на 1 рабочего в частной промышленности была в 1,7 раза выше, чем в государственной.

Таблица 4.13

Выработка продукции на 1 рабочего на государственных и частных предприятиях Сибири в 1924/25 г.*

Секторы хозяйства	Численность рабочих, чел.	Валовая продукция, руб.	Выработка На 1 раб., руб.
Государственный	36646	92428584	2522,2
Частный	664	2860920	4308,6

* Сост. по: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2: Промышленность. Новосибирск, 1928. С. 328-329.

Более высокая эффективность труда в частной промышленности по сравнению с государственной складывалась из многих составляющих: лучшей организации труда, значительно более строгой дисциплины, более квалифицированного состава работающих, относительно меньшего числа подсобных и обслуживающих рабочих, правильного и своевременного снабжения сырьем и инструментами и т.д. Высокая стоимость продукции, приходившейся на 1 рабочего, занятого в частном секторе хозяйства, отчасти объяснялась и отраслевой структурой частного капитала. Частные промышленные предприятия в основном были связаны с производством продуктов питания и предметов массового потребления, где стоимость товаров, приходившихся на человеко-день, была выше, чем в отраслях добывающей промышленности или отраслях, связанных с производством станков и оборудования, которые преимущественно относились к государственному сектору.

«... «Социалистические» организации работают и дорого, и плохо, – писал в 1929 г. известный русский экономист Б. Бруцкус. – Дело заключается совсем не в том, что большевики головотяпы. Опыт – дело наживное, и нельзя сказать, чтобы коммунисты не учились хозяйничать. Гораздо хуже то, что «социалистические» организации, по существу, не проникнуты принципом о достижении наибольших результатов с наименьшими затратами, который составляет душу здорового хозяйства и который глубоко проникает весь капитализм»². По наблюдениям видного хозяйственного работника 20-х гг. Г. Ломова, сами рабочие частных предприятий в большинстве своем были уверены, что государственная промышленность неизбежно была бы побита

¹ Куперман О. Социально-экономические формы промышленности СССР. М.; Л., 1929. С. 140.

² Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России... С. 158.

частными капиталистами, если бы последним «дали волю»¹. Они считали, что только благодаря административному «зажиму» частные предприниматели «держатся в определенных рамках».

Перспективы развития ценовых частных предприятий были весьма призрачны. Согласно статьям 54 и 55 Гражданского кодекса РСФСР, регламентирующим сферы частнопредпринимательской деятельности, предприятия, в которых число наемных рабочих превышало 20 человек, могли быть «предметом частной собственности не иначе, как на основании концессии, испрашиваемой у правительства»². Таким образом, у предпринимателя терялся всякий стимул к разворачиванию своего легального производства, увеличению числа рабочих и т.п., поскольку трудно было представить, чтобы владелец, скажем, новосибирской табачной фабрики поехал в Москву заключать договор с правительством на так называемую внутреннюю концессию. Даже Ю. Ларин, которого сложно было заподозрить в симпатиях к частному капиталу, с иронией писал: «... смешно было бы Совнаркому СССР договариваться с каким-либо Сидоровым в Туле об открытии этим Сидоровым самоварной фабрики на 25 или 50 человек»³. Отчасти поэтому в СССР так и не было образовано ни одной внутренней концессии. Даже имевшие средства для расширения своего бизнеса предприниматели предпочитали не обнародовать их, вкладывая в одно крупное предприятие, а дробить, организовывая ряд мелких производств полукапиталистического типа.

Именно в сфере мелкого и кустарно-ремесленного производства товаров широкого потребления по целому ряду отраслей частные предприниматели заняли лидирующее положение по отношению к обобществленному сектору. На их долю приходилось более 68% выпуска всей кожевенно-меховой продукции, 57,4% пищевой (мука, крупа, растительные масла, хлебопечение), свыше 41% деревообработки, 25,6% металлообработки⁴. Согласно данным промышленной переписи 1925 г., в Сибири удельный вес частного сектора составил 95,8% всех мелких промышленных предприятий Сибири и 85,3% всех занятых в них лиц⁵. Многие такие предприятия были организованы по типу «домашней капиталистической промышленности», напоминавшей рассеянную мануфактуру.

Условия и организация труда, как в мелких, так и в относительно крупных частных промышленных предприятиях, существенно отличались от предприятий государственного сектора. Как правило, на частных предприятиях использовалась сдельная форма оплаты труда и размер заработной пла-

¹ Ломов Г. Работа среди рабочих частных предприятий. ... С. 43.

² Гражданский кодекс РСФСР. ... С. 18-19.

³ Ларин Ю. Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка // Большевик. 1927. №11/12. С. 83.

⁴ Горошков Ю. К вопросу о частном капитале в промышленности // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. IV. С. 197; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 764. Л. 35.

⁵ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2. ... С. 272-273.

ты рабочего устанавливался в зависимости от его индивидуальной выработки. Заинтересованные в процветании собственных предприятий, их владельцы более тщательно подбирали кадровый состав, увольняли рабочих, как только те переставали их устраивать. Плата заработную плату в среднем на 22,6% выше государственной (в кожевенно-меховой, металлообрабатывающей и некоторых других отраслях эта разница доходила до 42%)¹, предприниматели строили производственный цикл таким образом, что рабочие трудились с гораздо большей напряженностью, нередко обрабатывали сверхурочно без дополнительной оплаты.

Предприниматели, взявшие промышленные заведения в аренду сроком на 2-3 года, как правило, не спешили вкладывать средства в их реконструкцию, обновление оборудования, ремонт помещений, санитарно-технические усовершенствования. Как говорилось в одной из сводок уполномоченного ГПУ по Каргатскому уезду, «материальное положение рабочих на частных предприятиях плохое, спецодежда не выдается, зарплата периодически задерживается, рабочие трудятся в грязных условиях по 10 и 11 часов, что не оплачивается сверхурочно»². Таким образом, интенсивность труда на частном предприятии и экономия на создании условий работы отчасти компенсировали предпринимателям выплату ими более высокой заработной платы своим рабочим. В свою очередь повышенная заработная плата заменяла рабочим частных предприятий льготы, предоставляемые рабочим государственного сектора: бесплатное санаторно-курортное лечение, льготная оплата коммунальных услуг и т.п.

Между владельцем предприятия и нанятыми им рабочими обычно устанавливались довольно тесные, в том числе и личные взаимоотношения, суть которых отнюдь не сводилась к классовым антагонизмам, как призывала их оценивать партийная пропаганда тех лет. Как правило, частные промышленники были заинтересованы в создании атмосферы сотрудничества на собственном предприятии, стремились привлечь рабочих к участию в делах производства. С целью создания особого микроклимата, особенно на мелких частных предприятиях, которых в Сибири было большинство, предприниматели не жалели для рабочих «хорошее словечко, стакан чаю, рубль на водку по случаю семейного торжества, аванс и т.п.»³. В ответ «несознательные», с точки зрения одного из профсоюзных работников 20-х гг. В.А. Буянова, рабочие видели в хозяине предприятия «отца родного, который даст и на водку с закуской», и которому они, в свою очередь, могли преподнести «в день ангела» чайный сервиз⁴. Другой тип взаимоотношений между фабрикантами и рабочими, более «европейский», был не столь панибратским. Предприниматели стремились влиять на рабочих опосредованно – через профсоюзы и дру-

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 185. Л. 281.

² ГАНУ. Ф. 878. Оп. 2. Д. 120. Л. 64.

³ Цит. по: Лютов Л.Н. Частная промышленность... С. 73.

⁴ Буянов В.А. О работе профсоюзов на частных и концессионных предприятиях. М.; Л., 1927. С. 31-32.

гие рабочие организации. Они ратовали за создание на своих заводах местных комитетов, даже партийных ячеек, но таких, деятельность которых можно было бы контролировать и подчинять собственным интересам. Встречались случаи, когда рабочие получали от предпринимателей деньги на проведение революционных праздников¹.

Зачастую «дружеские» взаимоотношения приводили к тому, что рабочие, боясь потерять место, скрывали свои болезни, количество сверхурочных работ; женщины, имевшие грудных детей, не смели попросить дополнительный перерыв. Эти и другие нарушения законодательства о труде становились сферой деятельности профсоюзов. Причем, согласно действовавшему законодательству (статья 135 Уголовного кодекса РСФСР), воспрепятствование их деятельности на предприятиях каралось лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года, или штрафом до 1 тыс. руб.²

Профсоюзные комитеты заключали коллективные договоры между рабочими и предпринимателями, следили за их выполнением, являлись инициаторами возбуждения против предпринимателей уголовных дел в случаях нарушений условий договора. Согласно статье 133 Уголовного кодекса РСФСР, нарушение нанимателем законов, регулировавших применение труда, а также законов об охране труда и социальном страховании каралось исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев или штрафом до 300 руб. Если нарушение это распространялось на группу рабочих более трех человек, предпринимателю грозило лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф до десяти тысяч рублей. Такие же наказания были предусмотрены в случаях нарушения нанимателем заключенных им с профессиональным союзом договоров, тарифных соглашений и соглашений примирительных камер, если в производстве дела в судебном или примирительном порядке устанавливался «злонамеренный характер нарушения»³.

Завкомы пытались контролировать процессы найма и увольнения рабочих, выплаты им заработной платы, следили за соблюдением правил охраны труда на производстве, ставили перед владельцами предприятий вопросы отчислений средств на строительство жилья для рабочих, их питание, содержание детских яслей, а в ряде случаев брали на себя организацию забастовок рабочих.

Как правило, основные требования бастующих сводились к повышению заработной платы, протестам против массовых увольнений и зачастую оказывались невыполнимы для предпринимателей. Так, забастовка в Омском ресторане «Буф», принадлежавшем Долгину, с требованиями повысить заработную плату, своевременно ее выплачивать и увеличить штат ресторанных работников, продолжавшаяся две недели, привела к разорению владельца и

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 81. Л. 1.

² Уголовный кодекс РСФСР. ... С. 47.

³ Уголовный кодекс РСФСР. ... С. 46, 47.

закрытию ресторана¹. Ресурсы частных промышленных предприятий были довольно ограничены, и удовлетворение требований повышения заработной платы могло привести к полному разорению владельца и закрытию предприятия. Увольнения же рабочих, связанные с организационно-техническими усовершенствованиями производственного цикла, также не могли быть поставлены в вину промышленнику. Поэтому в резолюции XIV съезда ВКП(б) «О работе профсоюзов», хоть и говорилось, что в процессе «классовой борьбы пролетарских союзов с частным предпринимателем-капиталистом» должны воспитываться сплоченность, организованность и солидарность рабочих частновладельческих предприятий, в то же время содержалось предостережение, что «самая стачка должна являться лишь в результате невозможности разрешить спорный вопрос иными, мирными, путями в примирительных камерах и третейских судах»². На практике забастовки на частных предприятиях были крайне редки. В течение 1924/25 г. в СССР было зарегистрировано всего 54 забастовки на частных предприятиях, 2 из них – в Сибири³. Как правило, владелец предприятия предпочитал или договариваться со своими работниками, или попросту увольнял их, предвзяв начало забастовки.

Существенную помощь профсоюзам оказывали инспекции труда созданного специально для защиты прав рабочих наркомата труда. Органы этого наркомата – примирительные камеры и третейские суды – выполняли роль посредников в решении трудовых конфликтов, в основе которых, как правило, были невыплаты руководителями предприятий заработной платы и сверхурочных компенсаций рабочим.

Большинство конфликтов возникало в государственном секторе промышленности (см. табл. 4.14), занимавшем доминирующее положение в экономике страны и по количеству предприятий, и по числу занятых на них рабочих.

Таблица 4.14
Трудовые конфликты,
рассмотренные органами НКТ по Сибири в 1926 г.*

Период	Число конфликтов		Число участников конфликтов	
	всего	в част. секторе	всего	в част. секторе
I пол.1926 г.	683	25	47805	231
II пол. 1926 г.	747	21	52161	95

¹ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 26. Д. 10. Л. 267.

² XIV съезд ВКП(б) 18-31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 982.

³ Сибирская советская энциклопедия. ... Т. 2. С. 43; ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 26. Д. 13. Л. 401-402.

* Сост. по: Бюллетень стат. труда Сиб. края. 1926. №2. С. 52; 1928. №6. С. 36.

Решались же в большинстве своем трудовые споры в пользу рабочих на частных предприятиях (см. табл. 4.15), что свидетельствовало не только об обоснованности претензий рабочих, но и о прогосударственной позиции органов наркомата труда.

Таблица 4.15

Результаты разбора трудовых конфликтов
в конфликтных органах НКТ по Сибири в 1925/1926 г.*

Категории пред- приятий	Число разреш. спор. пунктов	Результаты разбора конфлик- тов, %		
		в поль- зу ра- бочих	в пользу наимат.	в интер. обоих стор.
Государственные	737	56,1	26,7	17,2
Кооперативные	71	60,5	25,4	14,1
Частные	20	75,0	15,0	10,0

* Сост. по: Бюллетень статистики труда Сибирского края. 1926. №2. С. 52.

Инспекции наркомата труда периодически осуществляли проверки промышленных предприятий всех видов собственности на предмет соблюдения на них санитарно-технических норм охраны труда. По имеющимся данным этого наркомата, в среднем из каждых 100 частных промышленных предприятий, обследованных в течение 1925 г., более половины (53,5%) их владельцев были привлечены к суду за нарушение законов о труде, в то время как на государственных и кооперативных предприятиях этот показатель составлял соответственно 6,6% и 10,8%¹. В Сибири из 824 уголовных дел, возбужденных в 1925/26 г. по инициативе органов НКТ из-за рушений законов о труде, 561 (61,9%) уголовно наказуемое нарушение произошло в частном секторе. На каждые 100 подвергнутых проверке предприятий здесь приходилось в среднем 8,7 случаев привлечения хозяйственных руководителей государственного и кооперативного секторов к уголовной и административной ответственности и 45,3 случаев привлечения частных промышленников².

Неудовлетворительное санитарно-технического состояние частной промышленности во многом объяснялось тем, что, как правило, частные предприятия располагались в совершенно непригодных для производства помещениях – сараях, жилых домах и т.д. Однако в отчетах наркомата труда отмечалось, что частные промышленники в этих условиях стремились на 100% выполнить предписания органов охраны труда, и что «с техникой

¹ Белкин Г. Рабочий вопрос... С. 116; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 69. Л. 82.

² Привлечение предприятий, учреждений и хозяйств к судебной и административной ответственности за нарушение законов по охране труда // Бюллетень статистики труда Сибирского края. 1927. №3. С. 43.

безопасности и промышленной санитарией в заведениях частной промышленности дело обстоит благополучно. Правда, кое-где отсутствует вентиляция, и не везде есть специальные помещения для принятия пищи»¹. Столь большой процент обнаруженных инспекциями нарушений правил охраны труда в частном секторе свидетельствовал о явно предвзятом отношении проверяющих к частным собственникам по сравнению с государственными хозяйственниками. В одном из отчетов Сибтруда прямо говорилось о «безусловной мягкости и боязни инспекторов», проявляемой по отношению к «красным» директорам².

Однако не следует преувеличивать успехи профсоюзов и инспекций труда в регулировании отношений между предпринимателями и рабочими. Во-первых, все их усилия в один момент могли быть парализованы владельцами и арендаторами предприятий, увольнявшими «скандалистов» и имевшими полное право в любое время сократить число рабочих или вовсе свернуть производство и закрыть завод, по выражению одной из активных деятелей профсоюзного движения 20-х гг. Х. Топоровской, «под разными соусами»: то из-за отсутствия сырья, то из-за трудностей сбыта, то из-за прекращения сезона и по множеству других причин, истинное основание которых всегда оставалось «коммерческой тайной»³. Во-вторых, даже по самым оптимистичным подсчетам, только около половины всех рабочих частных предприятий Сибири находились в сфере деятельности профсоюзов, и только 6,2% всего рабочего состава частных предприятий заключили с арендаторами и владельцами коллективные и индивидуальные договоры⁴. Остальные же были предоставлены сами себе и, как правило, предпочитали не вступать в конфликт с хозяином.

В целом деятельность частных предпринимателей в сфере промышленного производства оставалась весьма ограниченной по сравнению с торговлей, на что существовали весомые причины. Как писала газета «Экономическая жизнь», во многих случаях частной инициативе нечем было заняться за дело: одни потеряли все, другие – многое, третьи боялись потерять остальное⁵. Предел развитию частнокапиталистической промышленности фабрично-заводского типа ставился и ограниченными размерами основного фонда. Новое строительство этого рода предприятий было затруднено из-за отсутствия достаточных для этой цели средств у частных предпринимателей. Перемещение же частного капитала из торговли в промышленность можно было ожидать лишь при условии, что работа в промышленности делается более

¹ Эдмин Я.Р. Положение труда в частной промышленности // Частный капитал в народном хозяйстве... С. 213.

² Андреев Е.А. Профсоюзы Западной Сибири в период новой экономической политики (1921-1929 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. С. 158.

³ Топоровская Х. Завком на частном предприятии (Из записок профработника). М.; Л., 1927. С. 33-34.

⁴ Советская Сибирь. 1926. 19 нояб.; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 10. Д. 371. Л. 92.

⁵ Экономическая жизнь. 1925. 12 июля.

выгодной, чем торговля, в то время, как существовало обратное положение, по крайней мере в обложении промысловым налогом. В этих условиях наркоматом финансов предлагался другой путь вовлечения частного капитала в промышленность: дальнейшая денационализация промышленности¹, но этот проект не только не был принят, но и не рассматривался.

Косвенной причиной слабого развития частного капитала в промышленности, в отличие от торговой сферы деятельности, являлась открываемая несовершенством законодательства возможность поместить имевшиеся капиталы в кустарную промышленность, кооперацию, заготовки сырья. Начавший действовать со второй половины 1924/25 г. закон о предоставлении льгот кустарям и ремесленникам с расплывчатым толкованием того, каков их состав и каковы параметры принадлежности к этой категории, вызывали отток частного капитала в мелкие предприятия с тем, чтобы использовать эти льготы. Таким образом получился обратный стремлениям законодателей эффект. Со второго полугодия 1924/25 г. наметилась тенденция сокращения выборки предпринимателями патентов на занятие промышленным производством, а обороты частной промышленности в масштабах страны сократились во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым на 44%². Процесс сокращения как численности легально работавших частных предприятий, так и оборотов частной промышленности получил распространение и в Сибири (см. табл. 4.16). За полтора года действия закона о льготах число частных предприятий сократилось в 2,4 раза, в 4 раза снизились обороты.

Таблица 4.16

Динамика численности и оборотов сибирской частной промышленности в 1924/25 – первой половине 1925/26 г.*

Период	Численность		Обороты	
	в абс. ед.	в % к 1 пол. 1924/25 г.	в руб.	в % к 1 пол. 1924/25 г.
1 пол. 1924/25 г.	16371	100	16409	100
2 пол. 1924/25 г.	10443	63,8	4383	26,7
1 пол. 1925/26 г.	6845	41,8	4106	25,0

* Сост. по: ГАНУ. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 17; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2: Промышленность. ... С. 272-273.

В то же время наметилось усиление эксплуатации кустарей частными скупщиками путем выдачи кредитов на кабальных для первых условиях, втя-

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 764. Л. 13.

² Там же. Оп. 1. Д. 6984. Л. 193.

гивание кустарей в зависимость от частного предпринимателя путем снабжения его сырьем и полуфабрикатами и организации сбыта готовой продукции. Для Сибири особенно характерным являлась зависимость кустарной промышленности от частных предпринимателей в области снабжения сырьем. По ряду промыслов стоимость сырья частного заказчика по отношению к общей стоимости получаемой кустарями продукции составляла от 48,5% в сапожном и 48,5% в кожевенном промыслах до 79,2% в шубном, 81,2% в шерстобитном, 88,7% в мукомольном¹. Существовал целый ряд способов внедрения частного капитала в кустарную промышленность. Выбирая патент на занятие кустарным промыслом, частный торговец на самом деле продолжал торговать, но уже полученными от госорганов сырьем и материалами, которые выдавались ему как кустарю. Организовывались целые лжепромысловые артели, лжекооперативы из частных торговцев, которые, не ведя никакой промысловой деятельности, просто спекулировали полученным сырьем и материалами. Такой «кустарь» вступал в переговоры с кустарями и их объединениями, чаще всего стесненными в средствах, и получал по их заявкам сырье в госорганах, спекулируя им, делал иногда полумиллионные обороты. Кустарям же выплачивался небольшой процент вознаграждения или поставлялась часть полученного сырья².

Как показало проведенное ГПУ Сибири в 1926 г. обследование, различные формы нелегальной деятельности частных предпринимателей в кустарной промышленности получили широкое распространение. Так, входящий в омское кустарное объединение «Комитет кустарей» ювелирный часовщик Вольфсон фактически являлся посредником по скупке и продаже ценностей. В Новониколаевске Гурьевич и Суханов, выбрав патенты на занятие кустарными промыслом, на самом деле владели собственными слесарными мастерскими с 10 и 15 наемными рабочими. В Барнауле инвалиды, получившие бесплатные патенты, передавали их другим лицам, которые под прикрытием этих патентов разворачивали широкомасштабную предпринимательскую деятельность³.

Для освобождения кустарей от эксплуатации частного скупщика наркоматом внутренней торговли в мае 1925 г. был намечен ряд мероприятий: включение основных отраслей кустарной промышленности в общий государственный план снабжения сырьем и полуфабрикатами, усиление налогового кредитования системы промысловой кооперации, а также кредитование ее госторговлей, государственными заказчиками и другими видами кооперации, другие меры⁴. Однако применение этих мер затянулось, и кустарная промышленность продолжала эксплуатироваться представителями частного капитала. По сделанным в 1920-е гг. подсчетам, около 80% всех

¹ Волконский С.П. Кустарная промышленность в Сибири // Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Т. III. Новосибирск, 1927. С. 76.

² Мингулин И. Пути развития частного капитала. ... С. 71.

³ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 24об.-25; ЦХАФАК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

⁴ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 9. Л. 387-391.

городских артелей в 1925/26 г. являлись так называемыми лжекооперативами¹, то есть фактически становились подпольными частными предприятиями, которые, в отличие от легально действовавших, не платили налоги и никем не контролировались.

В условиях Сибири, богатой различными сырьевыми ресурсами, чрезвычайно прибыльным бизнесом являлись операции по скупке сырья с последующей его реализацией на европейских рынках СССР, а также местным кустарям. Возможность вложить имевшиеся капиталы подобным образом и получить большую гарантированную прибыль в короткий срок делала сырьевые операции существенным источником обогащения частных предпринимателей.

Предметами особого интереса частных предпринимателей Сибири являлись заготовки хлеба, масла, мяса и кож. Их деятельность в этом направлении существенно облегчалась, во-первых, заменой в 1925/26 г. принципа лимитного регулирования заготовительных цен методом общего экономического регулирования через систему банковского кредита и путем конвенционного установления согласительных цен; во-вторых, обострившейся конкуренцией между государственными заготовительными организациями, которые просчитались в интенсивности подвоза хлеба и сырья на рынок и, соперничая друг с другом, взвинчивали цены. Дело доходило до того, что заготовители выплачивали 28 руб. за пуд масла, в то время как лондонская оптовая цена на сибирское масло достигала лишь 26,5 руб. за пуд². В погоне за сырьем заготовители дискредитировали друг друга, спаивали уполномоченных артелей, нанимали так называемых мартышек, задача которых сводилась к тому, чтобы во что бы то ни стало перехватить продавца. Заготовительным ажиотажем воспользовались частные скупщики, своими действиями усиливая и подогревая его.

Серьезную озабоченность местных органов власти вызывало участие частного капитала в хлебозаготовках. Частные предприниматели путем выдачи крестьянам авансов, обеспечения тарой, повышения установленных государством и кооперацией закупочных цен, приобретали большие партии зерна, которые отправлялись ими в европейскую часть России, где реализовывались с большой прибылью. После установления местными органами власти определенного порядка погрузки хлеба на железных дорогах многие частные заготовители и торговцы перепрофилировали свой бизнес: стали перемалывать зерно на муку и вывозить ее. Подобные действия облегчались тем, что около половины мельниц было арендовано частными предпринимателями³. Второй путь «обхода» государственных запретов был связан с мешочничеством – отправкой хлеба мелкими партиями; третий – с отправкой

¹ Торгово-промышленная газета. 1926. 16 апр.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 62. Л. 7.

³ Советская Сибирь. 1925. 21 окт., 30 дек.; 1926. 5 фев.

хлебных грузов по железной дороге через государственные организации. В 1924/25 г. около 30% сибирского зерна было заготовлено частниками¹.

Весьма энергично действовали частные предприниматели и в маслозаготовительной кампании. Летом 1925 г. «Советская Сибирь» писала о целой войне за масло, разгоревшейся на сибирском рынке. Кооперативные и государственные заготовительные организации, установив цену на масло в 18-19 руб. за пуд, испытывали большие трудности, поскольку частные заготовители взвинчивали цены до 22 и даже 25 руб. за пуд. За первую половину июля 1925 г. маслозаготовки частных фирм в Омске, например, составили 68,6% всего поступившего в этот период на рынок масла². Это в свою очередь вынуждало государственных заготовителей, заключивших многочисленные договоры на экспортные поставки и получившие в обеспечение этих договоров государственные кредиты, повышать цены сверх всякой меры, бесхозяйственно расходуя государственные средства.

Видя в действиях частных заготовителей серьезную угрозу срыва всей заготовительной кампании, Сибревком обратился в ЭКОСО РСФСР с просьбой признать необходимым устранение с заготовительного рынка частных посредников-скупщиков³. С этой целью разрабатывалась целая система мер: воспрещение Госбанку, Промбанку и их сибирским отделениям финансирования частных маслозаготовок, создание затруднений в транспортировке частных грузов, максимальное налоговое обложение частных предпринимателей, занятых заготовкой сырья, инспектирование частных маслобойных предприятий с целью нахождения повода к их закрытию. Когда оказалось, что эти меры недостаточны, Сибкрайвнуторг разослал своим отделениям более категоричные указания полностью запретить прием, перевозку и хранение масла частных заготовителей⁴. Отмена центром этого распоряжения как незаконного вызвала новый рост активности частных маслозаготовителей. В результате, по ориентировочным данным, в отдельные месяцы 1925/26 г. в ряде населенных пунктов, например, Красноярского округа, частные заготовки масла доходили до 70% от общего количества. В среднем же по Сибири доля частных маслозаготовок в кампании 1925/26 г. составила 25-30%⁵.

Большую активность проявлял частный капитал и в кожезаготовительной кампании. Государственные и кооперативные организации, ориентируясь на синдицированные цены, не могли конкурировать с частными заготовителями, которые скупали сырье и, вывозя его за пределы Сибири, сбывали по повышенным ценам, что давало им возможность взвинчивать заготовительные цены на 45-50% по сравнению с синдицированными. Рост частных заготовок кож обусловил возникновение дефицита сырья для государственных кожзаводов и обувных предприятий, которые начали работать с недогрузкой

¹ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 18об.-19об.

² Советская Сибирь. 1925. 23, 25 июля.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 62. Л. 8об.-9.

⁴ ГАНО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 12. Л. 33, 37, 64.

⁵ Там же. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

в 22-25%. Многочисленные комиссии по изучению частного капитала при СТО, наркоматах торговли и финансов, а также на местах пытались уверить общественность, что сбой в работе государственных предприятий вызваны не победой частных предприятий в конкурентной борьбе, а дезорганизующим государственную кожевенную промышленность поведением частных кожзаготовителей. Сторонники экономического регулирования частнопредпринимательской деятельности говорили о недопустимости даже в этих условиях применить по отношению к заготовителям и владельцам частных кожзаводов «нажим» и предлагали в качестве временного выхода из создавшегося положения импортировать сырье из-за границы¹. Однако победила точка зрения сторонников административных мер.

Для вытеснения частного капитала с кожевенного рынка предполагалось пересмотреть арендную политику с целью прекращения сдачи в аренду кожзаводов, банковскую политику с тем, чтобы прекратить финансирование частных заготовок, намечалось повысить налоговое обложение путем отмены льгот для кустарей-кожевников, ввести плановое снабжение частных предприятий кожсырьем в размерах до 20% оборотов Кожсиндиката и установить предельные накладки в частной розничной торговле кожтоварами. Местные органы власти, не справляясь с регулированием частных кожзаготовок, путем секретных переговоров с транспортными службами пытались ограничить прием и транспортировку кожсырья, принадлежавшего частным лицам². Несмотря на все эти меры, осенью 1925 г. на частных заготовителей, по данным обследования Новосибирского отделения РКИ, приходилось до 50% всего заготовленного кожсырья, а осенью 1926 г. – до 60%³.

Создание относительно благоприятных условий для развития частного капитала во второй половине 1924/25 г. – 1925/26 г., таким образом, отразилось прежде всего на абсолютном росте численности и оборотов частной торговли и ее оздоровлении. Однако проблемы, связанные с непризнанием на правительственном и местном уровнях необходимости длительного партнерства с частным капиталом, продолжали тормозить развитие частной промышленности, стимулировали расширение нелегальной сферы предпринимательской деятельности.

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 674. Л. 30-33.

² ГАНО. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 10. Л. 39-39об.

³ Экономическая жизнь. 1925. 8 сент.; Советская Сибирь. 1926. 4, 13 февр., 15 авг.

ГЛАВА 5. СИБИРСКИЕ НЭПМАНЫ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ

5.1. КОММЕРСАНТЫ 20-х гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

По отношению к особому социальному слою, появление которого было вызвано осуществлением новой экономической политики, в исторической литературе употреблялись разные названия и термины. По своему политическому, социальному и экономическому положению представители этого слоя резко отличались от других социальных слоев населения. Они были лишены избирательных прав, не имели возможности легально выпускать свои газеты или вести пропаганду своих взглядов каким-либо иным способом, права учить своих детей в одних школах с детьми других социальных групп населения, не могли призываться для службы в армии, состоять членами профсоюзов и занимать должности в государственном аппарате. Их деятельность была основана на получении прибыли самыми разными способами, в том числе и с использованием наемного труда. Абсолютизируя последнее обстоятельство, большинство советских исследователей характеризовало этот социальный слой как эксплуататорский класс¹. В рамках такой оценки ряд историков, стремясь показать прямую связь возрождавшейся буржуазии с проведением новой экономической политики называли ее «нэповской» или «нэпманской» буржуазией². И.Я. Трифонов, настаивая на квалификации этого социального слоя как самостоятельного и именно эксплуататорского класса, употреблял наряду с этим определением термин «новая буржуазия», имея в виду ее отличие от «старой», дореволюционной буржуазии³. Другие авторы, признавая факт существования этого социального слоя еще до провозглашения нэпа, расценивали его как своеобразный остаток или осколок дореволюционной буржуазии, как «классовую группировку», а не самостоятельный класс, употребляя термин «капиталистические элементы»⁴. Несмотря на видимую разницу в дефинициях, очевидно, что основой таких трактовок служила теория классовой борьбы, с неизбежностью определявшая наличие в рамках переходного от капитализма к социализму общества противостоящих классов.

Между тем оценка частного предпринимательства как сложного социального феномена представляется весьма неоднозначной. Классик современной микроэкономической теории А. Маршалл, например, главным атрибутом предпринимательской деятельности считал новаторство⁵, а другой известный экономист Й. Шумпетер – «осуществление новых комбинаций»⁶. Ряд русских и зарубежных исследователей, не принадлежавших к марксистскому направ-

¹ Глезерман Г. Ликвидация эксплуататорских классов...; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов...; и др.

² Генкина Э.Б. Переход Советского государства...

³ Трифонов И.Я. К вопросу о нэпе и новой буржуазии // Вопросы истории КПСС. 1967. №4.

⁴ Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов...

⁵ Маршалл А.У. Принципы экономической науки. ... Т. 1. С. 377.

⁶ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития... С. 169-170.

лению в истории, философии и социологии, – И. Ильин, Г. Гинс, М. Вебер и другие, – видели в предпринимательстве, помимо стремления к обладанию богатством, желание быть полезным для общества, а также извечное стремление личности к преодолению «органического» предела, установленного природой¹. Мировой опыт свидетельствует, что ни одно государство не развивается успешно без активного использования инициативы и предприимчивости своих граждан. Причем работающие в одном секторе экономики отнюдь не видят смысл своего существования в ведении войны на поражение с представителями другого сектора. По словам П. Сорокина, «в значительной мере понято теперь, что «капиталист» не только и не столько эксплуататор, сколько организатор хозяйства»². Оптимальное соотношение государственных, корпоративных, коллективных и частных начал в экономике способствует поступательному движению общества по пути прогресса. В связи с этим было бы, на наш взгляд, необоснованным считать представителей «новой» буржуазии лишь эксплуататорами.

Возражения против термина «эксплуататорский» в той же степени относятся и к слову «класс». Имевшая существенные правовые ограничения как в политической, так и в социально-экономической сфере, группа людей вряд ли может расцениваться как класс даже с точки зрения приверженцев теории классовой борьбы.

Поэтому, очевидно, в каждом конкретном случае следует применять по отношению к «нэпманам» более соответствовавшие их деятельности, месту и статусу в обществе названия – представители частного капитала, частные предприниматели, «новая», или нэповская буржуазия, имея в виду в последнем случае как временную дистанцию этой социальной группы от дореволюционных предшественников, так и особенности ее положения в условиях большевистской диктатуры.

«Новая» буржуазия являлась лишь частью гораздо более широко социального слоя, жизнь и основной доход которого, в силу разных причин, в условиях новой экономической политики был связан с разного рода торговой, посреднической, предпринимательской деятельностью. Газеты 20-х гг. прозвали данную категорию «нэпманами», вкладывая в этот термин, как писал В.И. Ленин, «шутливое обозначение мелкого торговца или лица, пользовавшегося свободой торговли для всякого рода злоупотреблений»³. В общественном сознании и по сей день сохранилось подобное, продиктованное советской пропагандой 20-х гг., восприятие нэпмана как спекулянта, проводящего «темные» махинации на грани закона. При слове «нэпман», как правило, возникает образ упитанного господина в полосатых штанах с сальной ухмылкой, прохаживавшегося под руку с не менее упитанной супругой в де-

¹ Гинс Г.К. Предприниматель. ... С. 62-75; Ильин И.А. Путь духовного обновления. ... С. 282-283; Вебер М. Протестантская этика... С. 70-95.

² Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1923. С. 96.

³ Ленин В.И. Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан». Второй вариант (неоконченный) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 265.

кольте, деланно выпускавшей колечками сигаретный дым. Этот карикатурный образ настолько прочно укоренился в сознании, что даже профессиональные историки в современных условиях, за редким исключением, продолжают воспринимать и оценивать «нэпманов» как «пену» или «накись» на поверхности новой экономической политики, образовавшуюся в условиях путаницы и неразберихи переходной экономики.

В основе складывания подобного стереотипа – не только реальные особенности поведения отдельных «нэпманов», но и воспитываемое десятилетиями советской действительности негативное отношение к любому виду предпринимательской деятельности, стойкие ассоциации любого вида бизнеса с чем-то полузаконным и аморальным. Во многом настороженное отношение к частной собственности объясняется дореволюционными историческими традициями и связано с особенностями политического и экономического развития России конца XIX – начала XX вв.: этатизмом, политической неопытностью и зависимостью национальной буржуазии от государственных институтов, многовековой историей уравнительности крестьянской общины и т.п.

Традиционное недоверие к частной собственности, неприязненное отношение к желавшим разбогатеть многократно усиливались мощной политической пропагандой советских газет, резко отрицательным личным отношением многих партийных функционеров к возрождавшейся вместе с нэпом торговле и ее атрибутам. Работавший в 20-е гг. заместителем главного редактора «Торгово-промышленной газеты», впоследствии эмигрировавший во Францию Н.В. Вольский (Валентинов) вспоминал, что «аргументы Ленина за нэп отлетали от партийцев как горох об стены». Главный редактор газеты «Известия» Ю.М. Стеклов, по словам Н.В. Вольского, возмущенно восклицал: «Научитесь торговать!» – мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно целые главы от марксизма отрезать»¹. Подобным образом воспринимало идеи нэпа большинство партийных руководителей.

Ю. Ларин, а за ним и другие авторы 20-х гг. утверждали, что абсолютное большинство представителей «новой» буржуазии в прошлом были крупными торговцами или заводчиками. В дальнейшем тезис о том, что большинство предпринимателей 20-х гг. вышло из рядов дореволюционной буржуазии, получил широкое распространение в отечественной историографии. Такого рода оценка во многом имела идеологическую окраску и диктовалась не столько скрупулезными подсчетами и тщательным анализом, сколько стремлением подчеркнуть, что как дореволюционная буржуазия, так и «новая», относились к одной категории – «бывших» классов. Однако уже в те годы имелись и другие соображения по поводу социальных источников формирования «новой» буржуазии.

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти В.И. Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэп. Воспоминания. М., 1991. С. 66, 67.

Согласно проведенным в 20-е гг. подсчетам А.И. Старикова, основанным на обработке материалов выборочного обследования частного капитала, менее 30% от состава частных торговцев в дореволюционном прошлом были купцами¹. В закрытом докладе о развитии частной торговли, представленном в начале 1924 г. в наркомат рабоче-крестьянской инспекции, на основе проведенных обследований делался вывод о том, что «новый торговый класс» является новым и по тем особым условиям, в которых действует частная торговля, и по своему составу. «На частноторговом рынке отсутствуют не только прежние торговые фирмы, – говорилось в докладе, – но и старый торговый класс в целом. Старые купцы представляют ничтожный процент всей массы современного купечества²». К подобному выводу пришел и один из современных американских исследователей истории «последнего капиталистического класса в Советской России» А. Бэлл, утверждающий, что лишь очень немногие представители дореволюционной российской коммерческой элиты – богатые купцы, финансовые и промышленные магнаты – оказались «на плаву» в годы нэпа³. Большинство из этих людей полностью потеряли свое состояние и вынуждены были прекратить бизнес, эмигрировали или погибли.

Социальное происхождение «нэпманов» было чрезвычайно пестрым. Среди «новых» предпринимателей И.Г. Эренбург, например, встречал бывшего помощника присяжного поверенного, прослужившего два года в наркомате юстиции и вдруг начавшего торговать местами в спальных вагонах; поэта, читавшего футуристические стихи, а теперь перепродававшего французскую парфюмерию и коньяк; рабочего завода, участника гражданской войны, похитившего вагон мануфактуры и тоже пытавшегося стать коммерсантом⁴. Широкая основа формирования социального слоя «нэпманов» не вызывала сомнения в обществе 20-х гг. «Матрос молодой в руку раненый, на Зацепе торговал рыбой жаренной⁵,» – распевали на улицах.

Обыденное восприятие «нэпманов» как людей совершенно новых, рожденных именно изменившимися в связи с новой экономической политикой обстоятельствами, выразила М. Шагинян в своем публицистическом эссе «Что есть нэпман?»: «Первое и главное, чем «нэпман» отличается от дореволюционного купца, это то, что он новый человек. ... Без традиций, без прошлого, без гипноза трафарета, словом, без всякого хвоста (а хвост поднимает пыль) он прокладывает себе дорогу на свежую голову⁶».

Почти полное отсутствие преемственности в социальном плане между дореволюционными и «новыми» предпринимателями объясняется прежде всего активно проводимой большевистским правительством в первые годы

¹ Стариков А.И. К социально-экономической характеристике частника // Вопросы торговли. 1929. №15. С. 62.

² ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 146. Л. 10.

³ Ball Alan M. Private Trade and Traders during NEP. ... P. 91.

⁴ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3-х т. Т. 1. М., 1990. С. 430.

⁵ Жизнь. 1924. №1. С. 304.

⁶ Шагинян М. Что есть нэпман? // Россия. 1923. №6. С. 17.

советской власти политикой «экспроприации экспроприаторов», в результате которой российская буржуазия и в материальном, и в политическом плане была полностью уничтожена. В этих условиях при либерализации экономической политики в годы нэпа формирование социального слоя нэпманов началось практически заново.

Сопоставление наиболее полных на сегодняшний день сводных списков сибирских дореволюционных торговцев и промышленников, насчитывающих более 7 000 фамилий¹, с имеющимися в архивных фондах сведениями о действовавших в Сибири в 1920-е гг. коммерсантах (около 2 000 фамилий) дает лишь 67 совпадений².

Контент-анализ содержащихся в личных делах коммерсантов 20-х гг. сведений, собранных агентурной сетью «Кредит-бюро», и анкетных данных архивов секций частных промышленников и торговцев при товарных биржах³ позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенные в прошлом занятия предпринимателей 20-х гг. были связаны с различными видами службы по найму, в том числе, в подавляющем большинстве случаев, в качестве приказчиков торговых предприятий. На долю последних приходилось более 40% от всего числа всех бизнесменов 20-х гг. Смогли возобновить собственное дело в меньших масштабах или заняться другим видом коммерческой деятельности лишь 15% предпринимателей. Остальные же сибирские торговцы и промышленники 20-х гг. не занимались в прошлом коммерческой деятельностью.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., большинство сибирских частных предпринимателей в дореволюционный период были людьми весьма молодыми. В 1917 г. 70% из них исполнилось от 20 до 35 лет⁴. В силу своего возраста они вряд ли могли иметь что-то общее со старыми купеческими династиями. Тем более, что, согласно указанным выше данным, лишь менее 8% от общего числа хозяев частных предприятий 20-х гг. являлись наследниками коммерческой деятельности дело своих отцов, опираясь на созданные до революции капиталы.

Тягу к предпринимательской деятельности ощутили прежде всего те, кто работал в разного рода коммерческих предприятиях до революции: бывшие управляющие, приказчики, помощники, инженеры и т.п. Находясь постоянно рядом с владельцами предприятий и каждодневно участвуя в разного

¹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4-х т. / Под ред. Д.Я. Резуна, Д.М. Терешкова. Новосибирск, 1994-1999.

² При сопоставлении учитывались не только фамилия и инициалы, которые могли совпасть случайно, но и другие сведения: месторасположение предприятий до революции и в годы нэпа, коммерческая специализация, прямые указания в документах 20-х гг. на имевшийся у конкретных лиц в прошлом опыт предпринимательской деятельности и т.д.

³ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 899-1190; ГАКК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 197; Ф. 822. Оп. 1. Д. 130-136; ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 38-52; ГАНО. Ф.253. Оп. 1. Д. 69, 114; ЦХАФАК. Ф. 105. Оп.1. Д. 383, 424, 636.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел 2: Занятия. Т. 23: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. М., 1929. С. 71.

рода коммерческих делах, эти люди часто предавались мечтам о том, что бы они седлали, будучи хозяевами, а не наемными работниками. В условиях нэпа они получили возможность реализовать свои планы, имея безусловное преимущество перед другими категориями граждан – демобилизованными красноармейцами, домашними хозяйками и т.п., которые зачастую пытались заняться коммерцией, не имея для этого особых навыков и должного опыта.

Итак, вызванная к жизни нэпом новая социальная группа предпринимателей в Сибири формировалась за счет бывших служащих торговых и промышленных частных предприятий, мельников, приказчиков и т.п. – людей, имевших определенные навыки коммерческой деятельности, а также за счет служащих государственных контор разного уровня, совмещавших вначале свою официальную службу с нелегальной деятельностью на уровне бизнеса. Немало было и таких, кто брался за разного рода предпринимательскую деятельность исключительно ради добычи средств для существования: домашние хозяйки, демобилизованные красноармейцы, оказавшиеся на улице после закрытия промышленных предприятий рабочие, «сокращенные» служащие. По данным переписи 1923 г., 82% из числа владельцев торговых заведений Алтайской губернии не занимались ранее торговлей¹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других губерниях.

Общая численность горожан, так или иначе связанных с предпринимательской деятельностью, по материалам переписи 1923 г., составляла более 84 тыс. человек, или 20% самодеятельного городского населения². К 1926 г. численность предпринимательских слоев выросла по сравнению с 1923 г. в 1,4 раза и составила более 119 тыс. человек (см. табл. 5.1), что соответствовало 25,4 % самодеятельного городского населения Сибири.

По сравнению с 1923 г. существенно выросла группа «хозяев с наемными рабочими» (см. табл. 5.2). В целом же динамика предпринимательского сектора свидетельствовала об укрупнении частных предприятий, вовлечении все большего круга лиц, в том числе семей коммерсантов, в занятия предпринимательской деятельностью.

Социальный слой нэпманов объединял самые разнородные элементы: мелких лавочников, уличных торговцев, не имевших первоначально никаких средств посредников, крупных торговцев, фабрикантов и т.п. Большинство из них в той или иной степени занимались предпринимательством – «активной хозяйственной деятельностью, связанной с личной инициативой, риском, новаторством и ведущей к положительному социально-экономическому эффекту в виде роста производительности (эффективности использования факторов производства), доходов (прибыли), удовлетворения общественных потребностей»³. Только наиболее удачливые из предпринимателей со временем

¹ Алтайский ежегодник за 1922-1923 хоз. г. Барнаул, 1924. С. 322-323.

² Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. 3. М., 1925. С. 213-215.

³ Частное предпринимательство: основные понятия, теория и практика / Отв. ред. И.Г. Минервин. М., 1994. С. 6.

выделялись по своим доходам, вырабатывали собственный стиль и образ жизни, отличавшиеся как от других категорий населения, так и от остальных нэпманов, формировали социальную группу «новой» буржуазии.

Таблица 5.1

Состав предпринимательских слоев городского населения Сибири (1926 г.)*

Главные занятия	Хозяева			Члены семьи, помогающие в занятиях
	с наемными рабочими	с членами семьи или товарищества	одиночки	
Заводчики и фабриканты	29	—	—	—
Сельскохозяйств. производители	869	21078	4842	31912
Кустари и ремесленники	1674	5721	18078	3456
Подрядчики строит. работ	24	752	3352	128
Извозо-промышленники	130	1242	5525	408
Владельцы тракторов, увеселительных заведений	157	281	—	—
Торговцы	536	2200	6334	1742
Прочие	3	33	190	35
ИТОГО	3422	31307	38321	37681
Домовладельцы	8951			
ВСЕГО	119682			

* Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII: Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел II: Занятия. М., 1929. С. 136-141.

Таблица 5.2

Динамика предпринимательских слоев городского населения Сибири в 1923–1926 гг.*

Категории предпринимателей	Численность				
	1923 г.		1926 г.		изменен. в 1926 г. по сравнен. с 1923 г., %
	в абс. ед.	в % по отнош. ко всему город. самодеят. населению	в абс. ед.	в % по отнош. ко всему город. самодеят. населению	
Хозяева с наемными рабочими	1399	0,33	3422	0,74	+144,6
Хозяева с членами семьи или товарищества	17891	4,24	31307	6,65	+75,0
Хозяева-одиночки	33791	8,01	38321	8,14	+13,4
Помогающие в занятиях члены семьи	19894	4,73	37681	7,98	+89,4
Рентьеры	11347	2,69	8951	1,89	-21,1
ВСЕГО	84322	20,0	119682	25,4	+41,9

*Сост. по: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. XX. ... С. 213-215; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII. ... С. 18, 136-141.

В общем составе капиталистических элементов городов Сибири наибольший удельный вес принадлежал не использовавшим наемный труд кустарям и ремесленникам, сельскохозяйственным производителям, выбиравшим патенты 1-2 разрядов мелким розничным торговцам и сдававшим жилье и помещения в наем домовладельцам. Уровень их доходов лишь немногим превышал средний доход на душу населения. Часть из них, едва сводя концы с концами, видимо, без особого сожаления рассталась бы со своими занятиями. Но в условиях безработицы найти другой заработок было весьма проблематично. Оказываясь ежедневно втянутыми в различные формы предпринимательской деятельности, пусть мелочной по своим объемам и харак-

теру, представители этой группы проникались специфической психологией рынка, стремились подняться до уровня крупных предпринимателей.

Численность «новой» буржуазии, куда входили «хозяева с наемными рабочими», часть «хозяев, работавших только с членами семьи или товарищества», и «домовладельцы», составила около 22 тыс. человек, что соответствовало 4,9% самодельного населения сибирских городов и по-прежнему превышало соответствующий общесоюзный показатель: согласно подсчетам В.Б. Жиромской, удельный вес «новой» буржуазии в населении городов СССР в 1926 г. составлял 2,5%¹. Большой удельный вес представителей частного капитала в общей структуре городского населения Сибири по сравнению с общесоюзным определялся более редкой, чем в других регионах, сетью городов и, следовательно, сравнительно большей сферой влияния предпринимателей каждого сибирского города. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что результаты перехода к нэпу в Сибири сказались позже, чем на европейской территории страны, поэтому рост «новой» буржуазии здесь запоздал. Очевидно, сказались и удаленность сибирских территорий от центра, их протяженность и величина, препятствовавшие осуществлению неослабного государственного контроля за развитием частного капитала.

Группа предпринимателей, живших на доходы, полученные путем использования наемного труда, как в Сибири, так и в СССР в целом, была крайне немногочисленной: ее удельный вес составлял 0,7% по отношению к общей численности городского населения². Уровень доходов этой группы существенно отличался от уровня доходов других слоев населения. В расчете на душу населения в 1925/26 г. он был примерно в 4,7 раза большим, чем среднедушевой доход несельскохозяйственного населения в целом³. Доходы же торговцев IV-VI разрядов и владельцев цензовых промышленных предприятий превышали средние доходы граждан в 10 раз и более.

Торговцев, использовавших наемный труд, в Сибири работало немногим более 500 человек. К середине 20-х гг., как они полагали, «наступило время и пробил час, когда частному капиталу нужно концентрироваться, чтобы составить целое и неделимое ядро, сильное и способное конкурировать с госорганами»⁴. Поэтому предприниматели объединялись в разного рода товарищества. Имевшие широкие торговые связи и возможность маневрировать денежными средствами, эти объединения, подчиняя себе мелочную торговлю, становились монополистами на сибирском рынке.

Так, омское «Западно-Сибирское товарищество» братьев Сергеевых, имевшее 11 представительств в различных населенных пунктах Сибири,

¹ Жиромская В.Б. Советский город... С. 82-83; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 440. Л. 179.

² Жиромская В.Б. Советский город... С. 81; Сибирский край. ... С. 30-31.

³ Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.): Доклад комиссии СНК Союза СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929. С. 31.

⁴ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 24.

успешно конкурировало с местными отделениями государственных и кооперативных торговых организаций по купле-продаже продовольственных продуктов¹. На хлебном рынке действовали такие крупные частные предприятия, как иркутское «Забайкальское товарищество», омское товарищество «Степь», бийская фирма «Хлебник», красноярские «Торгово-промышленное товарищество» и компании «Гринберг и Шмулевич», «Цехановский и К°», томская фирма «Дистлер и К°»² и другие. На рынке галантерейных товаров одной из крупнейших в Сибири являлась новосибирская фирма «Оборот», возглавляемая М. Порресом, Б. Шейным и др. Имея своего постоянного представителя в Москве, эта компания вместе с новосибирской фирмой Завольского-Гильверика «Унион» снабжала галантереей не только розничных торговцев города, но и почти всю иногороднюю клиентуру от Урала до Дальнего Востока³. Известными по всей Сибири торговцами мануфактурой являлись: «Иркутское торгово-промышленное товарищество», объединявшее рекордное число совладельцев – 16 человек, барнаульское «Сибирское товарищество», томская компания «Измаилов, Юнусов и К°», новосибирское товарищество «Мануфактура», красноярская компания «Блохин и Ершов»⁴. Среди торговцев железоскобяными товарами на новосибирском рынке широкую известность приобрела фирма «Баканов и Лисицин», постепенно завоевавшая не только городской, но и иногородний рынок, в Омске – товарищество «Скобянник», в Барнауле – возглавляемое Т.Д. Меркушевым товарищество «Железняк»⁵. Крупных индивидуальных частных торговых предприятий в Сибири насчитывались единицы.

В промышленности Сибири цензовые частные предприятия были преимущественно представлены пивоваренными заводами, махорочными и табачными фабриками. Качеством своей продукции славился принадлежавший П.Р. Классену Омский пивоваренный завод «Старая Бавария», выпускавший 2605 гектолитров пива в год, а также Красноярский завод «Пивпром» товарищества «Мушат, Абрамович и К°». Самым крупным частным предприятием по производству махорки была Иркутская фабрика «1-й Колокол», принадлежавшая товариществу «А. Иткин и С. Стем». Работавшая без простоев, имевшая хорошее оборудование, 28 наемных рабочих, фабрика производила 243,8 тонны махорки в год. Около 200 тонн махорки ежегодно выпускали расположенные в Красноярске фабрика «Сокол» братьев Копыловых и фабрика П.П. Ушакова. Крупную табачную фабрику в Красноярске арендовало

¹ ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 65-67об.

² ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 109. Л. 79-79об.; ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 119об.; ГАТО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 1422. Л. 51об.-52.

³ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 114. Л. 56-59об.

⁴ ГАИО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1520. Л. 16-16об.; ЦХАФАК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 133. Л. 14; ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 123. Л. 27; Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 56; ГААК. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 449. Л. 79.

⁵ ГАНО. Ф. 659. Оп. 2. Д. 9. Л. 446; ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 65-67об.; ЦХАФАК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

«Южное товарищество». Предприятие работало 293 дня в году, имело 32 наемных рабочих и выпускало 209,2 тонны продукции в год¹.

Предпринимателями Новосибирска – совладельцами махорочной фабрики «Крестьянин» Мамычевым и Исаковичем, владельцами галантерейно-мехового дела «Братья Самойловы», совладельцем товарищества «Труд» опытным торговцем с дореволюционным стажем Сарычевым и другими – обсуждался вопрос об организации частного золотопромышленного акционерного общества², однако создать его так и не удалось. В целом же процесс акционирования в условиях Советской России 1920-х гг. существенно отличался от подобного в странах с развитой рыночной экономикой. В СССР конкуренция внутри частного сектора ввиду его малочисленности не достигла накала. Что же касается конкуренции между социалистическим и частно-капиталистическим сектором хозяйства, то на экономической, рыночной основе она была невозможна. Поэтому шел процесс «перекрашивания» обычных частных предприятий и товариществ в акционерные общества, по выражению одного из исследователей 20-х гг., «с правительственным штампом»³, который использовался ими для получения кредитов, авансов, неплатежа налогов. В течение 1923-1928 гг. в СССР было зарегистрировано 109 частных акционерных обществ, 68 из них были в разное время ликвидированы по причине финансовой несостоятельности. На 1 октября 1926 г. в СССР действовало всего 74 частных акционерных общества, причем привлеченные деньги, находившиеся в их обороте, более чем в два раза превышали собственные капиталы⁴. Ликвидация обществ в подобных случаях сводилась к тому, что привлеченные, преимущественно государственные средства, перекочевывали в частный карман. Поэтому к идее дальнейшего развития частного акционерного строительства правительство и местные властные структуры относились весьма настороженно.

Большинство предпринимателей, использовавших наемный труд, приходилось на возрастные группы от 30 до 39 лет (см. табл. 5.3).

Таблица 5.3
Распределение частных предпринимателей Сибири
по возрасту (1926 г.)*

Возраст, лет	<19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64	>65
в % ко	1,3	5,9	12,2	17,6	18,7	15,1	11,2	6,8	4,6	3,6	3,2

¹ Вся Сибирь и Дальний Восток: Справочная книга на 1926 год / Под общ. ред. А.М. Тамирина. М.; Л., 1926. С. 571-579; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2. ... С. 422-517.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 24.

³ Тесленко М. Роль частного капитала в акционерном строительстве // Большевик. 1927. №15/16. С. 73.

⁴ Фабричный А. Частный капитал на пороге пятилетки. М., 1930. С. 17.

всей гр. в % к гр. торг.	1,2	5,3	10,6	17,5	19,3	18,2	12,4	6,9	3,1	2,6	2,9
--------------------------------	-----	-----	------	------	------	------	------	-----	-----	-----	-----

* Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г... Т. XXIII.С. 18-19, 60-62, 66.

В группе торговцев многочисленной была также возрастная группа 40-44-летних, что свидетельствовало о том, что частные фирмы в основном возглавлялись людьми, мировоззрение которых сформировалось до революционных событий и установления советской власти. Поэтому они, если и сами не работали раньше на ниве бизнеса, то по крайней мере имели вполне конкретные представления о том, как должен выглядеть и работать частный магазин, как должна строиться деятельность частного завода или мастерской.

Среди предпринимателей было чрезвычайно мало женщин: по отношению к общему числу крупных предпринимателей доля последних составляла лишь 3,6%. Правда, удельный вес женщин по отношению к общему числу торговцев был несколько выше – 18,7%¹. Большинство женщин, возглавлявших частные предприятия, по своему семейному положению были незамужними, преимущественно вдовами, получившими свой бизнес в наследство от мужей. Половой состав предпринимательского сектора являлся отражением общих особенностей профессиональной занятости населения того времени, когда женщины в основном выполняли функции домохозяек.

Средний состав семей предпринимателей несколько отличался от других слоев городского населения. Согласно материалам переписи 1926 г., семья «хозяев с наемными рабочими» в среднем состояла из 4,18 человека, «хозяев без наемных рабочих» – из 4,35 человека, в то время как средняя численность семьи в городах Сибири равнялась 3,74 человека².

Подавляющее большинство семей предпринимателей (94,99%) имело собственные дома. Однако их жилищные условия мало отличались от условий, в которых жили другие городские семьи. В Новосибирске, например, в среднем на 1 жителя приходилось 4,4 кв. м общей площади, а на одного представителя «новой» буржуазии – 5,3 кв. м³.

В группе «хозяев» всех типов уроженцы Сибири составляли немногим более 30%. Все остальные переселились в Сибирь в разное время, в большинстве своем в ходе массовых миграций 1907-1906, 1907-1913, 1917-1920 гг. (см. табл. 5.4). Среди неместных уроженцев самыми многочисленными были переселенцы из Средне-Волжского, Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов, составлявшие соответственно 17,5, 12,6 и 11,8 % от всей группы городских предпринимателей, родившихся за преде-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. ... Т. XXIII. С. 71.

² Петров А.И. Жилищные условия городского населения Сибири // Статистический бюллетень Сибирского краевого статистического отдела ЦСУ СССР. 1929. №15/16. С. 65.

³ Петров А.И. Обследование бюджетов домовладений в Новосибирске и Омске // Там же. 1928. №13/14. С. 186.

лами сибирской территории. В свою очередь, уроженцы Сибири, постоянно проживавшие за границами региона и занимавшиеся постоянно коммерцией, согласно переписи 1926 г., в большинстве своем жили в Бурят-Монгольском и Дальневосточном районах, составляя соответственно 13,7 и 10,7% по отношению ко всей группе коммерсантов-переселенцев, родившихся в Сибири¹.

Таблица 5.4
Предприниматели — неместные уроженцы (1926 г.)*

Продолжит. прожив. в Си- бири, лет	Возраст, лет									Всего
	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	>70	Не указ.	
< 1	144	666	1704	1789	1062	429	103	69	21	5947
1	144	446	1137	1273	757	341	124	24	1	4247
2	87	308	899	1018	630	272	103	19	–	3336
3–5	225	693	2028	2420	1462	630	160	46	–	7764
6–9	295	748	1760	2923	2053	880	347	54	4	9064
10–12	176	525	939	1467	1236	653	283	54	2	5335
13-19	75	1025	1804	2184	2423	1198	597	113	1	9420
20-29	–	–	1170	1706	2408	1602	755	163	–	7804
>30	–	–	–	952	1709	1897	1725	521	–	6804
Не указ.	48	138	422	217	219	109	55	11	7	1226
Итого	1214	4489	11943	15929	13919	7991	4412	1034	16	60947

*Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел III: Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Т. XL. М., 1930. С. 75-77.

Большая доля переселенцев из европейской части СССР в общем составе предпринимателей, с одной стороны, и миграция сибирских предпри-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. ... Т. XL. С. 154-155.

нимателей в восточном и юго-восточном направлениях, с другой стороны, позволяют говорить о своеобразной волне предпринимательской активности, распространявшейся с запада на восток. Предприниматели-«европейцы» завоевывали сибирские рынки, потеснив коренных коммерсантов, часть которых в поисках новых возможностей для бизнеса направлялась в более отдаленные регионы.

Вообще говоря, небывалая мобильность являлась одной из отличительных черт предпринимателей 20-х гг., особенно тех, кто занимался торговлей. Большую часть своей жизни они проводили в разъездах на большие и малые расстояния. Подчеркивая эту особенность их деятельности, М. Шагинян, в частности, писала: «Нэпманы разъезжают. Они магнетизируют собой огромные русские пространства, избывая их с курьерской скоростью, то на крайний юг (Закавказье), то на крайний север (Мурманск, Енисейск), часто взад и вперед без передышки»¹. Постоянные разъезды, как в пределах одного района, Сибирского края в целом, так и за границами сибирских территорий, накладывали существенный отпечаток на весь образ жизни коммерсантов 20-х гг. Находясь в постоянном цейтноте, они пытались успеть не столько победить конкурентов, сколько постараться «урвать кусок», пока для этого складывались благоприятные обстоятельства и пока государственная власть предоставляла им такую возможность.

По манерам поведения, уровню культуры и образования социальная группа «новых» предпринимателей мало отличалась от остальной части населения и включала в себя самые разнообразные типы и характеры, что было неудивительно при столь разнообразных социальных источниках ее формирования. Большинство составляли «нэпманы-демократы», по описанию одного из авторов 20-х гг., – «юркие, жадные, крепколобые и крепкоголовые парни», которым «воздух базара был полезнее и прибыльней атмосферы кафе». В случае удачной сделки «базарный нэпман», по словам того же автора, «радостно хрюкает», а когда сделка срывается, – «с его уст несется сочное, крепкое, как он сам, русское «словцо». Здесь «мать» звучит в воздухе часто и непринужденно»². «Нэпманы благовоспитанные, – по описанию того же автора, – в американских котелках и штиблетах с перламутровыми пуговками совершали те же миллиардные сделки в полумраке кафе, где тонкий разговор велся на тонкой деликатности»³. Здесь звучали французские слова, нередки были учтивые манеры.

Сведения об уровне образования предпринимателей фрагментарны. Перепись населения 1926 г. содержит информацию лишь об элементарной грамотности. По этим данным, 87,6% от общего числа предпринимателей умели читать и писать, что примерно на 10% превышало общий уровень гра-

¹ Шагинян М. Что есть нэпман. ... С. 18.

² Архангельский Н. Нэпо-град // Россия. 1922. №1. С. 19.

³ Там же. С. 20.

мотности самодеятельного населения в городах Сибири¹. С уверенностью можно сказать лишь о том, что владельцы промышленных и торговых предприятий с использованием наемного труда были в состоянии сами довольно грамотно заполнить анкеты и декларации и составить балансы собственных предприятий. В то же время дети представителей «новой» буржуазии, согласно существовавшему законодательству, не имели права обучаться в школах. Не ограничиваясь домашним образованием, частные предприниматели пытались на собственные средства организовать для своих детей специальные школы. Так, в Красноярске в октябре 1925 г. была создана комиссия для ходатайства об открытии школы-девятилетки для обучения детей торговцев². В Новосибирске местные предприниматели неоднократно поднимали вопрос об открытии школы для детей частных торговцев. В ноябре 1925 г. созданная с этой целью школьная комиссия составила проект постройки на средства частных торговцев школ первой и второй ступени, в которых должно было обучаться 85% детей торговцев и бесплатно – 15% детей рабочих³. В Иркутске при товарной бирже был создан комитет содействия промышленно-экономическому образованию, на нужды которого биржа отчисляла 5% от валового дохода. Осенью 1925 г. на эти средства была открыта школа конторско-торгового ученичества с 32 учащимися. Подготовка велась по двум основным направлениям – финансово-бухгалтерскому и торгово-кооперативному. Помимо обычных школьных предметов – родного языка и литературы, алгебры, геометрии, географии, биологии, химии, физики, учебный план включал изучение коммерческих вычислений, счетоводства, основ хозяйственного права, товароведения и других специальных дисциплин⁴. 1 сентября 1926 г. состоялся набор еще одной группы учащихся. Однако повсеместно добиться создания школ для обучения своих детей предпринимателям не удалось.

Известно, что предпринимательство, понимаемое в широком смысле слова как инициативная, самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск, под свою имущественную ответственность деятельность⁵, главной своей целью, как правило, имеет систематическое получение прибыли, дохода от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Помимо получения дохода имеются и другие мотивы предпринимательства – стремление к нововведениям, желание принести пользу обществу и т.п. Однако последние в большей степени характерны для цивилизованного предпринимательства, осуществляемого в благоприятной экономической среде при соответствующих политических условиях, которые в России 20-х гг. отсутствовали. Осуществляемая большевистским правительством новая

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. ... Т. XXIII. С. 18-19, 60-62, 66.

² ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 13. Л. 54.

³ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.

⁴ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 74. Л. 132-133об.; Д. 82. Л. 58-58об.

⁵ Райсберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.В. Современный экономический словарь. М., 1996. С. 254-255.

экономическая политика, несмотря на заявление В.И. Ленина о необходимости ее проведения «всерьез и надолго», ни в один из своих периодов не давала прочных гарантий для деятельности частных собственников.

Сами условия, в которых развивался частный бизнес 20-х гг., формировали особенности поведения предпринимателей. Весьма точно охарактеризовал государственную политику этого периода в отношении частного капитала принадлежавший к социал-демократическим кругам русской эмиграции 20-х гг. экономист А. Югов: «Сегодня частному промышленнику сдают в аренду предприятие или разрешают торговлю, а завтра, ввиду нового зигзага политики, его разоряют и ссылают к Полярному кругу. Сегодня разрешают частные ОБК, а завтра, придравшись к ничтожным нарушениям формальных норм, их закрывают. Особым декретом демунципализируют нерентабельные дома, а через несколько лет, после того, как частные владельцы привели дома в порядок, их снова отбирают, так как они стали рентабельны»¹. По мнению С. Кона, одного из авторов вышедшего в 20-е гг. в Праге «Русского экономического сборника», в таких условиях, «когда специально против частного капитала как конкурента государства на экономическом поприще направляется целый арсенал средств – от тягчайших налогов и сборов до отказа в кредите, в отпуске товаров, в перевозке грузов, – тогда на работу в качестве частных торговцев и промышленников могут идти, казалось бы, только авантюристические элементы, причем, нажившись, тут же нажитое богатство и проматывать, ибо копить его на предмет конфискации тем или иным порядком – бессмысленно»². Поэтому главным и зачастую единственным стимулом для разного рода коммерческой деятельности в 20-е гг. стало получение дохода любым способом из любого предприятия как можно быстрее и во что бы то ни стало.

Большая часть предпринимателей не имела ничего общего со старой, по выражению П.А. Сорокина, «импотентной» буржуазией³, которая составляла, как точно заметил другой известный эмигрант С.О. Загорский, «по своему количеству и своему социальному составу своего рода аристократию, привыкшую к государственной опеке, с психологией мечтательных, непрактичных, нереалистично настроенных промышленных деятелей»⁴. Эта новая во всех отношениях буржуазия первоначально зачастую не имела никаких материальных средств для организации собственного бизнеса и могла их заработать только путем спекуляций, законного или незаконного использования государственной собственности. Неслучайно А. Югов подчеркивал, что «новая» буржуазия «страдает всеми грехами темных рыцарей первоначального накопления»⁵. Тонкая же прослойка коммерсантов, сохранивших ча-

¹ Югов А. Народное хозяйство советской России... С. 301.

² Кон С.С. Опыт советской национализации // Нэп: взгляд со стороны. ... С. 99-100.

³ Сорокин П.А. Современное состояние... С. 30.

⁴ Загорский С.О. Новая Россия. Экономические предпосылки // Заря. 1922. №6. С. 163.

⁵ Югов А. Кризис нэпа // Социалистический вестник. 1923. №21/22. С. 7.

стично свой капитал или свой бизнес с дореволюционных времен, воочию наблюдавшая проводимые под эгидой большевистской власти сплошные конфискации частной собственности под лозунгом «грабь награбленное», была раз и навсегда напугана этой властью и сотрудничество с ней рассматривала лишь как временный и шаткий, причем с обеих сторон, компромисс. Отсюда – забвение и этой частью, казалось бы, цивилизованных предпринимателей многих правил честной коммерции.

Первоначальное накопление частного капитала, вообще говоря, нигде и никогда не отличавшееся особой нравственной чистотой и добродетельностью, в специфических условиях Советской России приобрело еще более хищнические и варварские черты. Прямой обман граждан и целых организаций, получение кредитов под никогда не существовавшие предприятия, контрабанда и валютные махинации, отчаянная спекуляция, прикрываемое взятками государственным чиновникам расхищение принадлежавших государству разнообразных ценностей и т.п. входили в число способов первоначального накопления частного капитала. В связи с этим нэпманов в большинстве случаев вполне заслуженно награждали самыми разнообразными нелицеприятными эпитетами. Так, «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)» были твердо уверены, что в этом «сброде без всякой физиономии... собралось все жулье, все социальные отбросы, не приставшие ни к тому, ни к другому берегу, воровавшие и у белых, и у красных, не стеснявшиеся в приемах и средствах»¹. Профессор Ленинградского университета В.Г. Тан-Богораз при характеристике нэпманов тоже не стеснялся в выражениях. «Бритый, в тубетейке, но с сердцем мохнатым, с гориллыными лапами и волчьими глазами, проворный и безграмотный даже по советской фотографии»², – таков, по его мнению, «новый» предприниматель.

Наибольшее раздражение у обывателей вызывал непроизводительный характер частного предпринимательства, его ориентированность на торговую-посредническую сферу. Явно спекулятивный характер многих коммерческих предприятий настолько бросался в глаза, что стал предметом многочисленных частушек. «Ох, Машенька, что за нация! Кругом саботаж, спекуляция», – сетовали посетители Иркутского рынка³.

Авантюризм и тяга к разного рода махинациям порождались в предпринимательской среде и постоянной необходимостью «договариваться» с помощью взяток с работниками государственных хозяйственных структур относительно получения товаров, с фининспекторами – относительно величины налогов, с работниками банков – насчет получения кредитов и т.д. За рамками же этого порочного круга предпринимательская деятельность становилась попросту невозможной. Живую картину процесса подобного «дого-

¹ Перимов А. Новая буржуазия и культурная борьба с ней // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. №49. С. 12.

² Тан-Богораз В.Г. В окружении нэпа // Россия. 1922. №4. С. 12.

³ Жизнь. 1924. №1. С. 304.

вора» приводит в своих воспоминаниях В.А. Гиляровский: «Вот за шампанским кончает обед шумная компания... Всканивает, жестикулирует, убеждает кого-то франт в смокинге, с брюшком. Набеленная, с накрашенными губами дама курит папиросу и пускает дым в лицо и подливает вино в стакан человеку во френче. Ему, видимо, неловко в этой компании, но он в центре внимания. К нему относятся убеждающие жесты жирного франта. С другой стороны около него трется юркий человек и показывает какие-то бумаги. Обхватываемый отводит руки и не глядит, а тот все лезет, лезет...»¹.

«Онэпивание» стало настоящей угрозой для партийно-советской номенклатуры. Журнал «Большевик» с тревогой писал о «неустойчивых товарищах», участвовавших в вечеринках с «чуждым элементом», предоставлявших ему поручительство и собственное покровительство, – словом, устанавливавших «смычку с буржуазным миром»². Зачастую интересы «новых» предпринимателей и советских хозяйственников настолько тесно переплетались, что создавалось впечатление, что, как те, так и другие, были заинтересованы в сохранении переходного состояния экономики, в котором легче всего было «обделывать» сомнительного рода сделки.

Действительно, «новые» предприниматели не стремились к реставрации дореволюционного строя. Они отнюдь не желали возврата земель, фабрик, магазинов, жилых домов тем, кто владел ими до революции. Они даже испытывали своеобразную благодарность советской власти, отобравшей собственность у одних и передавшей право другим, именно им, пользоваться этой собственностью и обогащаться с ее помощью. Как весьма точно выразился один из лидеров социал-демократии 20-х гг. российский эмигрант С. Иванович, «обогащавшиеся элементы» испытывали «некоторую субъективную заинтересованность в существовании советской власти, которая так чудесно вывела их из грязи в князи»³.

Этот «первородный грех» «новой» буржуазии – то, что она образовалась на фоне большевистского переворота, уничтожившего все буржуазные ценности, – по выражению одного из большевистских изданий, «долго еще будет болтаться камнем на шее у всяких попыток построить цельное мирозерцание нового класса»⁴. Однако, как верно заметил С. Иванович, «допрыгавшись до чертиков, когда все уже будет разграблено, разворовано и насквозь проспекулировано», «новый» предприниматель «начнет терять себе лоб и однажды возропчет: клади об это самое место конституцию»⁵. Иначе его богатство, добытое правдами и неправдами, в конце концов, могло исчезнуть.

Не прошло и трех лет с момента легализации частного бизнеса, как «новые» предприниматели, пройдя тернистый путь, по выражению С.О. За-

¹ Гиляровский В.А. Избранное: В 2-х т. Т. 1. Куйбышев, 1965. С. 154.

² Матч Э. Партийная этика // Большевик. 1924. №11. С. 19.

³ Иванович С. Когда спящий просыпается // Заря. 1922. №6. С. 161.

⁴ Перимов А. Новая буржуазия и борьба с ней. ... С. 14.

⁵ Иванович С. Когда спящий просыпается. ... С. 161

горского, «через огонь «мешочничества», через воду планового хозяйства и через медные трубы хозяйственного расчета»¹ и сделав определенные накопления, начали все более отчетливо осознавать подвешенность и ущербность своего положения, бесперспективность своего бизнеса. «Где же наша свобода? – задавал вопрос через «Крестьянскую газету» предприниматель, не рискнувший полностью указать свою фамилию. – Я зажиточный, всегда работаю, днем и ночью нет покоя, беспокоюсь уплатить государственные налоги, вообще стараюсь быть государственным любимцем, а оно, наоборот, за то, что я богатый, лишит меня права голоса, ибо я опасный элемент»².

Другой, как он сам себя называл «маленький нэпман», в разговоре с одним из авторов «Новой России» так передал собственное мироощущение: «Вы слышали о рыбьем жире? Рахитичному мальчику доктор прописал рыбий жир. Но это же невкусно – тьфу! – паскудство. Так мама ему говорила: «Выпей ложку, я брошу для тебя в сберегательную шкатулку копейку». Мальчик пил каждый день – что можно делать? – копейка пригодится. А когда в шкатулке накапливалось довольно, а мальчик спал, мама вынимала деньги и покупала... рыбий жир. Это же почти как *perpetuum mobile*. Весь наш заработок – это копейка в шкатулке. Когда наполнится, наша советская мамаша выймет, чтобы опять был рыбий жир. Но мальчик от рыбьего жира поправляется, а я – посмотрите на меня! – я же чахотка. И у меня больше нет сил платить налоги»³.

Что же дальше? Этот вопрос к середине 20-х гг. приобрел жизненно важное значение для большинства предпринимателей, которым уже было что терять и которые мало-помалу приходили к осознанию необходимости твердого соблюдения законов, защищавших от всевозможных посягательств имевшуюся в их руках собственность и сделанные с большим трудом накопления.

В этих условиях наряду с откровенными «рыцарями наживы», жившими одним днем, становилось все больше коммерсантов, пытавшихся следовать лучшим традициям дореволюционного предпринимательства. Они дорожили престижем своего дела, хранили верность слову, стремились добиться прибыли хорошей работой. Некоторые из них пользовались доверием и уважением даже финансовых органов. Нарушение заповедей частной торговли воспринималось в таких кругах как нечто из ряда вон выходящее и становилось предметом публичных разбирательств. Так, общее собрание частных торговцев Красноярска, состоявшееся 25 ноября 1925 г., публично осудило встречавшиеся на рынке единичные случаи, «когда мелкий торговец позволял себе обвесить или обмерить покупателя, что бросает невыгодную тень на всех торговцев»⁴. Собрание вынесло решение в случае повторения

¹ Загорский С.О. К социализму или к капитализму. Прага, 1927. С. 294.

² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 245.

³ Лежнев И. Госшапка // Новая Россия. 1926. №1. С. 23.

⁴ ГАКК. Ф. 822. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

подобных явлений ходатайствовать перед местным втуоргом о лишении патентов «запятнавших» себя торговцев.

Стремление к честному бизнесу в предпринимательских кругах было столь очевидным, что имитировалось даже в играх детей, весьма далеких по своему социальному происхождению от «новой» буржуазии. Доктор исторических наук А.П. Марков, детские годы которого прошли в сибирском городе Киренске, вспоминал, что игра «в торговлю» была чрезвычайно популярна в годы нэпа. Причем «владельцы лавки», входя в роль, коренным образом преобразались, «становясь вежливыми, предупредительными, избегали грубых слов. Говорили «будьте добры», «пожалуйста»» и другие слова, которые в обычных условиях употреблялись еще крайне редко. При этом вежливое обращение, как и честная торговля, – подчеркивал А.П. Марков, – были обязательны»¹.

В отличие от политических руководителей и советских государственных чиновников, твердо уверенных, что «нэпману и кулаку скоро придет конец», сами предприниматели питали иллюзии возможности сохранения длительного и даже постоянного альянса с большевистской властью. С одной стороны, без подобных установок им весьма сложно было бы строить свою деятельность, поскольку тогда она не имела бы никакой перспективы и сделанные накопления нельзя было передать по наследству. С другой стороны, само государство, то заигрывавшее с частными предпринимателями и заявлявшее о готовности сотрудничать с ними, то зажимавшее частную инициативу в тесные налоговые и кредитные тиски, давало поводы для таких иллюзий. Помимо этого, люди, занятые в сфере бизнеса, в большинстве своем были твердо уверены в настоятельной необходимости своей деятельности именно для государства и не представляли себе иного общественного строя, кроме того, который бы ориентировался на рыночные отношения. Это питало их надежды на то, что рано или поздно здравый смысл победит, власть «остановится» и примирится с частным капиталом.

Не делая глубокомысленных рассуждений о перерождении и буржуазной трансформации большевистской власти, предприниматели стремились внедрить своих представителей во властные структуры – налоговые комитеты, отделы местного хозяйства и даже советы, чтобы способствовать принятию конкретных решений в собственных интересах. Что же касается активных политических выступлений против существовавшей власти, заговоров с целью ее свержения или подготовки к таковому, то в Сибири их не удалось обнаружить даже органам ОГПУ². Встречались лишь отдельные высказывания, кулуарные разговоры, направленные против советской власти, тех предпринимателей, кто понес большие убытки в результате налогового прессинга, либо пострадал каким-то другим образом в результате конкретных действий местных органов власти. Так, известный в Мариинске торговец Ф.А. Волков,

¹ Марков А.П. Как это было. ... С. 72.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26об.

в прошлом владелец столярной и скипидарной мастерских, потерявший свое имущество из-за неуплаты налогов, предрекал скорое падение советской власти, называя государственных чиновников «мерзавцами», «жуликами», «головорезами»¹. Однако случаи таких откровенных публичных высказываний встречались крайне редко, поскольку открыто высказывать подобные взгляды было делом небезопасным.

Частные предприниматели 20-х гг. подчеркнуто дистанцировались от дореволюционного купечества, роль которого, по их мнению, по отношению к государству сводилась к требованию покровительственных пошлин и выгодных заказов. «Новое купечество – это не то купечество, которое давало много материала для типов бессмертных комедий Островского, но мало для пользы общества», – заявлял член иркутского общества взаимного кредита А.М. Свердлов². Болезненно воспринимая высказывания о том, что «нэпманы только против своей воли приносят пользу государству», предприниматели настаивали на том, что они вполне сознательно стремятся «принести посильную помощь в развитии производительных сил нашей республики». Выступая на собрании торговцев Иркутска в мае 1925 г., один из уважаемых в городе предпринимателей Лазебников заявил: «Находясь в Советской России, мы понимаем, что все мы должны стремиться к тому, чтобы работать совместно с властью»³.

Рассуждения коммерсантов свидетельствовали о том, что они, несмотря на удаленность от центра, не только были в курсе всех событий и недавних государственных решений, но и видели свое место в их реализации. С удовольствием цитируя рассуждения Л.Б. Каменева о способах разрешения проблем торгового капитала в стране, сибирские торговцы видели себя тем инструментом, который вместе с госторговлей и кооперацией «даст хорошую советскую мелодию»⁴. Параллельно с этим они расценивали частную торговлю как своеобразный кнут для кооперации, заставлявший ее здоровой конкуренцией снижать цены и накладные расходы, т.е. делать то, в чем бессильны все пожелания и резолюции.

В свою очередь государственная власть все отчетливее осознала, что необходимо было, если не полностью преодолеть противоречие между политической монополией большевистской партии и лишенным политических прав и свобод интенсивно развивавшимся частным сектором экономики, то хотя бы смягчить его. В противном случае был неизбежен процесс массового коррумпирования советских чиновников, лоббирования принятия тех или иных решений в интересах определенных экономических сил.

Поскольку предполагалось еще некоторое время использовать частный капитал, со стороны государственного аппарата в 1925/26 г. были предприня-

¹ Там же. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 2095. Л. 118.

² ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 30.

ты попытки совместных с представителями частного капитала обсуждений перспектив дальнейшего взаимодействия. Одним из первых мероприятий такого рода стал диспут в Московском Политехническом институте 12 ноября 1925 г. по проблемам оздоровления товарооборота, куда были приглашены работники ВСНХ и частные предприниматели. В своих выступлениях члены правления Московского ОВК Д.Н. Чегодаев и А.М. Синелобов связали перспективы развития частной промышленности и торговли с уравниванием частных и кооперативных торговцев в получении товаров, предоставлением долгосрочных кредитов частной промышленности, урегулированием снабжения последней сырьем. Главным и неперемнным условием дальнейшего оздоровления коммерческой деятельности, как они считали, являлось «расширение правового положения частного капитала»¹.

По заданию правительства Совет съездов представителей биржевой торговли через секции частной промышленности и торговли при региональных товарных биржах пытался определить и сделать достоянием органов власти то, что сами предприниматели видели негативного в отношении к ним властьпредержавших и как представляли себе улучшение взаимовыгодного сотрудничества с государством. Примечательно, что вопросы анкеты были составлены таким образом, что затрагивали лишь отдельные организационно-экономические стороны взаимодействия государственных и частных структур: условия отпуска товаров государственной промышленностью и государственной оптовой торговлей частному торговому сектору, условия банковского кредитования частной торговли, формы объединений частных торговцев и т.п.

Содержание ответов на предложенные в анкете вопросы свидетельствовали, что перспективы оздоровления и дальнейшего развития частной торговли в контексте государственных интересов и приоритетов частные предприниматели видели: 1) в уравнивании их прав с представителями государственной розничной торговли и кооперации как в отношении размеров и сроков товарного кредита, так и в отношении ассортимента и цен отпуска товаров; 2) в расширении частной оптовой торговли; 3) в недопустимости государственной регламентации цен в частном секторе; 4) в увеличении кредитования частных предприятий как через сеть обществ взаимного кредита, так и через местные отделения Госбанка и акционерные банки; 5) в снижении учетной ставки до уровня 10-12% годовых при выдаче предпринимателям денежных кредитов; 6) в широком привлечении коммерсантов к работе учетно-ссудных комитетов кредитных учреждений². Если суммировать эти предложения, от они главным образом сводились к замене дискриминационной экономической политики государственных структур по отношению к частному капиталу на политику взаимодействия и равного партнерства в интересах оздоровления экономики и развития рыночных отношений.

¹ Торгово-промышленная газета. 1925. 13 нояб.

² ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 69. Л. 151, 152-153; ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 81. Л. 7-10, 22-24об.; и др.

Анкетирование среди представителей «более или менее крупного частного капитала» по вопросу о перспективах сотрудничества коммерсантов с государством попыталась провести «Торгово-промышленная газета». Прессинг государства был настолько ощутим, что, отвечая на безобидные вопросы анкеты, коммерсанты предпочли не называть своих фамилий. Но даже не назвав себя, они высказывались в адрес власти весьма осторожно. Отдавая себе отчет в незыблемости политической диктатуры большевиков, предприниматели предлагали хотя бы «отвинтить некоторые гайки», чтобы имевшийся в стране «бездействовавший частный капитал, представлявший на теле денежной системы страны грандиозный нарыв» наконец-то нашел себе полезное применение¹.

На расширенном совещании, организованном Иркутским губисполкомом совместно с местным биржевым комитетом, 350 присутствовавшим там предпринимателям было предложено «высказаться совершенно свободно и откровенно о всех своих нуждах без страха и боязни за то, что это вызовет какие-либо кары против них»². Общий доверительный тон совещания, выглядевшее довольны искренним стремление местных хозяйственных руководителей «создать здоровые условия для работы частного капитала» побудили представителей коммерческих кругов быть более откровенными, чем при различных опросах и анкетированиях, в формулировке своих претензий к власти.

В первую очередь эти претензии касались политически ангажированного налогового обложения, которое в ряде случаев приобретало анекдотические размеры: «покойные» к тому времени фирмы, несмотря на свои мизерные обороты, облагались подходящим налогом по не существовавшим 82 и даже 98 разрядам³. Местные налоги и сборы также являлись несопоставимыми по своим размерам для частных предпринимателей и представителей кооперации, не говоря уже об арендной и квартирной платах.

Вторая проблема, поднятая коммерсантами, касалась товарного снабжения частного сектора. По словам одного из выступавших, в этом вопросе истинное отношение государства к частному торговцу ощущалось наиболее отчетливо. «Приходишь за покупкой товара, видишь – лежит товар, но когда хочешь его взять, то отвечают, что это Вас не касается, это не для Вас, а для кооперации», – сетовал владелец магазина⁴.

Тревожило предпринимателей и будущее их детей, которые, как и их родители, были лишены всех политических и социальных прав, в том числе, что воспринималось наиболее болезненно, – права получать образование.

Главную причину всех этих конкретных проявлений политики неравенства по отношению к «новым» предпринимателям и их семьям коммер-

¹ Торгово-промышленная газета. 1926. 25 февр.

² ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 32.

санты видели в общегосударственной концепции использования частного капитала в ограниченных временных рамках. Они не верили, что реально что-то может измениться в этой государственной политике, «покамест самое занятие торговлей считается вредным» и пока слово «торговец» является «чуть ли не ругательным». Но и в этих условиях «купечество вправе мечтать, – говорил один из иркутских предпринимателей, – что из парней отверженных оно превратится в граждан своей республики, что дети наши не будут стыдиться занятий своих отцов и при поступлении в учебные заведения не будут мечтать о «папе от станка»¹. Таким образом, радикальное преодоление дискриминационной по отношению к представителям частного капитала государственной политики коммерсанты связывали не только с отдельными мерами организационно-экономического характера, но и с радикальным изменением их политического статуса в государстве. Призывая властные структуры не мерить всех на один аршин и твердо рассчитывать на плодотворное сотрудничество, предприниматели уверяли, что если условия их деятельности изменятся, отпадет необходимость скрывать действительные обороты предприятий, идти на другие правонарушения.

Преодолев многие присущие периоду первоначального накопления капитала болезни, частный бизнес к середине 20-х гг. начал играть не только позитивную, но и созидательную роль в экономике. «Новые» предприниматели продемонстрировали всему обществу свои умения налаживать хозяйственные связи, развивать торговлю, насыщать рынок необходимыми для населения товарами. Эта созидательная роль частного капитала была настолько очевидна, что несмотря на активно проводимую на государственном уровне антибуржуазную пропаганду и нагнетание враждебности по отношению к «чуждым социалистическому строю элементам», некоторые рядовые граждане откровенно признавались, что не представляют свою повседневную жизнь в будущем без существования в экономике частного сектора. Так, член ВКП(б) рабочий Н.Д. Богомолов в письме на имя И.В. Сталина прямо говорил, что до революции «всего было больше», а теперь «сапог нет». «Дали бы частнику свободу, нас бы завалили» – уверял Н.Д. Богомолов. Не стесняясь своих многочисленных ошибок, как он сам подписался – «Ваня Николиевич из Нарыма» предложил правительству «проделать» его предложение: «дать всем вольною торговлю». В коллективном письме на имя А.И. Рыкова рабочие требовали открыть частные заводы, фабрики и частную торговлю. «Частник, не прижатый налогами, все найдет,» – писали они². Однако людей, враждебно настроенных по отношению к «новым» предпринимателям было несравнимо больше, что создало в дальнейшем социальную опору для проведения государственной кампании вытеснения и ликвидации частного капитала.

¹ ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

² Голос народа. ... С. 267-268, 274, 321.

Реальная созидательная роль, которую к середине 20-х гг. играли «новые» предприниматели в возрождении торговли, восстановлении экономики в целом, в совокупности с сосредоточенными в их руках ценностями, осознанием частью коммерсантов тождественности их интересов интересам создания «здоровой» экономики позволяют судить о частном предпринимательстве 20-х гг. как о реальной основе и об одном из действенных источников дальнейшей модернизации. Однако претворение в жизнь идей о столь плодотворно складывавшихся взаимоотношениях между предпринимателями и властью оставалось маловероятным в силу двух взаимосвязанных обстоятельств: политической установки правительства, делавшей компромисс с частным капиталом временным и ограниченным, и поведения самих предпринимателей, постоянно ощущавших, что почва уходит из-под ног и надо искать новые лазейки, чтобы остаться «на плаву».

5.2. ОРГАНИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ ТОРГОВЦЕВ И ПРОМЫШЛЕННИКОВ

Лишение, согласно Конституции СССР, частных торговцев и промышленников, а также всех граждан, живших «на нетрудовые доходы», многих социальных и политических прав, а также то демонстративная, то скрытая враждебность государственных структур по отношению к развитию частного капитала вынуждали предпринимателей использовать собственные хозяйственные организации и объединения для отстаивания своих и так ограниченных прав и для защиты собственных интересов. Такими организациями являлись рыночные комитеты, общества взаимного кредита, «Кредит-бюро» и секции частной промышленности и торговли при товарных биржах.

Рыночные комитеты первоначально создавались для координации усилий торговцев по наведению порядка и поддержанию соответствовавшего санитарным нормам состояния торговых площадей при рынках городов. В их задачи входило также наблюдение за тем, чтобы в пределах города не производилась торговля без патентов или торговля, закрытая за неуплату налогов, и не продавались товары, подлежащие акцизному обложению без установленных бандеролей; оказание содействия налоговым органам в выяснении оборотов торговцев города, учет всех торговцев, объединяемых комитетом, и ведение их точных списков¹.

В первые месяцы работы рыночные комитеты объединяли под своей эгидой лишь торговцев, имевших свои лавки и магазины на базарных площадях. В дальнейшем их функции были территориально расширены и стали охватывать все торговые предприятия города и близлежащих слобод. С образованием секций частной промышленности и торговли при товарных биржах сфера компетенции рыночных комитетов вновь была ограничена базарными

¹ Канторович Я.А. Частная торговля и промышленность... С. 70.

площадями. Правда, это перераспределение не везде прошло гладко. В Иркутске, например, самой секции частной торговли и промышленности при товарной бирже пришлось напоминать рыночному комитету, что сфера деятельности последнего должна ограничиваться лишь непосредственно территорией рынка¹. На деле рыночные комитеты продолжали оставаться организацией, объединявшей интересы городской частной торговли в целом, хотя по своему назначению они задумывались государственной властью не как самостоятельные организации частных предпринимателей, а как контрольно-наблюдательные структуры, выполнявшие большей частью техническую работу и помогавшие государству осуществлять контроль за деятельностью частного капитала.

На практике от рыночных комитетов зависело многое в повседневной жизни базаров с их разнообразными проблемами (распределение мест для торгующих, согласование в определении размера арендной платы за то или иное место на рынке и т.п.). Постоянно ощущая, как и чем живет частный торговый сектор, рыночные комитеты как, пожалуй, никакая другая структура, в повседневной жизни ощущали проблемы, мешавшие развитию частной торговли. Это побудило, в частности, Красноярский комитет рыночных торговцев предпринять активные меры к созыву всесоюзного съезда частной торговли для «выявления перед властью вопросов практической деятельности частного капитала»². С этой целью Красноярский рыночный комитет обратился в мае 1925 г. с инициативным письмом к президиуму секции частной торговли и промышленности при Новосибирской товарной бирже о созыве сначала сибирского съезда частной торговли. Получив отрицательный ответ, комитет командировал своего представителя в Москву для выяснения возможности созыва съезда и разослал более 30 писем рыночным комитетам городов Сибири, а также Москвы, Перми, Самары и других.

Рыночные комитеты пытались протестовать против высоких налогов и непомерной арендной платы, против сковывавших торговлю распорядков торговли с двухчасовыми перерывами на обед³. Правда, иногда, не желая идти на дополнительные траты, рыночные комитеты за сиюминутной выгодой не видели перспектив. Так, при сдаче в аренду Новосибирским отделом местного хозяйства мест для застройки новых торговых корпусов, торговцы, под руководством рыночного комитета, недовольные размером арендной платы, бойкотировали торги, из-за чего последние два раза откладывались. И только под угрозой отдела местного хозяйства с помощью пожарной дружины снести старые торговые ряды и самому приступить к строительству новых торговцы приняли участие в торгах⁴.

¹ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 81. Л. 6-6об.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26об.

³ ЦХАФАК. Ф. 16. Оп. 3. Д. 30. Л. 296-296об.; ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 14. Л. 12-12об.; и др.

⁴ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 25об.

Фигура председателя рыночного комитета зачастую оценивалась как ключевая в решении жизненно важных для частных предпринимателей вопросов. В комитетах шла борьба между различными группами торговцев за преобладающее влияние на председателя. Председатель Томского рыночного комитета владелец крупного кожевенного завода М.И. Шкундин, действуя в интересах крупного торгового капитала, имевшиеся в распоряжении комитета 9000 руб. предпочел не вкладывать в благоустройство рынка, а использовать в виде кредита крупным предпринимателям, хотя подобные действия не предусматривались уставом комитета¹. В свою очередь государственные организации стремились «посадить» на место председателя рыночного комитета «своего» человека, чтобы через него сделать комитет более управляемым с точки зрения подчинения государственным интересам. В Красноярске эти попытки увенчались успехом. На одном из собраний, проходившем с заведомым нарушением регламента (в голосовании принимали участие кустари и служащие), председателем рыночного комитета был избран не торговец, а в члены правления – кустари². Это вызвало бурную негативную реакцию местных торговцев, и решением внеочередного собрания результаты выборов были признаны недействительными. В то же время сами государственные и кооперативные торговые организации отнюдь не стремились принимать активное участие в работе рыночных комитетов, особенно в разделении с частными торговцами затрат по строительству новых корпусов, благоустройству и облагораживанию базарных площадей. Дело доходило до того, что сами предприниматели, обращаясь в биржевой комитет и другие инстанции, ссылаясь на распоряжения правительства, пытались напомнить государственным и кооперативным структурам их обязанности по поддержанию рыночных площадей в соответствовавшем санитарно-гигиеническим нормам порядке³. Но и после этих обращений мало что менялось.

Другим объединением частных, преимущественно финансовых, интересов предпринимателей стали общества взаимного кредита (ОВК). Вместе с благоприятствовавшей частному предпринимательству политикой и связанной с этим возможностью получения государственных кредитов с 1924/25 г. по 1925/26 г. число ОVK по СССР возросло с 36 до 182, на 185% увеличилась численность их состава, на 302% – сумма балансов обществ. В 1925/26 г. рост численности и экономического потенциала ОVK продолжился, хотя и не смог достичь довоенных показателей: в 1913 г. в стране насчитывалось 932 ОVK, объединявших около 600 тыс. членов, при балансе этих обществ в сумме больше 1 млрд руб., а в 1926 г. в СССР работало 276 обществ с 99,1 млн руб. общей суммы баланса⁴, то есть в 10 раз меньшей. Несмотря на это обстоятельство и то, что удельный вес сводного баланса ОVK в общей системе дей-

¹ Там же.

² ГАКК. Ф. 822. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

³ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 81. Л. 6-6об.

⁴ Сокольский А. Банковское кредитование частной торговли // Частная торговля Союза ССР. ... С. 83, 84, 99; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 899. Л. 9, 15.

ствовавших в СССР банков составлял всего 1,1% общего баланса всех банковских учреждений страны, а в Сибири – 1%¹, в абсолютных размерах суммы кредитования частного сектора государством и через ОВК были почти одинаковыми, что свидетельствовало о важной роли обществ взаимного кредита в развитии частного капитала.

На территории Сибири в первые годы нэпа были открыты три общества взаимного кредита – в городах Красноярске, Томске и Омске. Создание обществ проходило под влиянием общей хозяйственной конъюнктуры, изменений государственной политики по отношению к частному капиталу и благодаря личной инициативе сибирских и московских предпринимателей.

В конце 1922 – начале 1923 г. созданное крупными предпринимателями Москвы бюро по организации региональной сети ОВК под председательством А.К. Парамонова направило письма и соответствующие пакеты документов (примерный устав общества, пропагандистские материалы) во многие наиболее крупные и экономически мощные центры республики². В Омске идея создания общества, возникшая у местных коммерсантов еще летом 1922 г., получила дополнительный импульс после того, как один из омских предпринимателей Теплов во время поездки в Петроград познакомился с деятельностью Петроградского ОВК и привез оттуда устав общества³. В Барнауле ОВК было создано по инициативе базарного комитета⁴. Иногда образованию общества предшествовала длительная бумажная эпопея. Так, иркутским предпринимателям потребовалось около года для того, чтобы зарегистрировать свое общество и приступить к работе⁵. Тем не менее в 1925/26 г. во всех крупных и средних по численности населения городах Сибири – Барнауле, Бийске, Благовещенске, Верхнеудинске, Иркутске, Канске, Кузнецке, Красноярске, Новониколаевске, Омске, Томске – были созданы ОВК. Данные о времени возникновения, динамике численности и изменениях размера уставного капитала наиболее крупных обществ отражены в таблице 5.5.

Каждый предприниматель, пожелавший вступить в общество взаимного кредита, обязан был внести в кассу ОВК наличными деньгами 10% от суммы, которую он рассчитывал получить в будущем в кредит, и представить обязательство в том, что помимо ответственности по своим личным долгам обществу он принимает на себя также ответственность по операциям общества в размере, равном сумме открытого ему кредита. При этом минимальный размер допускаемого отдельному лицу кредита устанавливался в 100 руб. (в Барнауле) – 250 руб. (в Томске), а максимальный – в 2500 руб. (в Бар-

¹ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 333.

² ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 33. Л. 49.

³ ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

⁴ Отчет о деятельности Барнаульского общества взаимного кредита за время с 1 сентября 1925 г. по 1 октября 1926 г. (первый операц. год). Барнаул, 1927. С. 6-7.

⁵ ГАИО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 13. Л. 18-21.

науле) – 7250 руб. (в Томске)¹. В отдельных случаях, в виде исключения, в зависимости от развития дел в самом обществе размер кредита мог быть еще увеличен до 15000-25000 руб.² Однако фактически наиболее распространенным размером кредита была сумма в 445-550 руб., выдаваемая на 1-2 месяца в среднем под 2-3% в месяц³. Размеры процентных ставок в различных обществах во многом зависели от общего состояния дел и зачастую отличались друг от друга (см. табл. 5.6), но всегда были ниже ростовщического процента «черного» рынка, который составлял от 6% до 36% в месяц⁴.

Таблица 5.5

Общества взаимного кредита Сибири*

Название	Дата образования	На время образования		На 1 октября 1926 г.	
		численность, чел.	капитал, руб.	численность, чел.	капитал, руб.
Барнаульское	2 июля 1925 г.			512	45514
Бийское	1925 г.	21	1533	324	19393
Иркутское	23 февраля 1925 г.	–	–	688	76390
Канское	1926 г.	117	5000	245	10391
Красноярское	20 февраля 1923 г.	–	–	363	38096
Новосибирское	29 апреля 1924 г.	60	1291	631	70016
Омское	10 марта 1923 г.	98	3040	465	55501
Томское	15 июня 1923 г.	64	2600	710	46675
Итого		51	2241	3938	361976

*Сост. по: ГААК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 43, 104; Д. 39. Л. 5; ГАИО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 13. Л. 18-22; Д. 20. Л. 15об.; ГАКК.1 Ф. 606. Оп. 1. Д. 24. Л. 169; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1447. Л. 3-3об.; Д. 1453. Л. 1-1об., 47-54; Д. 1914. Л. 332, 334; Д. 1918. Л. 37-37об.; ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 33. Л. 2, 51-51об.

Таблица 5.6

Процентные ставки сибирских ОВК*

¹ ЦХАФАК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 43-46; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1918. Л. 37; ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

² ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 109. Л. 109-109об.

³ ГАНО. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 61; ГАКК. Ф. 822. Оп. 1. Д. 130-136; и др.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1204. Л. 13об.; ЦХАФАК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 3; ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 74. Л. 188об.

(на 1 октября 1926 г., в год)

Наименование ОВК	ОВК взимают, %		ОВК платят, %	
	по вексельн ым опер.	по ссудам	по простым текущ. счет.	по срочным вкладам
Канское	36	36	9	24
Барнаульское	30-42	30-42	10	18
Томское	30	30	6	15
Красноярское	30	30	9	18
Новосибирское	24	24	12	18
Иркутское	24	24	9	18
Омское	18-30	18-30	6	12
Бийское	18	18	6	12

*Сост. по: ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 338об.

Данные о социальном составе обществ взаимного кредита и сопоставление удельного веса различных социальных групп в численности, уставном капитале сибирских и московских обществ взаимного кредита (см. табл. 5.7) свидетельствуют, что наибольшую группу членов ОВК, как в Москве, так и в провинции составляли торговцы, им же принадлежала и большая часть уставного капитала обществ.

Таблица 5.7
Состав сибирских и московских ОВК на 1 окт. 1926 г. (в %)*

Состав клиентуры	По численно сти	Московские ОВК		Сибирски е ОВК	
		по размера м взносов	по численно сти	по	размерам взносов
Частные промышленни ки	19,4	30,8	7,8	8,1	
Кустари и ремесленники	17,2	7,4	15,2	8,9	
Оптовики	13,2	21,8	2,6	5,6	
Розничники	27,1	15,5	52,7	42,8	
Земледельцы	1,9	2,4	5,2	0,7	
Прочие	21,2	22,1	19,2	33,9	

* Сост. по: Сокольский А. Банковское кредитование частной торговли // Частная торговля Союза ССР. ... С. 85; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 332, 333об.

Социальный состав и соотношение паев в уставном капитале ОВК в целом соответствовали структуре самого частного капитала, преобладавшая часть которого была сосредоточена у розничных торговцев.

Повседневной работой ОВК руководило правление общества, как правило, работавшее на постоянной основе и состоявшее из наиболее опытных в прошлом коммерсантов. В структуру ОВК входили также совет общества, ревизионная комиссия и приемный комитет. Совет общества производил ежемесячные проверки наличности кассы, ценностей и векселей в портфеле общества на 1-е число каждого месяца и принимал активное участие в выяснении кредитоспособности членов общества. Ревизионная комиссия осуществляла регулярные проверки производимых обществом операций и докладывала членам ОВК о результатах деятельности правления. Приемный комитет осуществлял прием новых членов и их кредитование. Все наиболее важные вопросы деятельности ОВК выносились на общие собрания.

Средства, которыми располагали общества взаимного кредита, складывались из собственных финансов (членские взносы и страховой капитал, складывавшийся из отчислений с сумм активных операций членов обществ) и так называемых привлеченных капиталов (вклады и текущие счета, заемные средства). Увеличение год от года собственных капиталов, составивших в 1926 г. около 1/4 всех пассивных средств ОВК, и устойчивый рост текущих счетов и вкладов, на долю которых приходилось в том же году около 30% денежных средств обществ при соответственном снижении удельного веса заемных средств, представлявших по преимуществу кредиты Государственного банка¹, свидетельствовало об укреплении общего положения ОВК, росте доверия к этому учреждению частных лиц и уменьшении его зависимости от государственных кредитных учреждений.

В активных операциях сибирских обществ ведущее место занимали вексельные операции, на долю которых в среднем приходилось более 70% в отличие от московских обществ, где вексельные операции составляли всего 43,8%, а товарные – 36,3% к общей сумме учетно-ссудных операций². Это лишнее раз свидетельствовало об особом положении московских обществ по отношению к провинции, во многом определяемом их финансовой мощью, а также наличием в их составе крупных торговцев-оптовиков, имевших возможность проводить операции с недостаточными товарами.

Соотношение различных групп клиентов и сумм выдаваемых им кредитов в сибирских и московских ОВК также имели существенные отличия (см. табл. 5.8). Если в Сибири абсолютное большинство должников составляли торговцы, то в Москве, где в больших масштабах развивалась частная промышленность, первое место среди кредитруемых занимали частные промышленники.

¹ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 334об.-335.

² Сокольский А. Банковское кредитование частной торговли... С. 89.

Таблица 5.8
Задолженность клиентов московских и сибирских ОВК*
(на 1 октября 1926 г.)

Группы клиентов	Московские ОВК		Сибирские ОВК	
	сумма, тыс. руб.	% к итогу	сумма, тыс. руб.	% к итогоу
Госорганы и кооперация	853000	6,5	6451	0,6
Частная промышленность	5181000	37,0	116550	11,0
Кустари и ремесленники	575000	4,1	166699	15,6
Земледельцы	25000	1,2	47348	4,4
Торговцы	3783000	26,6	601714	56,3
Разные	3629	26	75152	7,0
ИТОГО	14046000	100	1068331	100

* Сост. по: Сокольский А. Банковское кредитование частной торговли. ... С. 92; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 336.

На состоявшемся в Новониколаевске в апреле 1925 г. первом совещании ОВК Сибири, проходившем в преддверии первого всесоюзного совещания ОВК, перед обществами в качестве важнейшей задачи была определена организация частного розничного рынка, финансирование розничной товаропроводящей сети¹. Помимо решения проблем объединения и организации частных капиталов для финансирования частного бизнеса ОВК содействовали и налаживанию отношений между государственными учреждениями и частными торговцами. Зачастую в ОВК, помимо частных предпринимателей, входили в качестве учредителей государственные и кооперативные организации. Это отчасти помогало правлениям ОВК играть роль промежуточной инстанции между государственными кредитными органами и частными лицами, быть поручителями последних.

ОВК были заинтересованы в получении исчерпывающей информации о клиентах, претендовавших на получение кредитов. Сбором информации о кредитоспособности частных лиц и фирм занималось специальное учреждение – «Кредит-бюро». Эта организация была зарегистрирована в Москве в декабре 1922 г. под названием «Первое российское товарищество по выдаче справок о кредитоспособности». Первоначально в его состав входили всего пять человек: С.Л. Белевицкий, М.Д. Гольдштейн, А.Я. Длугаг, Г.В. Клячкин и Б.Г. Молдавский². Основная цель работы товарищества в первый год рабо-

¹ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 909. Л. 8, 11, 12.

² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

ты заключалась в изучении кредитоспособности частных предпринимателей, являвшихся клиентами государственных организаций.

В мае 1924 г. товарищество было преобразовано в акционерное общество с уставным капиталом в 300 тыс. руб. Контрольным пакетом акций владел Народный комиссариат внутренней торговли. Крупными акционерами являлись Российский торгово-промышленный банк, Московский городской банк и Бюро съездов представителей биржевой торговли¹. Сфера деятельности товарищества существенно расширилась: фактически «Кредит-бюро» стало, по определению одного из его руководителей, «учреждением коммерческого сыска»² с широкой агентурной сетью по всей России. К началу 1926 г. эта организация имела 15 филиалов, более 500 сотрудников, работавших на постоянной основе, и около 15 тыс. корреспондентов-сведомителей. Только в течение 1925/26 г. «Кредит-бюро» подготовило 104 770 справок о кредитоспособности физических лиц и организаций³. К середине 20-х гг. в «Кредит-бюро» сосредоточился обширный банк данных о большинстве коммерческих предприятий, действовавших на российской территории.

Информация, предоставляемая «Кредит-бюро» о потенциальных клиентах кредитным организациям, обладала, по отзывам последних, высокой степенью достоверности. На основе получаемых в «Кредит-бюро» сведений государственные и коммерческие банки, общества взаимного кредита решали вопросы о возможности предоставления кредита конкретному бизнесмену или предприятию, определяли приемлемые размеры и сроки кредитования.

Сбором информации о кредитоспособности коммерческих структур на территории Сибири первоначально занималась Урало-Сибирская контора «Кредит-бюро», организованная в декабре 1924 г. в г. Свердловске. В начале 1926 г. резиденция Сибирской конторы переместилась в г. Новосибирск. Здесь она располагалась на центральном в городе Красном проспекте. Сибирскую контору обслуживало 16 человек. Возглавили сибирский филиал «Кредит-бюро» В.Ф. Клопов и его заместитель Д.И. Рафалович⁴.

Получение достоверной информации о коммерческой организации являлось делом чрезвычайно сложным, поскольку зачастую, кроме самого владельца, никто не мог судить об истинном положении дел на предприятии. Первоначально «Кредит-бюро», особенно его центральные отделения, для выяснения «истинного лица» коммерсантов пытались опираться на частично сохранившиеся архивы старых фирм, подобных «Кредит-бюро», действовавших в России до 1915-1916 гг. Однако очень скоро от подобной практики пришлось отказаться, так как выяснилось, что контингент действовавших в

¹ Там же. Д. 18. Л. 1; Д. 86. Л. 8.

² Там же. Д. 14. Л. 20.

³ Там же. Д. 72. Л. 14; Д. 86. Л. 18.

⁴ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 112. Л. 9об.; РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23. Л. 16об.; Д. 23а. Л. 2об.; Д. 72. Л. 14.

20-е гг. предпринимателей по своему составу коренным образом отличался от дореволюционных купцов и фабрикантов. Поэтому «Кредит-бюро» пришлось создавать свои собственные новые архивы.

Приступая к выяснению коммерческой состоятельности клиента, на которого поступил запрос от кредитного учреждения, «Кредит-бюро» высылало предпринимателю специальную анкету с предложением предоставить точные сведения об активах и пассивах предприятия, состоянии на нем дел в целом. Кроме этого, в своем письме «Кредит-бюро» просило предпринимателя указать несколько фамилий знакомых ему граждан, которые могли бы предоставить справки о нем.

После получения первоначальной информации в виде заполненной анкеты и свидетельств знакомых в действие вступали специальные корреспонденты «Кредит-бюро», которые по сути своей деятельности являлись секретными осведомителями. С помощью таких агентов первоначально полученная информация проверялась, дополнялась и корректировалась. Методы работы агентов «Кредит-бюро» не афишировались и составляли, по словам руководства «Кредит-бюро», коммерческую тайну¹. В результате проделанной работы сотрудники «Кредит-бюро» составляли на каждого клиента обширное досье, содержащее подробный адрес, сведения об ассортименте осуществляемой торговли, времени существования предприятия, прежних занятиях владельца, приблизительном обороте и стоимости имевшихся товаров и другие, в том числе – характеристики личных качеств предпринимателя.

На основе этой информации делался вывод о том, можно ли давать кредит этому предпринимателю и на каких условиях. Например, на том основании, что у гражданки М. Доровиной, занимавшейся оптово-розничной торговлей галантереей в Барнауле, оказался «характер беспокойный и образ жизни сомнительный», «Кредит-бюро» рекомендовало ограничить ей выдачу кредита². В общей сложности сибирским филиалом «Кредит-бюро» в течение 1926/27 г. было подготовлено 725 справок о кредитоспособности клиентов³, примерно в 30% случаев работники «Кредит-бюро» рекомендовали воздержаться от предоставления кредитов по разным причинам: уже имевшейся большой задолженности предприятия, недостаточных навыков коммерческой деятельности владельца, его необязательности в расчетах и т.п.

Таким образом, деятельность «Кредит-бюро» способствовала выявлению, дискредитации и удалению с рынка недобросовестных клиентов, оказывая тем самым неоценимую помощь кредитным организациям в рациональном размещении кредитов. В целом, работа «Кредит-бюро» способствовала оздоровлению коммерческой деятельности.

Получив рекомендации «Кредит-бюро», правления ОВК направляли более аргументированные ходатайства в сибирские отделения Государствен-

¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.

² Там же. Оп. 4. Д. 899. Л. 9, 15.

³ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23а. Л. 21об.

ного банка о предоставлении кредитов частным лицам. На основе полученной от «Кредит-бюро» информации местные губисполкомы, губвнторги и отделения Госбанка приняли в течение второй половины 1924/25 г. ряд решений об увеличении государственного кредита непосредственно ОВК, а также – банковского и товарного кредита частному торговому аппарату¹.

Члены обществ взаимного кредита дорожили «лицом» своих организаций, поэтому особенно пристально следили за репутацией руководящих работников обществ. Одного из членов правления Красноярского ОВК Г.И. Соловьева исключили из его состава лишь за то, что его брат был осужден за растрату, хотя сам Соловьев никакого отношения к данному преступлению не имел. Общее собрание членов Красноярского ОВК единогласно высказалось за то, что для такого лица, как член правления, должна быть меркой поговорка: «Жена Цезаря – вне всяких подозрений»². Правда, бывали случаи, когда руководство обществ, действительно, оказывалось замешано в разного рода махинациях. Так, член правления Новониколаевского ОВК Беляков приобрел в госторге на имя своего родственника Кислицина большую партию амурской кеты на сумму 40 тыс. руб. под векселя, забланкированные ОВК. После наступления срока платежа денег у Кислицина, естественно, не оказалось, и выкупать векселя пришлось обществу в то время, как рядовым членам ОВК было отказано в кредите на суммы в 100-200 руб. За мошенничество 8 членов совета, 2 члена правления и 2 члена приемного комитета Новониколаевского ОВК были арестованы³.

Развитие взаимно-кредитного дела в целом являлось отражением изменений самой частнопредпринимательской деятельности. Поэтому динамика работы ОВК, их успехи и неудачи во многом зависели от состояния частной промышленности и торговли в каждый конкретный период их развития, что в свою очередь было тесно связано с изменениями государственной политики по отношению к частному капиталу. Период организации и становления первых сибирских обществ по времени совпал с товарной депрессией, ужесточением налоговой практики, сокращением кредитования частного сектора, кампанией против частной оптовой торговли. Это вызвало отток денежных средств из ОВК и поставило под угрозу существование самих обществ. 18-22 июля 1924 г. на общем собрании члены Красноярского ОВК вынуждены были даже поставить вопрос о ликвидации общества⁴. Только благодаря изменению государственной политики в отношении частного капитала на более либеральную во второй половине 1924/25 г. ОВК начали интенсивно развиваться. Рост численности обществ и их оборотных капиталов продолжился и в 1925/26 г., что также во многом явилось результатом создаваемой государством благоприятной для развития частного бизнеса атмосфе-

¹ ЦХАФАК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 154; Ф. 10. Оп. 1. Д. 418. Л. 113, 115, 116об.; ГАОО. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 8. Л. 6-6об.; ГАНО. Ф. 1132. Оп. 2. Д. 74. Л. 1.

² ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 13. Л. 43-44.

³ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1447. Л. 4; Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 23.

⁴ ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 24. Л. 226-226об.

ры. Рост численности, динамика активов и пассивов ОВК, баланса в целом за период второй половины 1924/25-1925/26 гг. показаны на примере Новониколаевского общества (см. табл. 5.9).

Изменения, происшедшие в ОВК Новониколаевска, – бурный рост собственных капиталов в 1925 г. и стабильное их увеличение в 1926 г. при росте текущих счетов, некотором снижении кредитов Госбанка и существенном сокращении товарно-комиссионных операций в общем балансе общества к октябрю 1926 г. по сравнению с соответствующим периодом 1925 г. – являлись характерными как для других сибирских обществ взаимного кредита, так и для ОВК в целом.

Таблица 5.9

Динамика численности и баланса Новониколаевского ОВК*

Параметры	1 мая 1924 г.	1 окт. 1925 г.	1 окт. 1926 г.
Количество членов, чел.	100	545	631
Капитал, руб.	6720	48966	70016
Текущие счета, руб.	1124	45058	54009
Кредит в банках, руб.	–	67124	66195
Учетно-ссудные операции, руб.	4000	152013	124932
Товарно-комиссионные операции, руб.	–	65720	12001
Баланс, руб.	8016	217042	215725

*ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1447. Л.3об.

Постоянные трудности в работе ОВК, связанные ранее преимущественно с недостатком оборотного капитала, к концу 1926 г. начали усугубляться. Причины этого правления обществ видели в сокращении и без того недостаточного государственного кредита, запрещении наркомата финансов осуществлять ОВК товарно-комиссионные операции для нечленов обществ, а также в изъятии целого ряда пользовавшихся спросом товаров из частноторгового оборота, усилении налогового пресса на частный капитал и наметившемся общем ужесточении государственной политики в отношении частного бизнеса¹. Чтобы хоть как-то противостоять натиску государства, сибирские предприниматели в ходе подготовки к очередному всесоюзному совещанию ОВК разработали целую перспективную программу действий по оздоровлению кредитования частного сектора, решающая роль в котором отводилась обществам взаимного кредита². Последние должны были стать аккумуляторами средств частного капитала во всех его видах и проявлениях. Предполагалось вовлечь в сферу взаимно-кредитного дела максимум средств частных

¹ ГАОО. Ф. 593. Оп. 2. Д. 10. Л. 73; ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 23. Л. 89-90; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1918. Л. 53.

² ГАИО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-3.

предпринимателей, которые в распыленном и разрозненном состоянии своей дезорганизованностью оказывали вредное влияние на общий торгово-промышленный оборот, а также извлечь из нелегального скрытого оборота значительные средства частного капитала, оказывавшие самое неблагоприятное влияние на денежное обращение вообще и валютно-фондовый рынок в особенности.

Поскольку подобные действия, с точки зрения активистов взаимно-кредитного дела, должны были соответствовать интересам государства, они рассчитывали хотя бы на частичную либерализацию политики в отношении частного капитала, без которой дальнейшее успешное развитие ОВК было весьма проблематично. В частности, по мнению предпринимателей, государство в самое ближайшее время должно было отказаться от огульного запрещения ОВК кредитовать частный опт, поскольку ставка на финансирование исключительно мелкого розничника и маломощного кустаря вела к обнищанию и ослаблению обществ. Для укрепления и увеличения авторитета и силы ОВК первое время было необходимо усиленное кредитование их Госбанком.

В целях укрепления, объединения и дальнейшей организации взаимно-кредитного дела как базы для аккумуляции частного капитала и планомерного экономического регулирования его работы планировалось создать единый всесоюзный Центральный банк взаимного кредита, 51% акций которого должен был бы принадлежать региональным обществам, а оставшиеся – государственным и кооперативным организациям. По поводу создания этого банка сибирские предприниматели вели обширную и активную переписку с представителями Краснохолмского ОВК Тверской губернии, Луганским и другими обществами¹. По мнению предпринимателей, этот акционерный банк, правление которого действовало бы в интересах частного капитала, позволил хотя бы отчасти решить проблемы финансирования частного бизнеса или, по крайней мере, сделал бы этот процесс более предсказуемым и устойчивым.

Наконец, дальнейшее развитие ОВК было немислимо без осуществления обществами товарно-комиссионных операций, которые являлись единственно рентабельными и позволяли покрывать убытки от учетно-ссудных операций и которые, несмотря на это, были официально запрещены. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Специфическими формами организации частного капитала для объединения стремлений его представителей, выражения мнения перед государственными торговыми и финансовыми органами, отстаивания своих интересов в спорах с этими органами стали секции частной промышленности и торговли при товарных биржах. Образовавшиеся в начале XVIII в. биржи в России успешно играли роль регулярно функционировавшего оптового рынка заменимых товаров. Ликвидированные в результате Октябрьской революции биржи возобновили свою деятельность в связи с возрождением торговли в

¹ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26об.

годы новой экономической политики. Однако ориентация советского руководства на жесткие методы регулирования хозяйственной деятельностью, приоритетное развитие государственного сектора экономики определила специфические особенности в положении и работе товарных бирж советского периода отечественной истории. В течение их существования в советское время с 1921 г. по 1930 г. доля участия государственных структур при совершении биржевых сделок значительно превышала долю участия других контрагентов. Согласно постановлению СТО от 1 сентября 1922 г. все государственные учреждения и предприятия должны были в обязательном порядке регистрировать и свои внебиржевые сделки в особых регистрационных бюро при биржах¹. В государственных документах того времени прямо указывалось, что посредничество советских товарных бирж, в отличие от капиталистических, должно служить не целям спекуляции (так трактовалась любая деятельность, направленная на получение прибыли), а целям ее устранения. Соответственно и посреднические функции биржевых маклеров рассматривались как второстепенные, менее значимые по сравнению с функциями консультаций и наблюдений за экономической целесообразностью биржевых сделок. Все это превращало биржи из посреднических в далеко не самостоятельные учетно-контрольные организации.

В то же время частный капитал, вызванный к легальной деятельности и игравший значительную роль в торговле, стремился к самоорганизации и защите своих прав и интересов. Государство предпочло, чтобы эти стремления оформились в нечто ему подконтрольное. Еще в 1922 г. «Экономическая жизнь Сибири» писала о необходимости создания частно-торговых секций при биржах, в которых «будут выковываться здоровые методы товарооборота, тождественные с биржевыми, будут развиваться элементы торгового права, необходимые для создания кодекса гражданского права, применительно к современным условиям торгового оборота»². На заседании президиума совета съездов биржевой торговли, проходившего в Москве в ноябре 1924 г., указывалось, что только биржа может подчинить частный торговый аппарат экономическим законам государства путем выделения из предпринимательской среды «здоровых» элементов и создания для них условий спокойной работы³. Эти обстоятельства и послужили причиной появления новой биржевой структуры – секций частной промышленности и торговли.

Если в первые годы нэпа в период образования товарных бирж частные торговые и промышленные предприятия могли становиться членами биржи, только если они уплачивали промысловый налог не ниже 5 разряда по торговле и 10 разряда по промышленности, что, учитывая характер и особенности частной торговли и промышленности, существенно ограничивало возможность частным предпринимателям становиться полноправными участни-

¹ Советская товарная биржа: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 28.

² Экономическая жизнь Сибири. 1922. 1 нояб.

³ Торгово-промышленная газета. 1924. 2 дек.

ками биржи, то с октября 1925 г. ценз для физических и юридических лиц, являвшихся владельцами частных торговых и промышленных предприятий, был снижен до 3 разряда по торговле и 5 разряда по промышленности. Причем в зависимости от местных условий народному комиссариату по внутренней торговле было предоставлено право особыми постановлениями в отношении каждой товарной биржи понижать налоговой ценз для вступления в члены товарной биржи¹. Эти изменения отвечали как интересам государства, стремившегося вовлечь частный капитал в биржевой оборот, так и запросам частных предпринимателей, поскольку предоставляло им возможность становиться полноправными членами бирж.

Сама идея организации специальных секций частной торговли и промышленности при товарных биржах возникла у частных предпринимателей Сибири еще в 1922 г. В частности, вопрос об организации секции обсуждался 18 августа 1922 г. на заседании биржевого комитета Новониколаевской товарной биржи². Члены комитета видели в секции организацию, с помощью которой удастся вовлечь частный капитал в сферу влияния биржи, которая собирала бы различные сведения о частном капитале, выясняла бы его нужды и сообщала о них через биржевой комитет государственным хозяйственным организациям, участвовала в устранении и разрешении разного рода споров и конфликтов. Однако планы сибирских предпринимателей не встретили поддержки в Москве³, и процесс создания секций был остановлен.

В Сибири секции начали возникать с февраля 1925 г. и активно работали при всех товарных биржах региона в течение второй половины 1925 г. и весь 1926 г. При организации секций сибирские предприниматели руководствовались российским типовым «Положением о секциях частной промышленности и торговли при товарных биржах» от 19 декабря 1924 г., согласно которому главная их цель должна была заключаться в регулировании и вовлечении в биржевой оборот местной торговли, направлении ее в русло, отвечающее интересам государства, и выявлении ее нужд и интересов. На основании этого документа силами местных предпринимателей с помощью биржевых комитетов были разработаны положения о секциях частной торговли и промышленности при всех сибирских биржах.

Положения немногим отличались друг от друга и содержали перечень задач, которые должны были решать секции в своей повседневной работе: вовлекать частную торговлю и промышленность в биржевой оборот путем привлечения новых членов и содействия тому, чтобы все члены секций проводили свои сделки через биржи; выявлять нужды и интересы местной частной торговли и, в необходимых случаях, направлять через биржевой комитет представления и ходатайства в надлежащие органы власти; намечать кандидатов из представителей частного капитала в члены биржевого комитета;

¹ Советская товарная биржа. ... С. 65-57.

² ГАНУ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 4. Л. 31-32.

³ Советская Сибирь. 1925. 28 апр.

делегировать через биржевой комитет своих представителей в правительственные и общественные учреждения, налоговые и другие организации; по предложению биржевого комитета выделять представителей в арбитражную, котировальную и другие комиссии и вспомогательные органы; оказывать содействие биржевому комитету в деле учета, обследования и изучения местной частной торговли и промышленности и организации ее на здоровых коммерческих началах в соответствии с торговой политикой государства; выработывая соответствующие мероприятия, бороться со спекуляцией и ажиотажем. Органами управления секций являлись общее собрание и президиум или исполнительное бюро, избираемые общим собранием сроком на 1 год. В секции могли входить предприниматели, выбиравшие патенты не ниже третьего разряда по торговле и пятого разряда по промышленности, а также коммерческие хозяйственные объединения и акционерные общества без преобладающего участия государственного капитала, частные кредитные учреждения¹.

Рассматривая секции частной промышленности и торговли не только как чисто хозяйственные коммерческие организации, но и как своего рода оплот частного бизнеса, местные предприниматели стремились, чтобы членами секций не становились нечестные дельцы и разного рода мошенники. Поэтому исполком секции частной промышленности и торговли при Омской товарной бирже, например, неуклонно следовал принципу приема в члены секции только предпринимателей, представивших соответствующие рекомендации комитета рыночных торговцев или личные рекомендации известных в регионе предпринимателей². Подобным негласным правилам следовало руководство секций и при других биржах.

Изначально заданное государственным стандартом двойственное положение секций частной промышленности и торговли при товарных биржах, с одной стороны, подконтрольных и подведомственных государственным чиновникам и интересам государства, с другой – объединявших и отражавших частные коммерческие интересы предпринимателей, определили специфику и приоритеты их работы. Являясь продуктом своеобразного и шаткого компромисса государственной власти и частного капитала, секции были изначально обречены, поскольку уже с первых дней их существования стало очевидно, что содержание их работы мало соответствовало государственным запросам.

С первых дней работы секций возникли разногласия по поводу их персонального состава. Пользуясь предоставленным правом ходатайствовать о снижении ценза для вступления в члены секции, секция частной промышленности и торговли при Новониколаевской товарной бирже в одном из пер-

¹ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 73. Л. 4-4об.; Д. 83. Л. 130; ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 4; ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 6-8; ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 71. Л. 161-161об.; Ф. 1132. Оп. 2. Д. 81. Л. 102-103; ГАТО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

² ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-13об.

вых писем, направленных в Москву, просила Всесоюзный биржевой комитет снизить имущественный ценз для членов не только Новониколаевской, но и секций при биржах других городов Сибири, до второго разряда, объясняя это стремлением сосредоточить в секциях жизнеспособные элементы, здоровые коммерческие силы, каковыми, как считали местные предприниматели, в экономических условиях сибирского региона являлись и торговые предприятия второго разряда. Отсечение же этих предприятий привело бы к снижению потенциальной энергии секций почти на 50%¹. В этом мнения представителей сибирской частной промышленности и торговли разошлись с точкой зрения Всесоюзного совета съездов биржевой торговли, который в ответной корреспонденции указал, что снижение ценза для частных торговцев ниже третьего разряда лишит секцию характера биржевого института, превратит последнюю в орган, представлявший частный капитал в целом, с преобладанием интересов розничной торговли². Однако на практике это решение совета съездов биржевой торговли было проигнорировано. Иркутский и Красноярский биржевые комитеты под давлением местных предпринимателей приняли решения о понижении имущественного ценза уже в течение первых месяцев работы секций³. В секциях при товарных биржах других городов Сибири имущественный ценз был снижен без получения соответствующих санкций, явочным порядком.

За год работы секций их численность возросла с 20-40 человек, присутствовавших на первых организационных собраниях, до 200-400 членов секций при каждой из сибирских товарных бирж, что составляло в среднем около 12% к общему числу частных предприятий по регионам⁴. Правда, подобный рост на 50% осуществлялся вопреки общепринятому биржевому цензу за счет привлечения в члены секций мелких розничных торговцев. Осуществление подобной практики со стороны руководства секций мотивировалось желанием видеть секции более полнокровными, представительными и энергичными.

Снижение ценза, однако, во многом лишало секции характера биржевого института, превращало их в орган, представлявший частную торговлю в целом, с преобладанием интересов розничной торговли. Поэтому на первый план в деятельности секций вышло не вовлечение предпринимателей в биржевую оперативную работу, а представительство интересов частных торговцев. Так, президиум секции частной торговли и промышленности при Новониколаевской товарной бирже на одном из первых своих заседаний рассмотрел результаты проведенного среди предпринимателей анкетирования по вопросам условий отпуска товаров государственной промышленностью и торговлей частным лицам и банковского кредитования частной торговли⁵. В

¹ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 52. Л. 335.

² Там же. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 651а. Л. 12-14.

³ ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 8. Л. 82; ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 63-64, 78.

⁴ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 40. Л. 51об.

⁵ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 37. Л. 108-109.

дальнейшем секции удалось решить выявленные в ходе опроса проблемы. Члены секции вошли в состав кредитного совещания городского агентства краевой конторы Госбанка, правления общества взаимного кредита, получив тем самым возможность оказывать действенное влияние на решение вопросов о выдаче кредитов частным предпринимателям. Путем длительных переговоров членам секции удалось добиться и организованного снабжения частных фирм товарами местных отделений Текстильсиндиката и Сибторга¹.

Активные действия секции частной промышленности и торговли при Томской товарной бирже помогли преодолеть кризисное положение в частной торговле, создавшееся в результате внезапного и резкого сокращения товарного снабжения частных предприятий, отпуска товаров госторгам и кооперацией частным розничникам с большой нагрузкой неходовыми товарами. Обращения членов секции к Резинтресту, Бумтресту, Текстильсиндикату, Уралмеду с предложениями об отпуске товаров и фабрикатов торговцам и кустарям, состоявшим членами секции, на началах свободного ассортимента и на равных условиях с кооперативными организациями увенчались успехом².

Повсеместно практикуемое государственными и кооперативными торговыми организациями снабжение частных розничников на 50% от поставки неходовыми товарами заставляло частных торговцев взвинчивать цены, что, естественно, вызывало в свою очередь недовольство населения. Публичные разъяснения членами секции частной торговли и промышленности при Барнаульской товарной бирже такого механизма образования высоких наценок в частной торговле помогли остановить рост массового недовольства частной торговлей и отчасти добиться изменений в условиях снабжения ее товарами³.

Секции частной промышленности и торговли при товарных биржах Сибири активно выступали против дискриминационных для частного бизнеса решений государственных органов о сокращении срока кредита с 90-105 до 45 дней⁴. Положение осложнялось тем обстоятельством, что в случае приобретения товаров из Москвы срок кредита считался со дня отправки, а не со дня получения товаров на местах, то есть фактически сокращался еще на 7-10 дней. Секции выступали и против назначения сплошных торгов на арендованные частными торговцами и промышленниками на неопределенный срок торгово-промышленные помещения и места на базарных площадях⁵, пытались решить ряд других вопросов в интересах своих членов.

Руководство секций проводило большую работу по сбору и систематизации сведений о работе частных предприятий. Так, в июле 1925 г. Новониколаевская секция разработала анкету по учету и обследованию частных торговцев и промышленников Новониколаевского района. В результате анкети-

¹ Там же. Д. 112. Л. 5-6.

² Там же. Д. 59. Л. 109, 137-139.

³ Там же. Л. 17-17об.

⁴ Там же. Л. 123.

⁵ ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-2, 5.

рования в архиве секции был сосредоточен обширный материал о численности занятых в коммерческих предприятиях лиц, профиле предпринимательской деятельности, наличии или отсутствии складских помещений, размере собственной или арендуемой производственной площади, суммах основного капитала, оборота и валового дохода, структуре расходов, размере выплачиваемых налогов и сборов и т.д.¹ Имея подобную информацию, руководство секций смогло с цифрами в руках доказывать местным налоговым органам необоснованность взимания в ряде случаев завышенных налогов с частных предприятий.

Непосредственное участие представителей секций в работе налоговых комиссий по промысловому, подоходному и рентному обложению значительно облегчало регулирование налоговой практики. Благодаря кропотливой работе по выработке процентов средней прибыльности для всех видов и родов торговых и промышленных предприятий руководству секции частной промышленности и торговли при Иркутской товарной бирже удалось путем согласования с паритетной комиссией из представителей государственных, кооперативных и частных торговых организаций через биржевой комитет представить установленные проценты в губфинотдел и настоять на их утверждении². В результате определяемый губфинотделом размер подоходного налога удалось заметно снизить.

Секции частной промышленности и торговли направляли ходатайства об уменьшении арендной платы, которая в отдельных случаях составляла до 300-400% довоенных тарифов, изменении правил и времени торговли, отмене обязательного и невыгодного для предпринимателей обязательного страхования покупаемых товаров³. В отдельных случаях руководство секций ходатайствовало перед судебными органами об изменении меры пресечения в отношении своих бывших членов, беря их на поруки, если те имели в прошлом безупречную репутацию⁴.

Особенно болезненно реагировали члены секций на многочисленные случаи произвола и грубого поведения в отношении своих представителей со стороны государственных чиновников, некоторые из которых с неприязнью относились к частному предпринимательству и зачастую искали лишь повод ее продемонстрировать. Так, заместитель начальника одного из отделений Красноярской городской милиции Киселев, явившись 25 июля 1925 г. на заседание секции в сопровождении двух милиционеров, в резкой форме потребовал заставить местных торговцев мясом продавать покупателям мясную вырезку по той же цене, что и несортное мясо. Пытаясь урезонить милиционеров, торговец Кузнецов, ссылаясь на свой двадцатилетний опыт, пробовал объяснить разницу между сортовыми и весовыми долями при разрубке мяса

¹ Там же. Д. 69. Л. 207; Д. 114. Л. 1-128.

² ГАИО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 8. Л. 81-81об.

³ Там же. Ф. 806. Оп. 1. Д. 81. Л. 26; Д. 109. Л. 808об.

⁴ Там же. Д. 101. Л. 14; Д. 109. Л. 76.

и соответственной разницей в ценах на них, но был остановлен окриком: «Таким, как ты, место с Колчаком в Байкале. Скоро и тебя туда спустим»,¹ после чего торговец был взят по стражу и вызволен из тюрьмы только через несколько дней благодаря усилиям членов секции.

Близкий по содержанию эпизод произошел в Иркутске также летом 1925 г. Местный торговец мануфактурой Марецкий вместе с другими торговцами зашел в магазин Сибторга за товаром. Контролер Сибторга Куткин на вопрос, будут ли отпускать мануфактуру частным торговцам, заломил руки Марецкому и с помощью милиционера вытолкнул его из магазина². Только вмешательство членов секции с привлечением свидетелей помогло Марецкому избежать уголовного преследования за нападение на работника Сибторга, которого он не совершал.

Далеко не всегда действия секций приводили к ожидаемым результатам, но, безусловно, работа этих организаций в течение 1925/26 г. способствовала упрочению положения частных предпринимателей, отчасти стабилизировала отношения между частнокапиталистическими организациями, государственными органами и кооперацией.

Проработав немногим больше года, секции частной промышленности и торговли при товарных биржах Сибири прекратили свое существование. Их имущество было частично передано рыночным комитетам, а функции – специально организованным товарным секциям бирж: пушной, сырьевой, промтоварной, хлебной и другим³.

Основную задачу, которую без обиняков ставило перед секциями правительство и региональные власти – втягивание частного капитала в биржевую торговлю и подчинение его работы государственным интересам, секциям выполнить не удалось, несмотря на незначительный рост процента участия частного капитала в биржевых сделках. По сравнению с первым полугодием 1924/25 г. в первом полугодии 1925/26 г. участие частного капитала в биржевом обороте по Московской и 70 провинциальным биржам по покупке увеличилось с 7,8 до 8%, по продаже – с 4,6 до 5,6%⁴. Удельный вес частного капитала в общесибирском биржевом обороте по покупке товаров возрос за этот период с 6,8 до 9,1%, по продаже – с 2,6 до 5,9%⁵. Максимальной роль частного капитала в биржевой торговле была в Красноярске – 11,6% и Иркутске – 10,6%, минимальной – в Барнауле – 4,2% и Новосибирске – 2,8%⁶. Показательно при этом, что, во-первых, участие частного капитала в покупке

¹ ГАКК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 119об.

² ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 109. Л. 17-17об.

³ ГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 33. Л. 8; ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 74. Л. 1, 7, 47-48.

⁴ Клушанцев И.П. Частный капитал в общем торговом обороте // Частная торговля Союза ССР. ... С. 22-23; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 12. Д. 116. Л. 89.

⁵ Болдырев В. Конъюнктура сибирского народного хозяйства за июнь и III квартал 1926 г. // Жизнь Сибири. 1926. №7/8. С. 147; ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 128. Л. 3; Д. 175. Л. 22.

⁶ ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 128. Л. 12.

товаров на бирже более чем в 2,5 раза превышало, как в абсолютных, так и в относительных величинах, его участие в продаже товаров (см. табл. 5.10).

Таблица 5.10
Общесибирский биржевой оборот в 1924/25 г.
по контрагентам*

Контрагенты	Продажа		Покупка	
	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %
Госорганы	166042	80,2	108090	52,2
Кооперация	35662	17,3	84852	41,2
Частные лица	5270	2,6	14032	6,8
Итого	206974	100	206974	100

*ГАНО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 175. Л. 22.

Во-вторых, выступая на бирже в качестве продавцов товаров, частные предприниматели предпочитали иметь дело с государственными и кооперативными организациями, и только 3,3% от сделок по продаже приходилось на частный сектор (см. табл. 5.11). Из таблицы видно, что, покупая товар на бирже, частные предприниматели также заключали сделки преимущественно с государственными и кооперативными организациями: на долю частного сектора при продаже товаров частными предпринимателями приходилось всего 1,2%.

Таблица 5.11
Обороты сибирских бирж с распределением контрагентов
по отношению друг к другу* (в %, на 1 октября 1925 г.)

Контрагенты	Госорганы		Акцион. общ.		Кооперация		Частные предпр.		Итого
	по продаже	по покупке	по продаже	по покупке	по продаже	по покупке	по продаже	по покупке	
Госорганы	37,7	73,7	0,5	14,2	51,5	78,5	70,8	94,0	100
Акционерные общества	20,1	0,4	8,8	2,9	71,1	1,2	—	—	100
Кооперация	39,6	20,1	10,9	80,2	47,6	18,8	1,9	4,8	100
Частные предприятия	71,5	5,8	2,3	2,7	22,9	1,5	3,3	1,2	100

Итого по покупке	–	100	–	100	–	100	–	100	–
------------------	---	-----	---	-----	---	-----	---	-----	---

*ГАНУ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

Таким образом, представители частного капитала чрезвычайно редко прибегали к услугам бирж при заключении сделок друг с другом. Все это свидетельствовало о том, что попытка привлечь частный капитал к биржевой торговле не увенчалась успехом.

Работа секций частной промышленности и торговли при товарных биржах отчасти привела к неожиданным и неприятным для государственной власти результатам: укреплению положения частной торговли и промышленности. Секции, отстаивая перед местными хозяйственными, в том числе налоговыми, организациями свои права, опираясь на существовавшее законодательство, пытались заставить эту власть следовать закону, а не политической конъюнктуре и идеологическим ориентирам.

Нежелание, или, точнее, невозможность участия частного капитала в биржевом обороте объяснялось целым комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. Средний размер как биржевой, так и зарегистрированной на бирже, но проходившей вне ее коммерческой сделки, проводимой частными предпринимателями, как правило, был в 2-3 и более раз меньшим, чем размер сделок, осуществляемых государственными и кооперативными организациями.

Распыленный, постоянно нуждавшийся в кредите и не получавший его, остававшийся, как правило, один на один с проблемами непомерных налогов и непосильной арендной платы, сибирский предприниматель материально был не готов делать постоянные отчисления биржевому комитету, да еще выплачивать комиссионные маклеру. Снижение стоимости биржевых сделок, допущение заключения их на бирже, но без услуг маклера, осуществляемые Омским биржевым комитетом¹, и другие способы привлечения частного капитала не дали желаемых результатов. Постоянное невыполнение заявок частных торговцев, желавших приобрести ходовые товары, обязательства по фиксированным торговым наценкам, которые они должны были принимать на себя, приобретая товар на биржах, также не способствовали созданию благоприятного для частного капитала микроклимата на биржах.

Общее нестабильное положение частного капитала, крайне неровная и непрогнозируемая государственная политика в отношении частнопредпринимательской деятельности в целом являлись главными препятствиями для частных торговцев и промышленников на пути к обнародованию с таким трудом скопленных ими сравнительно небольших капиталов. Частные предприниматели не без оснований видели в биржах своеобразный очередной

¹ ГАОО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 16. Л. 15-16.

орган фиска, поскольку те, не соблюдая зачастую коммерческой тайны биржевых сделок, сообщали об их размерах налоговым организациям, которые использовали эту информацию для увеличения размеров налогов.

Предприниматели 20-х гг. и созданные ими организации являлись уникальными по своей природе. Являясь заложниками постоянно менявшейся государственной политики и понуждаемые самим государством к нездоровой полулегальной деятельности, сами частные предприниматели, с одной стороны, пытаясь стать «красными купцами» и сотрудничать с государственной властью во благо республики, с другой стороны, в силу складывавшихся обстоятельств, вынуждены были постоянно эту власть обманывать. Разорвать этот порочный круг было невозможно в силу антагонистического противоречия между смыслом, содержанием и направленностью частнопредпринимательской деятельности как таковой и социально-политическими ориентирами государственной доктрины того времени.

ГЛАВА 6. ЛИКВИДАЦИЯ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА: 1927-1930 гг.

6.1. ОТКАЗ ОТ НЭПА И «АТАКА НА ЧАСТНИКА»

К середине 1920-х гг. основные показатели народного хозяйства страны приблизились к довоенным. Как отмечалось в Политическом отчете ЦК XIV съезду ВКП(б), валовая продукция промышленности, посевные площади, товарооборот составили около 70% довоенного уровня¹. Успешно шли восстановительные процессы и в Сибири. По сравнению с 1913 г. к 1926 г. посевные площади здесь возросли примерно на 12%, объем валовой продукции сельского хозяйства – на 20%, общее поголовье скота – на 14%. Из всех видов скота только поголовье лошадей продолжало отставать от довоенного. Более медленными темпами шло восстановление промышленности и транспорта. Общий объем промышленного производства лишь чуть превысил 60% довоенного уровня. Грузооборот сибирских железных дорог в 1924/25 г. составил 83% от уровня 1913 г., объем грузоперевозок водным транспортом – 80% довоенного показателя². Правда, как показали подсчеты современного исследователя Г.И. Ханина, картина восстановления народного хозяйства не была столь радужной, как об этом официально сообщалось. Такой важнейший показатель развития экономики, как национальный доход, даже к 1928 г. оказался ниже уровня 1913 г. на 12-15%, душевое его производство уменьшилось на 17-20%³. Так что говорить о завершенности восстановительных процессов к середине 1920-х гг. не приходится. Тем не менее руководством страны на вторую половину 1920-х гг. была поставлена новая задача: обеспечить дальнейший экономический рост на базе реконструкции народного хозяйства.

О вступлении страны на новую ступень развития, во второй период нэпа заявил И.В. Сталин на собрании актива Ленинградской партийной организации 13 апреля 1926 г.⁴ Он связывал этап реконструкции народного хозяйства не только с превращением страны в независимую в экономическом отношении индустриально-аграрную державу путем технического переоснащения и создания новых отраслей промышленности, но и с переводом экономики в целом «на социалистические рельсы». Это означало расширение государственного сектора за счет вытеснения других секторов экономики.

¹ XIV съезд ВКП(б) 18-31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 33, 38.

² Два года работы Сибирского краевого исполнительного комитета Советов. 1927-1928 гг. Новосибирск, 1929. С. 40-41; История Сибири. ... Т. 4. С. 189, 199; ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 521. Л. 36.

³ Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп. Заметки экономиста // ЭКО. 1989. №10. С. 70.

⁴ Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии: Доклад активу Ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 8. М., 1953. С. 117.

Одной из составляющих «второго этапа» новой экономической политики явилось проведение развернутого наступления на капиталистические элементы, подготовка к которому началась уже в 1926 г. Долгое время в отечественной историографии истолкование причин перехода к наступлению на частный капитал сводилось к формуле: «позитивные возможности частнокапиталистического предпринимательства были исчерпаны, все более сказывалась его отрицательная роль, и обострялась классовая борьба»¹. Между тем вопрос о судьбах частного предпринимательства в условиях провозглашенного перехода от этапа восстановления народного хозяйства к его реконструкции, возможности существования частного капитала с точки зрения логики дальнейшего социалистического строительства и допустимых масштабах его деятельности решался ведущими государственными политиками и экономистами 1920-х гг. весьма неоднозначно. Обнаруживая единство во вопросах стратегии, – «частному капиталу не место в социалистическом обществе» – политики и экономисты существенно расходились в вопросах тактики: когда и какими способами и методами вытеснять частный капитал. Решающим аргументом в этих спорах выступал размер накоплений, сосредоточенный в руках частных предпринимателей.

Изучение частного капитала, проводимое наркоматами торговли, финансов, РКИ, ЦСУ, а также комиссиями при ВСНХ, СТО, получило в середине 1920-х гг. дополнительный импульс и было упорядочено. Общее руководство исследованием «частного капиталонакопления» было возложено на финансово-экономическое управление НКФ СССР, при котором на постоянно действующей основе создавалось совещание из представителей Госплана, ЦСУ, наркомнаца, наркомторга, ВСНХ, ФЭУ, Госналога, Валютного управления и управления государственными доходами². Из сибирского региона в число обследуемых были включены города Барабинск, Барнаул, Бийск, Иркутск, Минусинск, Новосибирск и Омск³. Разрабатывались специальные программы и методики обследований, главный упор в которых делался на непосредственное посещение частных предприятий работниками финансовых органов, изучение материалов по налоговому обложению частного капитала. Планировался сбор материала о деятельности частного капитала в местных органах наркомторга, ВСНХ, кооперативных и коммунальных организациях, банках, ОВК, комитетах рыночных торговцев, ГПУ, общественных организациях.

Сложности в сборе информации, несовершенство методик и другие причины привели к существенной разнице как в определении общей суммы частного капитала в стране, так и темпов его накопления. Применяя различные методики подсчетов, наркомторг определял собственные средства частнокапиталистических предприятий на конец 1925/26 г. в 646 млн руб.,

¹ Архипов В.А. Этапы и методы регулирования... С. 129.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 586. Л. 78.

³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 797. Л. 79, 99.

наркомфин – в 520-544 млн руб., СТО – 366 млн руб.¹ Согласно результатам обследования частного капитала в Сибири, накопления частных предпринимателей в 1925/26 г. составили от 30 до 40 млн руб.² Несмотря на разницу в полученных исчислениях, существенный рост собственных средств частнокапиталистических предпринимателей, значительное увеличение сосредоточившихся в их руках прибылей являлись неоспоримыми фактами. По сравнению с общими размерами капитала, сосредоточенного в руках государства и кооперации, величина частного капитала являлась весьма незначительной. Однако его роль в народном хозяйстве, как считали экономисты того времени, значительно усиливалась благодаря большей оборачиваемости, чрезвычайной подвижности и высокой рентабельности.

Оперируя расчетами одного из работников наркомфина – П.Н. Кутлера, определившего сумму частного капитала в стране в 1 млрд 300 млн руб.³, – Г.Л. Пятаков, Е.А. Преображенский и другие экономисты и политические деятели выступили с критикой экономической политики партии и государства, якобы потворствующей быстрому росту частного капитала, и призвали перейти в решительное наступление на нэпманов и кулаков путем изъятия у последних «избыточного» накопления⁴. Эта мера рассматривалась оппозицией как один из источников финансирования ускоренного проведения индустриализации, форсирование которой должно было, по мнению оппозиционеров, осуществляться преимущественно за счет источников, находящихся вне сферы социалистического хозяйства.

Полученные наркоматами данные противоречили расчетам П.Н. Кутлера. С опровержением строящейся на этих расчетах концепции оппозиционного блока выступили Ш.М. Дволацкий, С.Г. Струмилин и другие⁵. Призыв к взвешенности и реализму в оценках масштабов деятельности частного капитала в стране и к продолжению политики, направленной на сотрудничество с ним, содержался в материалах XV конференции ВКП(б), проходившей осенью 1926 г. В докладе на конференции «О хозяйственном положении и задачах партии» А.И. Рыков, развенчивая «политический капитал» оппозиции, охарактеризовал методы государственного регулирования частнокапиталистического предпринимательства в стране, их успешные результаты, приведшие к падению удельного веса частного капитала в народном хозяйстве. При этом была отмечена необходимость значительного расширения частнокапиталистического предпринимательства в целесообразных, с точки зрения

¹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 11. Д. 858. Л. 187; Ф. 7733. Оп. 5. Д. 920. Л. 19об.; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 715. Л. 98.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 18, 23об.

³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 11. Д. 135. Л. 26.

⁴ Преображенский Е. Экономические заметки // Большевик. 1926. №6. С. 62-63.

⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 715. Л. 75, 98; Бронский М. К экономической платформе оппозиции // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. V. С. 25; и др.

развития народного хозяйства, отдельных отраслях экономики¹. При обсуждении вопроса об источниках дальнейшего развития социалистической промышленности в Коммунистической Академии в основном докладе по этому вопросу «О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития в СССР» В.П. Милютин также отметил ошибочность переоценки опасности частного капитала. Сравнивая боязнь возрастания частнокапиталистического накопления со взглядами так называемой рабочей оппозиции в начале 20-х гг., В.П. Милютин подчеркнул, что «если бы эти ошибки получили сейчас осуществление, это было бы чревато тем же срывом нашего развития, как было бы срывом по существу всей новой экономической политики, если бы идеи рабочей оппозиции получили в начале нэпа свое осуществление»².

Казалось бы, налицо две совершенно противоположные друг другу концепции в отношении дальнейших судеб частнокапиталистического предпринимательства в стране: так называемой левой оппозиции, рассматривавшей частнокапиталистическое хозяйство, как и крестьянское, в качестве основных объектов эксплуатации в ходе «первоначального социалистического накопления»; и большинства партийного руководства, декларирующего приверженность сотрудничеству с частным капиталом на принципах нэпа. Однако при тщательном рассмотрении взглядов большинства партийно-хозяйственного руководства на роль и место частного капитала в системе переходного периода явно видна та противоречивость в отношении к «частнику», которая наблюдалась ранее и которая исподволь начала находить свое выражение в 1926 г. в санкционировании нового этапа административного нажима на него.

Так, в резолюции по политическому докладу ЦК XIV съезду ВКП(б) содержится тезис о борьбе между капиталистическими и социалистическими элементами внутри страны как одной из основных форм классовой борьбы³. А.И. Рыков, предлагая на XV партийной конференции дальнейшее использование частного капитала в отдельных отраслях экономики, подчеркивал, что с частным капиталом велась и будет вестись борьба. При этом чисто административные методы регулирования частнокапиталистического предпринимательства: ограничение транспортных перевозок частных грузов, государственное снабжение частных розничных торговцев товарами на условиях продажи последних по фиксированным государством ценам, усиление прогрессии подоходного налога и другие, – были докладчиком и конференцией всячески одобрены⁴. Как проявление обостряющейся классовой борьбы рассматривал отношения с частным капиталом и Н.И. Бухарин в своих работах

¹ XV конференция ВКП(б) 26 октября – 3 ноября 1926 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 128, 130.

² Милютин В.П. О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития в СССР: Доклад в Коммунистической Академии 27 апреля 1926 г. // Вестник Коммунистической Академии. 1926. Кн. 16. С. 226.

³ XIV съезд ВКП(б). ... С. 960.

⁴ XV конференция ВКП(б). ... С. 129-130, 788-789.

1926 г., подчеркивая при этом, правда, что борьба эта должна вестись преимущественно в экономических формах¹. Обсуждая возможные источники дальнейшего развития социалистической промышленности, участники апрельской дискуссии 1926 г. в Коммунистической Академии в качестве одного из них, несмотря на критику при этом соответственных положений концепции оппозиции, рассматривали изъятие осевших в частном секторе средств. При этом В.П. Милютин сетовал: «Если бы у нас была однотипная система, работающая сверху донизу в условиях частной собственности, то эти частные накопления добровольно совершили бы свой переход в органически более высокоразвитое хозяйство – в крупную промышленность. Теперь этого нет и быть не может. Вот основная диспропорция в темпе развития нашего хозяйства»². Следуя ленинскому тезису о частном капитале как пособнике социалистического строительства, использовании его как средства развития производительных сил, большинство партийно-хозяйственного руководства страны рассматривало тем не менее «допущение» частного капитала лишь с точки зрения классовой борьбы, считая таким образом, что «допущению» этому придет конец в скором будущем. В этом смысле взгляды И.В. Сталина и его окружения, как и партийно-хозяйственного аппарата на местах, уже в этот период не во многом отличались от соответствующих положений платформы оппозиции. Более того, чисто психологически большинство местных хозяйственников никогда всерьез не рассматривало возможность долговременного плодотворного сотрудничества с частным капиталом, и при возникновении хозяйственных затруднений автоматически пыталось выйти из них за счет частных предпринимателей, особенно если эти трудности создавали проблемы в работе государственного сектора в промышленности и торговле.

Красноречивым примером этому служит ситуация с мануфактурой, сложившаяся на рынках Сибири в начале 1925/26 г. Отмеченный конъюнктурным институтом наркомфина СССР с октября 1925 г. острый неудовлетворенный спрос на мануфактуру, возраставший из месяца в месяц, автоматически означал прекращение всякого отпуска мануфактуры государственными организациями частным розничникам, направление ее только в кооперативные и государственные розничные торговые точки³. Интересно, что при этом официальной письменной директивы на места послано не было, однако ряд городов посетили инспекторы сибкомвнutorга и негласно запретили отпускать мануфактуру частным торговцам⁴. В дальнейшем же при поставках государственных органов частным розничникам разрешалось отпускать им не более 10% от общего объема поступавшей торгу мануфактуры⁵. Отпуск

¹ Бухарин Н.И. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б) 10-11 февраля 1926 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 239.

² Милютин В.П. О проблеме диспропорции... С. 234.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 596. Л. 58об., 62об., 68об.; ГАНО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 59. Л. 103об.

⁴ ГАНО. Ф. 659. Оп. 2. Д. 9. Л. 369.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 37.

осуществлялся на особых условиях, предусматривающих помимо продиктованных государством цен, так называемую нагрузку в виде более 40% неходовых товаров в каждой закупке частного розничника у государственного оптовика¹. Получая партии товаров у государственных оптовых организаций, каждый частный торговец должен был принимать обязательства не вывозить товары за пределы Сибири, производить надбавки на цены треста не выше установленных сибкрайисполкомом для розничной торговли этим видом товара и т.п. В случае нарушения пунктов обязательства предприниматель должен был уплатить неустойку. Государственным же организациям давалось право полностью прекратить дальнейшее снабжение этого частного торговца². Отсутствие же государственного снабжения при ликвидации частного опта означало на практике полный крах частного предприятия.

Такие ограничения особенно болезненно отразились на специализированных частных магазинах. Торговцы-мануфактуристы вынуждены были объединяться и посылать своих представителей для закупки мануфактуры на Нижегородскую ярмарку, в Москву и другие места. Дальность расстояния при транспортировке резко увеличивала себестоимость товаров, что отразилось на повышении цен в частной рознице. Государственные же органы, обвинив предпринимателей в искусственном «вздутии» цен и установив возможные максимальные наценки, грозили закрытием предприятиям, торговавшим по ценам выше установленных. Представители мануфактурной торговли определили свое положение как катастрофическое, поскольку оказались между двух огней: либо продавать товары с убытком для себя, либо вообще закрывать торговлю³. Но и в том, и в другом случае они должны были выплатить и подоходный налог, и уравнильный сбор за «проторгованное» полугодие.

Трудности в получении товаров побуждали торговцев просить местные отделения текстильного синдиката и Сибторга откровенно ответить на вопрос о перспективах дальнейшего товарного снабжения частных розничников, поскольку не видели смысла приобретать патенты на торговлю мануфактурой на следующее полугодие.

Видя, что почва уходит из-под ног, одни торговцы, сумевшие вовремя сориентироваться и спасти часть собственных средств, начали искать им иное применение. Другие, пытаясь сохранить прежний профиль торговли, вынуждены были искать обходные пути в получении товаров. Такие торговцы либо нанимали безработных, и те, образуя огромные очереди, скупали для частных торговцев мануфактуру в государственных магазинах и кооперативных лавках; либо, вступая в сговор с торговыми работниками синдиката или Сибторга, приобретали товар из-под полы, отдавая впоследствии часть полу-

¹ ГАТО. Ф. 204. Оп. 5. Д. 17. Л. 3; ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110. Л. 12об.; ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 101. Л. 14.

² ЦХАФАК. Ф. 105. Оп. 2. Д. 33. Л. 19-20; ГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 34. Л. 58.

³ ГАИО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 109. Л. 61.

ченной прибыли своим государственным «покровителям». Третьи рассуждали таким образом: «Зачем я числюсь нэпманом, гражданином второго сорта, клиентом фининспектора, кандидатом в Нарым? Надо без надрыва и без Нарыма. Надо с профкнижкой»¹. Они всеми правдами и неправдами стремились перейти на государственную службу.

Смягчение товарного дефицита к весне 1926 г. не вызвало изменений в политике снабжения частных торговцев. Сибкрайвнторг, спеша предупредить «возможные ослабления тех регулирующих мероприятий, которые до сего времени проводились по отношению к частному капиталу», направил всем окрвнторгам распоряжения о продолжении политики ограничения и регулирования размера отпуска частным розничникам дефицитных товаров. При этом подчеркивалось, что товарный фонд «для частных» не должен превышать по мануфактуре – 20%, по металлам – 12%, по коже – 7% от общей суммы конкретного товара, предназначенного для реализации в данном месяце². При этом сохранялись все прежние условия такого снабжения: «нагрузка», предельные цены, оплата наличными и т.д.

При всех неблагоприятных обстоятельствах частные торговцы продолжали составлять конкуренцию госторговле и кооперации. Местные отделения текстильного синдиката с неподдельным удивлением констатировали, что «частник все же держится и существует; мало того – является достаточной помехой кооперации в смысле отвлечения от нее потребителей»³. Однако начавшееся в 1926 г. сужение сфер частной торговли все больше толкало ее в сторону спекуляции и вынужденного мошенничества.

Возникшие в 1926 г. затруднения в снабжении государственной кожевенной промышленности сырьем, ставшие предметом обсуждения совещания по частному капиталу в наркомате финансов весной 1926 г., автоматически привели к административным мерам в отношении частной кожевенной промышленности⁴. Циркуляром наркомторга СССР от 8 апреля 1926 г. государственным и кооперативным заготовителям запрещалось продавать кожсырье частным лицам и кустарным объединениям, а постановлением наркомторга от 3 апреля 1926 г. предлагалось государственным и кооперативным организациям, торгующим кожтоварами и обувью, производить отпуск товара частным торговцам на условиях, сходных с отпуском мануфактуры⁵. В декабре 1926 г. подкомиссия СТО по изучению частного капитала высказалась за пересмотр арендной, банковской и налоговой политики в отношении частных кожзаводов. При этом отмечалась необходимость прекращения сдачи кожзаводов в аренду, финансирования частных заготовок банками и ОВК, повышения налогового обложения и других мер⁶. На основании этих решений

¹ Лежнев И. Госшাপка. ... С. 21.

² ГАНУ. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 6. Л. 25-26.

³ ГАКК. Ф. 822. Оп. 1. Д. 72. Л. 171об.-172.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 674. Л. 1-14.

⁵ Законы о частном капитале. ... С. 144-145, 147.

⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 676. Л. 120.

президиум Сибкрайисполкома в сентябре 1926 г. наметил целый ряд мероприятий «по ограничению частника». Всем государственным и кооперативным организациям воспрещалось продавать кожсырье частным лицам и предприятиям, а также сдавать его для выработки на кустарные заводы. Было решено прекратить кредитование частной кожевенной торговли и промышленности, ограничить сдачу кожзаводов в аренду частным лицам и войти в центральные хозяйственные органы с ходатайством о внесении в действующее законодательство необходимых корректив в целях усиления обложения мелкой кожевенной промышленности¹.

Но особенно ярко стремление выйти из хозяйственных затруднений за счет частного капитала проявилось в связи с поиском дополнительных источников финансирования проводимой индустриализации в ходе реконструкции народного хозяйства. Это выразилось в административном изъятии находящихся в руках частных предпринимателей денежных средств путем резкого изменения кредитной и особенно налоговой политики государства.

В результате проведенного финансово-экономическим бюро наркомата финансов в 1925/26 г. исследования влияния налоговой системы на частнопредпринимательскую деятельность был сделан вывод о недообложении последней. Благодаря ослаблению налогового пресса, а также высокой рыночной конъюнктуре, большим накидкам на цены розничной торговли, частным предпринимателям удалось существенно повысить рентабельность работы своих предприятий. В связи с этим бюро был поставлен вопрос об изъятии в пользу государства этих, как считалось, временных конъюнктурных прибылей². Способы такого изъятия были найдены незамедлительно.

В целях усиленного налогообложения прибылей со второго полугодия 1925/26 г. постановлением СНК СССР был введен временный государственный налог на сверхприбыль. Им должны были облагаться торгово-промышленные доходы не ниже шестого разряда по тарифам подоходного налога, т.е. с полугодовым доходом свыше 1200 руб., когда увеличение дохода являлось результатом использования конъюнктурных условий рынка³. Осуществление этого закона на практике вызвало массу вопросов. В июле 1926 г. финансовый отдел г. Канска недоуменно запрашивал сибирский краевой финансовый отдел: как быть с теми частными предприятиями, доходность которых во втором полугодии 1925/26 г. оказалась выше, чем в первом, вне зависимости от конъюнктурных условий, а явилась следствием увеличения оборота, расширения предприятия, рационализации постановки дела, сокращения накладных расходов и подобных причин. На что налоговый отдел сибирского краевого исполкома заявил, что полученная повышенная доходность хотя бы и вне связи с конъюнктурными условиями рынка и являю-

¹ ЦХАФАК. Ф. 105. Оп. 2. Д. 47. Л. 74.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 12. Д. 116. Л. 148об.

³ Гензель П.П. Прямые налоги: очерк теории и практики. ... С. 100.

щаяся следствием увеличения оборота, расширения предприятия, рационализации постановки дела, сокращения накладных расходов и подобных условий, подлежит обложению налогом на сверхприбыль¹. Тем самым практически всякое увеличение доходности частного предприятия, независимо от его причин, автоматически вызывало сбор с этих предприятий налога на сверхприбыль.

Проведенная в сентябре 1926 г. реформа подоходного налога также значительно усилила налоговый пресс на частных предпринимателей. Отныне подоходный налог должен был взиматься с совокупного дохода вместо ранее применявшегося порядка обложения с каждого источника дохода. При этом ставки налога в отношении владельцев и совладельцев торгово-промышленных предприятий, подрядчиков, комиссионеров и рентьеров были значительно повышены, с доведением прогрессии до 45%, то есть в полтора раза по сравнению с 1924/25 г., в то время как государственные и кооперативные организации должны были выплачивать постоянно 8%².

Таким образом, негативная реакция политического руководства на заявление Г.Л. Пятакова о миллиардной прибыли в частнокапиталистическом секторе хозяйства и соображения Е.А. Преображенского об увеличении налогов на частное хозяйство оказалась не более чем очередным приемом борьбы за лидерство в партии. Процесс экономически необоснованного изъятия денежных средств в частнокапиталистическом секторе получил в 1926/27 г. и в дальнейшем широкое распространение.

В результате перечисленных выше мер уже в 1926/27 г. обнаружилась тенденция сворачивания деятельности частных предпринимателей как в СССР в целом, так и в Сибири в частности. Так, в 1926/27 г. по сравнению с предыдущим годом численность частной торговой сети сократилась в СССР на 21,2%, в Сибири – на 21,8%³.

Незначительный рост частной промышленности, наметившийся в 1925/26 г., сменился периодом сокращения ее численности и оборотов. В то же время большинство экономистов и хозяйственников, отстаивающих возможность дальнейшего плодотворного сотрудничества с частным капиталом, признавали, что наиболее желательным является такое сотрудничество именно в промышленной сфере. Оно позволило бы решить проблему насыщения рынка промышленными товарами, а также проблему эффективной переработки продукции сельского хозяйства, облегчило бы учет и контроль за работой частного капитала. При этом наиболее желательным типом частнохозяйственного промышленного предприятия наркоматом финансов признавались частные предприятия среднего или даже крупного размера как устраняющие

¹ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1512. Л. 13-14.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6984. Л. 235-236об.

³ СССР. Год работы правительства: Материалы к отчету за 1926/27 бюдж.г. М., 1928. С. 294; Торговля РСФСР: 1925-1928 гг. / Под ред. Н.В. Никольского. Л., 1929. С. 362-363, 388-389; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 1380. Л. 80; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2494. Л. 14об., 16об.-17; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1105. Л. 48; Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 55, 59.

развитие скрытых форм помещения частного капитала и легче поддающиеся надзору со стороны органов государственного налогового обложения и охраны труда. Было признано наиболее желательным расширение участия частного капитала в переработке продукции государственной промышленности (выработка металлоизделий, бумажных изделий, трикотажное производство, обувная, швейная промышленность), в добыче и обработке минералов и дерева, в переработке находящейся в избытке на внутреннем рынке продукции сельского хозяйства, в том числе кожевном и мыловаренном производствах, а также в строительстве¹. Но для перемещения частного капитала из торговой сферы в промышленное производство необходимо было изменить систему промыслового налогообложения частного капитала и дать гарантии в длительности его использования в народном хозяйстве. И надо заметить, что ряд хозяйственников признавали необходимость подобных перемен. Так, один из работников ВСНХ 1920-х гг. А.М. Гинзбург предлагал разработать декрет о порядке открытия и регистрации частных промышленных предприятий, поскольку действующее законодательство ограничивало право частных лиц содержать промышленные предприятия, насчитывающие более 20 наемных рабочих². На деле же существовали сотни предприятий, имеющие более 20 рабочих. Их положение являлось неопределенным и неустойчивым. Многие совнархозы вовсе не регистрировали такие частные предприятия, другие делали это условно. В то же время ликвидация этих предприятий означала бы увольнение тысяч рабочих и была экономически невыгодна.

Однако попытки предпринять конкретные меры в направлении активизации частного капитала в производстве и упрочения его правового положения были сделаны лишь в области жилищного строительства. Вопрос о привлечении частных предприятий и лиц в качестве подрядчиков к выполнению государственных строительных работ неоднократно обсуждался в СНК и СТО в течение 1926 г. Результатом дискуссии, однако, стало лишь указание на то, что в случаях конкуренции государственных строительных контор и частных подрядчиков не следует давать привилегии государственным строительным конторам, а когда это окажется более выгодным и надежным, надлежит не воспрещать прибегать к услугам частных подрядчиков, если таковые основаны на реальных гарантиях их выгоды (устойчивость имущественного положения подрядчика, наличие предшествующего опыта строительной деятельности, благоприятная репутация и т.д.). Признавалась и необходимость изменения условий кредитования и налогового обложения частных предпринимателей, пожелавших участвовать в государственном строительстве³. Однако и этот проект во многом остался на бумаге.

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 14. Д. 199. Л. 19; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1199. Л. 48об., 49об.

² Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. ... С. 33.

³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 242. Л. 143-144, 153, 242.

Таким образом, уже в 1926 г. при видимом росте накоплений в частном секторе, поддержке некоторыми экономистами курса на дальнейшее развитие сотрудничества с частным капиталом, подтверждение последнего в резолюциях высших партийных органов, на практике начинается подготовка к осуществлению тезиса платформы критикуемой на всех уровнях оппозиции об изъятии у частных предпринимателей накопленных ими средств, подводится юридическая платформа под идеологическое неприятие «частника», которое в последующий период станет государственной политикой.

В историко-экономических публикациях же в течение всего 1927 г. продолжали обсуждаться различные проекты дальнейшего использования частного капитала. В связи с этим назывались отрасли добывающей промышленности: добыча угля, нефти, мела, глины, золота и т.д. и обрабатывающей промышленности: производство бумаги, некоторых видов галантереи, консервов, обуви, хирургических и оптических инструментов, а также строительство¹. При обсуждении проекта первого пятилетнего плана в Коммунистической Академии говорилось о необходимости сохранить в предстоящем пятилетии стабильность частной торговли². Противником быстрых темпов сокращения частной торговли являлся один из известных в 1920-е гг. экономистов В. Канторович. «Под углом зрения проблем избыточного населения, – писал он, – немисливо согласиться с той частью пятилетки Госплана, которая проектирует резкое сокращение в частной торговле»³. С точки зрения жизненного значения мелкого производства для хозяйственного развития страны отстаивал необходимость сохранения частного капитала в промышленности другой известный экономист 1920-х гг. – А.М. Гинзбург. В своем докладе на совещании коллегии планово-экономического управления ВСНХ СССР с плановыми органами союзных республик он доказывал, что имеет смысл использовать частный капитал в качестве не только проводника кустарных товаров на рынок и поставщика сырья и материалов, но и непосредственного организатора мелких кустарных предприятий, действующих с небольшим количеством рабочих⁴. И даже Ю. Ларин, известный своими крайними суждениями в отношении частного предпринимательства, говорил в этот период, что в некоторых отраслях частный капитал приемлем⁵. В одной же из правительственных комиссий в 1927 г. обсуждался вопрос о том, чтобы обязать наркомторг представить план постепенного вытеснения лишь в деся-

¹ Копалкин В.М. Частная промышленность в СССР. М.; Л., 1927. С. 42; Куперман О. Социально-экономические формы промышленности СССР. М.; Л., 1929. С. 78; и др.

² Вайсберг Р.Е. Контрольные цифры на 1927/28 г. и план социалистического строительства // Большевик. 1927. №19/20. С. 42-43.

³ Канторович В. Основные тенденции в области товарооборота в предстоящем пятилетии // Социалистическое хозяйство. 1927. Кн. III. С. 123.

⁴ Гинзбург А.М. Перспективы развития промышленности СССР на 1927/28 – 1931/32 гг. // Там же. С. 34.

⁵ Ларин Ю. Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка // Большевик. 1927. №11-12. С. 78.

титетный срок частного капитала из торговли¹. На II краевом съезде Советов Сибири, проходившем в апреле 1927 г., выступавший от имени правительства Н.П. Брюханов напрочь отверг способ государственных накоплений, связанный с закрытием частной торговли и промышленности и «отображением» частных капиталов. Он твердо заявил: «Мы вступили на путь нэпа, согласно указаниям Ильича, всерьез и надолго, и мы вынуждены будем в этих условиях прожить еще не один год и, может быть, не один десяток лет».²

Таким образом, в течение всего года на разных уровнях говорилось о том, что торговле без частного капитала не обойтись, что велики перспективы его применения в промышленности, и нельзя поэтому форсировать темпы вытеснения, а, с другой стороны, уже в начале 1927 г. начали приниматься решения, выполнение которых как раз и приводило к такому форсированию.

Решения партийных и хозяйственных органов, принятые в этот период, не лишены противоречий, но общая линия на уничтожение частного капитала просматривается в них достаточно отчетливо. Если на Пленуме ЦК ВКП(б) 7-12 февраля 1927 г. говорилось лишь о продолжении курса на систематическое уменьшение роли частного капитала, на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 21-23 октября того же года речь шла о возможности перейти к более систематическому и настойчивому ограничению частника³, то на XV съезде ВКП(б) в декабре того же года И.В. Сталин уже заявил о необходимости держать «курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве»⁴. Если на XIV съезде ВКП(б), выступая с критикой взглядов Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин указывал на необходимость понимания «диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата», «всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов»⁵, на июльском Пленуме 1927 г. подверг критике предложение сторонников Л.Д. Троцкого о сверхобложении частного капитала, которое повело бы к его ликвидации, пагубной при недостаточном охвате рынка государственной и кооперативной торговлей, то с декабря 1927 г. отношение к частным предпринимателям определяется им однозначно – ликвидация. Однако в резолюции XV съезда по отчету ЦК еще была принята осторожная формулировка о необходимости применения в отношении частного капитала «более решительного хозяйственного вытеснения», а в резолюции по докладу А.И. Рыкова и содокладу Г.М. Кржижановского «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» подчеркивалось, что «вытеснение частника с рынка ... должно происходить ... так, чтобы это вытеснение не влекло

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 715. Л. 72.

² Второй краевой съезд Советов Сибири (1-6 апреля 1927 г.): Газетные репортажи и документы / Сост. И.А. Молеготов. Новосибирск, 1991. С. 24.

³ КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 147, 433.

⁴ XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет. М., 1961. С. 59.

⁵ Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 7. М., 1952. С. 339, 341.

за собой бреши в товаропроводящей сети и перебоев в снабжении рынка»¹. В Сибири о возможности возникновения «торговых пустынь» не вспоминали, и новые веяния из центра восприняли весьма однозначно. Второй съезд Советов Сибири поручил крайисполкому «принять ряд мер к дальнейшему вытеснению частного капитала из торговли»². Задачи «вытеснения нэпмановского элемента», «борьбы с капиталистическими элементами», «выкорчевывания корней капитализма»³ ставились сибирскими партийными органами перед хозяйственными организациями в качестве магистральных.

В острую политическую полемику конца 1920-х гг. сторонником постепенности в социалистических преобразованиях вступил Н.И. Бухарин. В статье «Заметки экономиста» он, не отрицая классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму, вместе с тем отмечал, что «общество переходного периода есть в то же время известное единство, хотя и противоречивое», в которое входят разнородные элементы. Поэтому главная задача пролетарской диктатуры, по мнению Н.И. Бухарина, заключалась в том, чтобы «добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы»⁴. В своем выступлении на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. Н.И. Бухарин подверг резкой критике пресловутую, как он выразился, «теорию о том, что, чем дальше к социализму, тем больше должно было быть обострение классовой борьбы и тем больше на нас должно наваливаться трудностей и противоречий»⁵. Выступил он также и против разного рода «чрезвычайщины» – мероприятий, «которые насильственно сокращают товарооборот, которые представляют собою форму прямого административного нажима, которые являются формой непосредственного административного воздействия и командования»⁶. Отстаивая в острой политической борьбе с большинством ЦК принципы новой экономической политики, Н.И. Бухарин доказывал, что еще на долгие годы решающей формой экономической связи будет оставаться рыночная связь, главными формами хозяйственных отношений – отношения рынка⁷. Следовательно, делал вывод Н.И. Бухарин, ведущая роль государства должна заключаться в развитии и регулировании рыночных отношений, в развертывании товарооборота, а не в от-

¹ XV съезд ВКП(б). ... С. 1449.

² Второй съезд Советов Сибири. ... С. 156.

³ Итоги пленума Сибрайкома ВКП(б) // Большевик. 1927. №1. С. 21; Решения краевого организационного партийного совещания (9-12 ноября 1928 г.) // Известия Сибирского краевого комитета ВКП(б). 1928. №20/21. С. 16; и др.

⁴ Бухарин Н.И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года. 30 сент. 1928 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 395, 397-398.

⁵ Бухарин Н.И. Выступление на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 263.

⁶ Там же. С. 281.

⁷ Там же.

казе от рыночной экономики, с которым у большинства ассоциировался этап экономической политики, связанной с реконструкцией народного хозяйства.

Однако проекты хозяйственного развития страны, содержащиеся в работах Н.И. Бухарина конца 1920-х гг. и получившие в историографии название «бухаринской альтернативы», а также и в первом варианте первого пятилетнего плана экономического развития, разработанном наркомфином проекте эмиссионной политики (его значимость подчеркнута современным исследователем Ю.П. Бокаревым¹) партийно-хозяйственным руководством страны во главе с И.В. Сталиным рассматривались лишь с точки зрения принадлежности авторов к той или иной политической группировке, борющейся за власть в партии. Именно поэтому высказанные И.В. Сталиным мысли о прямой связи второго этапа нэпа со свертыванием «несоциалистических» товарно-денежных отношений официально не могли быть оспорены. Утверждение же Н.И. Бухарина о необходимости вести борьбу с частным капиталом экономическими методами, отстаивание им расширения рыночных отношений в целом, как и предлагаемые взвешенные темпы сокращения частного предпринимательства в первом варианте первого пятилетнего плана оценивались как политическая контрреволюция, а инициаторам этих идей навешивались политические ярлыки. В этой обстановке узурпации права на мнение и происходило дальнейшее развитие отношений с частнокапиталистическим укладом хозяйства.

Надо заметить, что курс на ликвидацию капиталистических элементов в конце 1920-х гг. отражал широко распространенные в обществе настроения. Видимо, мало кто задумывался в 1927 г., что хозяйственные успехи, достигнутые государством в годы нэпа, были связаны отчасти и с большой предпринимательской деятельностью капиталистических элементов. В массовом сознании чрезвычайно прочно утвердилась иллюзия того, что экономические победы были одержаны вопреки хозяйственной деятельности частного капитала.

Общий курс центрального партийно-хозяйственного аппарата на ликвидацию частного капитала был поддержан и рядом ученых тех лет. Большинство исследователей 1920-х гг. объясняли резкое изменение в выборе методов регулирования частника, происходящее в 1926-1927 гг., тем, что «плану реконструкции нашего хозяйства соответствует и план реконструкции наших отношений к частому капиталу»². В исследованиях по историко-экономической проблематике с 1927 г. начал активно проводиться тезис о том, что реконструктивный период требует ликвидации «частнокапиталистических форм организации хозяйства», под которыми понимались товарные биржи, принцип конкуренции между государственными предприятиями, са-

¹ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство... С. 260, 270-276.

² Мингулин И. Пути развития частного капитала... С. 155.

мокупаемость, коммерческий расчет¹, не говоря уже о частном предпринимательстве как таковом. В основе принятия линии на полное вытеснение частнохозяйственного механизма из экономики страны была и уверенность в готовности государственного и кооперативного секторов полностью заменить частный капитал как организатора меновых связей в народном хозяйстве, а также твердая уверенность в возрастании вреда, который приносит частный капитал в условиях напряженной рыночной конъюнктуры.

Наступившие в 1926 г. перемены в выработке методов регулирования частного капитала в сторону их ужесточения (возвращение к курсу на полную ликвидацию частного опта, введение налога на сверхприбыль, регламентация поставок и цен в частной торговле и промышленности и др.) получили в 1927-1930 гг. логическое завершение, привели к окончанию легальной деятельности частного капитала.

Постановлением Совета Труда и Оборона от 16 февраля 1927 г. «О порядке продажи товаров государственными и кооперативными организациями частным торговцам» частнику приписывалось продавать товары только в соответствии с установленными государством нормами торговых накидок². Впоследствии организованное государством плановое снабжение частнокапиталистического сектора должно было стать всеобъемлющим, распространяться с недостаточных товаров на все товарные поставки, проводиться на основаниях, предусматривающих продиктованные государством розничные цены. При этом установленный наркомторгом порядок снабжения государством частной розницы предусматривал полное прекращение отпуска государством товаров частным оптовикам³. Кооперации же вообще запрещалось сбывать свои товары в какой бы то ни было форме на частный рынок⁴. Тем самым частные розничники ставились в полную зависимость от государства.

В условиях обострявшегося дефицита товаров широкого потребления частные торговцы полностью лишались возможности приобрести законным путем любой ходовой товар через государственную и кооперативную сеть, что стало причиной разорения многих коммерческих предприятий. Товарная изоляция «новых» предпринимателей была настолько распространенным явлением, что стала поводом для анекдотов, один из которых опубликовал выходивший во Франции журнал «Иллюстрированная Россия»: «В зоопарке. – Папа, почему слон голый? – Должно быть, не член кооператива, вот и не продают ему мануфактуры»⁵.

Наркоматом финансов был взят курс на сокращение банковского кредитования частных предпринимателей, внесены существенные изменения в основные принципы кредитования коммерческого оборота в стране. Декларировалось, что общий размер средств, вложенный банками в кредитование

¹ Леонтьев А., Хмельницкая Е. Очерки переходной экономики. Л., 1927. С. 132.

² Законы о частном капитале. ... С. 141.

³ Торгово-промышленная газета. 1927. 27 янв., 3 дек.

⁴ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 1. Д. 85а. Л. 21, 22.

⁵ Советский юмор // Иллюстрированная Россия. 1928. №44. С. 21.

частной промышленности и торговли, подлежит сокращению, что кредит должен обслуживать только те отрасли частной промышленности, в которых применение государственного производственного капитала или неосуществимо, или ограничено, а также по линии производства недостаточных товаров; что кредитование частной оптовой торговли может осуществляться лишь в исключительных случаях, а в розничной – только при посредничестве участия объединений розничников и под их гарантии и только при торговле достаточными товарами. Кредитование же частных хлебозаготовок и заготовок сырья запрещалось. Государственным и кооперативным организациям было запрещено состоять членами обществ взаимного кредита, в которых объединялись частные капиталы, а акционерным банкам запрещалось кредитовать эти общества Постановлением наркомата финансов от 21 марта 1927 г. было запрещено всем кредитным учреждениям, в том числе и обществам взаимного кредита, производить товарно-комиссионные операции с рядом товаров (мануфактурой, кожей, бумагой и т.п.)¹. Помимо прочих последствий, подобное изменение кредитной политики привело к огромным финансовым затруднениям в обществах взаимного кредита. Как следует из отчетов Барнаульского, Омского и других ОВК Сибири, с конца 1926 г. им пришлось перейти исключительно на собственные средства вследствие полного прекращения государственных кредитов и совершенно перестать проводить самостоятельные товарно-комиссионные операции².

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 мая 1927 г. был узаконен принятый временно в 1926 г. государственный налог на сверхприбыль «с суммы, составляющей разницу между всей суммой дохода, определенного для обложения государственным подоходным налогом, и суммы нормального дохода»³. Например, если при годовом обороте в 31000 руб. сумма дохода составляла 19404 руб., а сумма нормальной доходности для данного вида торговли была установлена в 12400 руб., то разница между этими суммами в 7004 руб. квалифицировалась как сверхприбыль и облагалась по еще более прогрессивной шкале, чем «нормальный» доход. Однако бюджетное значение этого налога оказалось невелико. Вопреки ожиданиям получить дополнительно 20-30 млн руб. налоговых поступлений от этого налога, в 1926/27 г. удалось собрать по стране всего 9,5 млн руб.⁴ Это объяснялось как неразберихой в практике определения окладов дополнительного обложения, так и тем, что большинство частных предприятий, особенно в Сибири, были преимущественно мелкими, с незначительными оборотами. Так, в Иркутском округе, например, в 1926/27 г. налогом на сверхприбыль были обложены лишь 10 частных предприятий⁵.

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 677. Л. 16; Оп. 6. Д. 757. Л. 35-36об.; Оп. 7. Д. 364. Л. 18-18об.; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 682. Л. 133.

² ЦХАФАК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 3-5; ГАОО. Ф. 593. Оп. 2. Д. 10. Л. 70-76; и др.

³ Законы о частном капитале. ... С. 313.

⁴ Организационные формы и методы... С. 67.

⁵ ГАИО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 215. Л. 24.

Гораздо более выраженный конфискационный характер продолжал оставаться у подоходного налога. Положение плательщиков категории «В», к которым относились частные предприниматели, усугублялось тем обстоятельством, что в 1926/27 г., когда доходы «новой» буржуазии упали, обложение подоходным налогом проводилось по высоким доходам 1925/26 г., когда наблюдался заметный рост частных накоплений. Так, налоговое бремя в отношении крупной и средней «новой» буржуазии составило в 1926/27 г. в среднем 659074 руб. на душу (31,7% к доходу) против 457018 руб. (20,4% к доходу) в 1925/26 г. У владельцев же ценовых частных предприятий процент изъятия дохода достиг в 1926/27 г. 48,9% против 26,5% в 1925/26 г.¹ Тенденция нарастания налогового пресса для частных предпринимателей продолжалась и в следующие годы.

По новому положению о государственном промысловом налоге, введенному в действие с августа 1928 г., этот налог должен был взиматься с торгово-промышленных предприятий в процентном отношении к обороту согласно принадлежности к одной из 16 категорий и в рамках каждой категории – в зависимости от принадлежности к социальному сектору. Так, для торгово-промышленных предприятий IV категории процент изъятия по отношению к обороту для государственных и кооперативных предприятий составлял 1,8%, а для частных предприятий – 2,35% к обороту².

Согласно размерам доходов должен был взиматься и военный налог: при доходе не выше 1800 руб. в год – 50% от оклада подоходного налога, не выше 3000 руб. – 75% и выше 3000 – 100% оклада подоходного налога³. В совокупности с повышением размеров местных сборов, а также увеличением арендной и квартирной платы в 2-3 раза эти изменения в налогообложении привели к тому, что процент налогового изъятия в частнокапиталистических торговых и промышленных предприятиях в ряде случаев составлял 78% от суммы чистого дохода. И даже пеня за несвоевременную выплату налогов с государственных и кооперативных предприятий начислялась в размере 0,1% за каждый просроченный день, а с частных предприятий и лиц – 0,3%⁴. В связи с тем, что предприниматели часто прибегали к фиктивному закрытию своих заведений в момент налогового учета, была введена выплата налогов авансом в размере 75% оклада предшествовавшего года⁵.

Продолжала сохраняться и хорошо усвоенная фининспекторами еще с 1923/24 г. практика пристрастного обложения предпринимательского сектора, выражавшаяся в широком распространении преувеличения инспекторами действительных оборотов частных заводов и магазинов. В свою очередь плательщики пытались оспаривать искусственно преувеличенные данные о соб-

¹ Тяжесть обложения в СССР. ... С. 55, 69.

² Законы о частном капитале. ... С. 274-276.

³ СССР. Год работы правительства: материалы к отчету за 1928/29 г. М., 1930. С. 93; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 360. Л. 54.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6984. Л. 237.

⁵ Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы ... С. 72.

ственных оборотах. Так, в Иркутске в 1926/27 г. около четверти от всего состава плательщиков подали жалобы на действия фининспекторов, 40% из которых были удовлетворены. В 1927/28 г. около 20% всех плательщиков не согласились с установленными для них налогами, и более 50% их жалоб были удовлетворены. Причины преувеличения исчисления доходов сводились к обложению по валовому доходу без вычета действительных расходов, присоединению чужого дохода к доходу плательщика, признанию в качестве дохода всей израсходованной в окладном году суммы, а также к частым случаям нормативного обложения.

Эффективность использования налогового прессы в ходе общегосударственной кампании по вытеснению частного капитала из экономики не вызывает сомнений. Как писал «Социалистический вестник», «чека не успела даже вступить в игру, как частника и след простыл: с ним без всякого кровопролития справился фининспектор. Вместо тайных автомобилей, налетов с револьверами и бомбами и фигуры матроса в клеш – приходит скромный фининспектор с портфелем и говорит тихо: столько-то тысяч. Частник мечется, лавку или завод пока описывают и запечатывают, а если частник будет так наивен, что внесет деньги, то немедленно получает следующую удвоенную порцию налога, ибо метод сейчас такой: выжать налогами все, что можно, и потом все равно забрать и описать¹».

Всей совокупностью государственных мер в отношении частного капитала к концу 1927 г. предприниматели были окончательно поставлены в положение «лишней» социальной группы в обществе. Презрительно именуемые «спекулянтами», владельцы частных предприятий были лишены возможности получения кредитов и многих видов товаров, их договоры с государственными и кооперативными организациями произвольно нарушались последними, железнодорожные тарифы, квартирная плата, налоги для них устанавливались на порядок выше, чем для представителей других социальных групп населения. Следующим шагом на пути уничтожения частного капитала стало физическое устранение предпринимателей.

Поводом к началу кампании по открытой ликвидации частного капитала в Сибири, как и по всей стране, стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 г., вызванная ими известная поездка партийной делегации во главе с И.В. Сталиным в Новосибирск зимой 1928 г., во время которой так называемым тройкам, наделенным специальными полномочиями, было предписано в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 УК за спекуляцию продуктами сельского хозяйства². При этом поводом к аресту, конфискации товаров и всего имущества частного предпринимателя могла служить скупка им хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, сокрытие хлеба и последующий выпуск его на рынок и другие аналогичные действия.

¹ Старое в новом и новое в старом. Буржуазия // Социалистический вестник. 1930. №1. С. 13-14.

² ГАНО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 176. Л. 9, 89.

Поводом к аресту зачастую мог служить лишь сам факт владения крупным недвижимым имуществом или наличие в магазине большого количества товара. Предусмотренные 107 статьей Уголовного кодекса меры наказания сводились к лишению свободы сроком до одного года и конфискации всего или части имущества.

Оперативные сводки ОГПУ, сохранившиеся в фонде управления краевого прокурора Новосибирского государственного архива, свидетельствуют, что только за вторую половину января 1928 г., или, как говорилось в документах, «с начала проведения кампании», по 107 статье в Сибири было арестовано 396 частных предпринимателей¹. Среди них – владельцы кожевенных заводов, мельниц, торговцы хлебом, мануфактурой, чаем, мясом. Их имущество было конфисковано, имеющиеся денежные накопления изъяты, магазины, лавки, мастерские закрыты. Сообщения об арестах частных предпринимателей и конфискациях их имуществ не сходили со страниц «Советской Сибири» в течение всего года².

Способы перекачки средств из частнокапиталистического хозяйства в государственный сектор были официально санкционированы и циркуляром наркомата юстиции и Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1929 г. «О мерах борьбы с сокрытием доходов»³, применение которого на практике также приводило к обыскам, арестам частных предпринимателей и их семей, конфискациям имущества и прочим репрессиям. После объявления в газетах о недоимках по налогам в частном секторе по СССР в размере от 150 до 200 млн руб. к «пристальному» выявлению доходов частных предпринимателей и сбору недоимок подключилась общественность. Первыми организовали бригады по проверке взимания недоимок с «частника» рабочие московского электрозавода. По примеру москвичей в Сибири под руководством местных партийных органов также создавались «тройки» из «наиболее выдержанных и проверенных товарищей», которые должны были в короткие сроки, как правило, в течение недели, обследовать на вверенном участке всех недоимщиков и лиц, на которых падало подозрение в том, что они скрыли свои доходы. Эти «ударные бригады» путем тщательного обыска на квартирах выясняли, не прячет ли недоимщик своих ценностей и денег, нет ли у него скрытого имущества и т.д. Предварительно члены «тройки», узнав в налоговом участке фамилии и адреса недоимщиков, наводили о них справки у соседей, а затем выписывали ордера на обыск квартир. Причем так называемая подготовительная работа велась в обстановке глубокой конспирации с тем, чтобы обеспечить максимум внезапности в «проведении операций» (как, правило, ночных обысков)⁴. Широкое привлечение рабочих к подобной деятельности объяснялось не столько нехваткой работников налоговых служб, отсутствием

¹ Там же. Л. 3-8, 14, 28, 64.

² Советская Сибирь. 1928. 26, 31 янв., 2 февр., 17 мая; и др.

³ Законы о частном капитале. ... С. 310.

⁴ ЦХАФАК. Ф. 4 П. Оп. 3. Д. 23. Л. 3-3об.

специальной налоговой полиции, слабой подготовкой по экономическим вопросам местной милиции, сколько созданием на государственном уровне общей атмосферы нетерпимости к тем, кто сумел создать капитал и жил лучше других, а также подозрениями в лояльности фининспекторов, покрывавших высокие доходы частных предпринимателей.

С целью обеспечения реализации полностью соответствовавшей «задачам момента» линии в сборе налогов местными исполкомами и органами РКИ были проведены массовые «чистки» финансовых организаций. Их главной задачей было «немедленное удаление работников налогового аппарата, замеченных в пьянстве с торговцами и заподозренных в получении от последних взяток»¹. В результате таких «чисток», осуществляемых также с широким привлечением рабочих, получили широкую огласку «красноярское дело», «связь с частником» фининспекторов в Томске, в некоторых налоговых участках Барнаула и Новосибирска².

Подобные чистки были проведены и в государственных хозяйственных организациях. Только в сибирских филиалах Госбанка за «связь с чуждым элементом» было уволено 87 человек – бухгалтеры, счетоводы, кассиры и даже сторож³. Поиски «сращивания с частником» с особой жесточенностью проводились в партийных организациях. Членов партии, заподозренных в «порочных связях», тут же исключали из рядов коммунистов и увольняли с работы.

Иллюстрацией накала борьбы «за чистоту рядов» может служить ставшее предметом общественного разбирательства «дело партийца Евдокимова». Работавший в томском госторге Евдокимов дал распоряжение по записке «прошу подателю сего отпустить папирос для буфета» продать за наличный расчет папиросы. Впоследствии выяснилось, что приобрел эти папиросы владелец частного буфета. Евдокимов пришел в ужас от того, как он сам писал в объяснительной записке, «попал в ловушку, выразившуюся в сближении с частником и обогащении частного сектора при продаже папирос»⁴. Несмотря на то, что папиросы не относились к остро дефицитным товарам, этот случай местной партячейкой был признан как «сползание с классовой линии партии», а Евдокимов снят с работы.

Более трагично сложились судьбы председателя Иркутского губисполкома Лосевича, председателя «Лес-Треста» Фельдгуна, заведующего городским коммунальным хозяйством Киселева, заведующего городской телефонной станцией Кузикова и других, проходивших по «иркутскому делу» осенью-зимой 1926/27 г. Среди прочих им были предъявлены обвинения в предпочтении интересов частных лиц в личных целях при заключении с ними договоров. Шесть человек были приговорены к расстрелу. Параллельно с

¹ ГАНО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1566. Л. 7.

² Советская Сибирь. 1930. 9 янв.

³ ГАНО. Ф. 725. Оп. 2. Д. 35. Л. 52-52об.

⁴ ГАТО. Ф. 19 П. Оп. 1. Д. 791. Л. 105.

судебным процессом осуществлялась «чистка» горкомхоза, стройтреста, телефонной станции и иркутской конторы сиблестреста, направленная против «нэпмановско-контрреволюционной нечисти, облепившей партийно-советский аппарат». По результатам «чистки», охватившей 292 человек, 72 были уволены¹.

Деятельность правоохранительных органов поддерживалась широкой пропагандистской кампанией в прессе. «Советская Сибирь» в качестве эпиграфов ко всему материалу газетного номера время от времени помещала крупно напечатанные, бросающиеся в глаза лозунги: «Будем корчевать корни капитализма», «Даешь твердую классовую партийную линию», «Работницы и крестьянки, под руководством Коммунистической партии развертывайте наступление на кулака и нэпмана, стройте социализм!», «Надо крепче дать отпор классовому врагу» и т.п.² Помимо этого газета регулярно помещала материалы о разорении и закрытии частных предприятий.

Идеологическим обоснованием репрессивной кампании по отношению к «новым» предпринимателям стала теория обострения классовой борьбы по мере дальнейшего строительства социализма, сформулированная И.В. Сталиным и имевшая достаточно широкую поддержку в обществе. Об этом свидетельствовали, в частности, многочисленные письма рядовых граждан, направленные в конце 20-х гг. в газеты, партийные и государственные учреждения, проникнутые чувством злобы и открытой ненависти к разбогатевшим соседям. «Говорили, что при социализме все будут равны, а на деле как раньше, так и теперь, одни живут хорошо, другие плохо,» – отмечал один из авторов. В наказе депутатам местного совета рабочие со всей определенностью констатировали, что «в настоящее время враждебные классы приходят в столкновение с пролетариатом». «Новых» предпринимателей они ставили в один ряд со своими заклятыми врагами. «Вырос кулак, окреп нэпман, отрыгнул недорезанный буржуй, точит саблю недорасстрелянный белогвардеец,» – возмущались они³. Во многих посланиях содержались требования к власти поскорее расправиться с «этой тварью» – «проклятыми буржуями».

Действия в отношении частных предпринимателей постепенно стали приобретать все более общий характер и распространяться со сферы непосредственной частнокапиталистической деятельности на бытовой уровень, затрагивать семьи представителей новой буржуазии. Так, в старейшем в Сибири Томском университете после проверки социального состава студенчества более 100 человек были лишены права голоса и исключены из вуза из-за своей принадлежности к семьям частных промышленников и торговцев⁴. Аналогичные проверки с теми же последствиями были проведены в 1929 г. в большинстве учебных заведений Сибири.

¹ Павлова И.В. «Иркутское дело». 1926 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. №1. С. 43–48.

² Советская Сибирь. 1929. 29 янв., 24 февр., 8 марта, 28 июля и др.

³ Голос народа. ... С. 233, 277.

⁴ Советская Сибирь. 1929. 23 февр.

Для того, чтобы не допустить «чуждый» элемент к службе в Красной Армии в ходе осеннего 1929 г. призыва молодежи при городских советах были созданы специальные комиссии, куда входили представители местных советов, окружных военкоматов, административных отделов, уголовного розыска, ОГПУ, райкомов ВКП(б), прокуратуры и финансовых отделов. Только в Новосибирском округе, пользуясь терминологией итоговой сводки работы комиссии, «было отсеяно 1080 человек социально-чуждого элемента», что составляло 10,4% к общему числу призывников округа¹. Главными причинами «отсеивания» являлось социальное происхождение призывников.

По решению первого Краевого Сибирского съезда жилищной кооперации «нетрудовой элемент» подлежал в короткий срок полному выселению из кооперативных домов. Та же участь ожидала предпринимателей, проживавших на государственных квартирах. В их отношении предполагалось действовать под девизом: «Ни одного метра жилой площади в муниципализированных домах – нетрудовому элементу»². Вопреки установившейся на рынке цене, например, за квартиру площадью 60 кв. м. 25 руб. в месяц, сам домовладелец, занимавший в точности такую же квартиру, должен был платить за нее 200 руб. в месяц³. Соответственно этой стоимости начислялись и налоги, без того имевшие ярко выраженную «классовую» ориентацию.

В кампанию по уничтожению частного капитала включились и профсоюзы. Ощущая, что в своих даже непомерно завышенных требованиях они могут рассчитывать на государственную поддержку, наемные работники предъявляли своим хозяевам ультимативные запросы о повышении заработной платы. Неудовлетворение требований приводило к забастовкам, парализовавшим работу предприятий и, как правило, приводившим к разорению их владельцев. Устраивая забастовки на частных и арендованных предприятиях, рабочие провоцировали своих собратьев из чувства солидарности отключать электричество и воду в домах и квартирах, принадлежавших владельцам предприятий, прекращать доставлять им почтовую корреспонденцию⁴. Все это создавало и подогревало атмосферу нетерпимости в обществе по отношению к частному капиталу.

Чувства злобы и ненависти по отношению к зажиточным гражданам искусственно насаждались властью и старшими членами семьи и в детской среде. «Теперь на своих сверстников из более зажиточных семей, с которыми еще недавно дружили и играли, – вспоминал А.П. Марков, детские годы которого прошли в Сибири, – мы стали смотреть с подозрением и недоверием, считая, что они несправедливо завладели чем-то таким, что по праву должно принадлежать нам»⁵. Дети «лишенцев», становясь своеобразными заложни-

¹ Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921-1991. Новосибирск, 1997. С. 96-97.

² Советская Сибирь. 1930. 24 янв.

³ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2194. Л. 63об.

⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 81. Л. 6.

⁵ Марков А.П. Как это было. ... С. 72.

ками превалировавших в обществе настроений, зачастую сожалели, что им «достались» такие родители. «Я сам бы не желал быть сыном торговца, – написал в сочинении десятилетний мальчик, – гораздо лучше быть сыном очень бедного крестьянина. Я сколько раз говорил отцу, чтобы он бросил свою мелочную торговлю, лучше заниматься крестьянством. Теперь отца у меня нет, его уже несколько дней как увезли неизвестно куда»¹.

Деятельность правоохранительных органов по отношению к частным предпринимателям приобретала все более наступательный характер, а применяемые к ним меры становились все более суровыми и насильственными. Рядовые хозяйственные правонарушения, совершаемые предпринимателями, квалифицировались как преступления с целью свержения советского государственного строя. Широкое распространение получили ночные обыски с последующими арестами. Только в ночь с 4 на 5 января 1930 г. в Новосибирске было проведено 196 таких обысков с последующей конфискацией имущества и наложением арестов на денежные вклады в обществе взаимного кредита². Частный бизнес как таковой стал ассоциироваться с вредительством и злостной спекуляцией, в отношении которых могла применяться высшая мера наказания. Заниматься частнопредпринимательской деятельностью становилось, таким образом, опасно для жизни.

Подобные действия привели к фактически полному свертыванию легальной частнопредпринимательской деятельности, ее уничтожению или переходу частного капитала на нелегальное положение.

Таким образом, в конце 1920-х гг. на смену практиковавшемуся ранее экономическому вытеснению частного капитала пришла политика его ликвидации с помощью средств исключительно административного воздействия. Подобный переход стал составной частью возвращения к методам «военного коммунизма» и централизованной модели социализма со всеми присущими ей атрибутами.

6.2. УХОД ЧАСТНОГО КАПИТАЛА: ПУТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Атака» на частный капитал удалась в полной мере. Напор и ожесточение, с которыми она проводилась, не шли в сравнение даже с кампанией «экспроприации экспроприаторов» первых месяцев советской власти. Как выразился один из так называемых административно-ссылных бывший предприниматель Вассель, «в 1918 г. забирали только деньги, а теперь забирают и тебя, и деньги»³.

Представители частного капитала высказывали самые разные соображения о причинах столь жесткой позиции государственной власти по отно-

¹ Обыденный нэп (Сочинения и письма школьников 20-х годов) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993. С. 319.

² ГАРФ. Ф. 374. Оп. 14. Д. 869. Л. 1-2.

³ ГАНО. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 129.

шению к частному бизнесу. Большинство, адекватно оценивая обстановку, понимало, что всякая деятельность, основанная на частной собственности и осуществляемая ради личного обогащения, попросту несовместима с идеалами общества, строившего социализм. Другие считали, что это очередная кампания, имевшая временный характер. Они связывали причины «похода» против частного капитала с «нажимом» оппозиции, в условиях которого «партия должна была показать рабочим массам, что она осталась революционной»¹. Были и суждения о том, что коммунисты готовят запасы перед наступающей войной, «спешат нахватать перед своим предстоящим падением, за что их надо перетравить стрихнином в молоке»². Парадоксально, но факт, что даже в условиях массовой паники среди частных предпринимателей находились люди, питавшие иллюзии в том, что государство рано или поздно «одумается» и вернется к идеям сотрудничества с частным капиталом. «У нас всегда «пересаливают», – замечал один из административно-ссылных из Москвы в Новосибирский округ бывший крупный торговец. – Начнут кампанию и рубят сплеча, не оглядываясь, а потом уже начинают разбираться. Этим объясняется то, что сейчас ГПУ накрывает всех, кто попадет под руку, хотя подчас разрушая то или иное полезное производство – не восстанавливая его, дают умирать. Этот «перегиб палки» в результате заставит их остановиться, но принесет много вреда»³. Некоторые частные предприниматели так самозабвенно верили в мудрость политиков, что жадно ловили даже слухи о возможных изменениях государственной тактики по отношению к ним, разрабатывали специальные программы совместных действий государства и «красных купцов» по возобновлению и налаживанию сотрудничества. Так, замечания председателя Иркутского окрисполкома Кучмина, сделанного в беседе с председателем местного ОВК Ермановичем в марте 1928 г., о том, что в настоящее время возможно некоторое расширение частной торговли и промышленности, возможна сдача в аренду частникам некоторых крупных фабрик, стало достаточным для разработки целой фундаментальной программы, содержащей условия, при которой местные предприниматели могли бы расширить свою работу как в торговле, так и в промышленности. Вести о «новом нэпе» моментально разлетелись по всему округу, и многие торговцы, еще в 1927 г. полностью взявшие свои вклады в местном ОВК, немедленно их возвратили. Кроме этого появилось много новых вкладчиков. Всего за несколько дней, прошедших после разговора Кучмина с Ермановичем, вклады Иркутского ОВК выросли на 90 000 руб.⁴

Часть предпринимателей наивно полагала, что, пользуясь удаленностью от центра, местные власти чинят произвол в отношении частного капитала, что противоречит государственной политике. Так, торговцы новосибир-

¹ Там же.

² ГАТО. Ф. 19 П. Оп. 1. Д. 731. Л. 64.

³ ГАНО. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 129.

⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2194. Л. 42об. - 43.

ского рынка под руководством председателя местного рыночного комитета Северюхина отправили в Москву своего представителя с жалобой на неправильные действия местных финансовых органов¹. Естественно, что надежды на защиту Москвы не оправдались, а новосибирский «ходок» домой так и не вернулся.

Надежды предпринимателей на возможные изменения государственной политики были совершенно беспочвенны. Политика компромисса, применяемая правительством в условиях восстановления экономики, оказалась для него совершенно непригодной при решении задач дальнейшей модернизации.

Энергичные меры, направленные на ликвидацию частного капитала, не могли не сказаться на быстром сворачивании частной промышленности и торговли. Число частных промышленных предприятий в СССР в 1927/28 г. по сравнению с предыдущим хозяйственным годом сократилось почти в два раза. Массовым стало закрытие частных предприятий по выпечке хлеба, виноделию, выделке кож, производству конфет и другим отраслям². Сократилось и без того незначительное число ценовых частных предприятий и достигло в 1927/28 г. мизерной в масштабах страны цифры – 210 предприятий³. В 1,3 раза упал оборот частной промышленности⁴. Быстрыми темпами шло сокращение и частной торговли. В 1927/28 г. ее численность по сравнению с 1925/26 г. сократилась в СССР на 40%⁵. Интенсивное сокращение продолжалось и в последующие два года. Это привело к падению оборотов частной торговли на 29% и значительному снижению ее удельного веса в общем торгово-посредническом обороте СССР: с 11,3% в 1927/28 г. до 6,1% в 1928/29 г.⁶ Аналогичные процессы шли и в Сибири.

В результате проведенного Томским отделением наркомторга в первом полугодии 1927/28 г. пристрастного обследования частных кожевенных заводов были закрыты все без исключения 243 частных кожзавода, расположенных в городах и городских поселениях Томской губернии. В Барнауле из 24 частных торговых предприятий 4-5 разрядов к лету 1928 г. осталось действовать всего 9, в Омске, отличавшемся самой развитой в Сибири частной торговлей, из 57 – 32 относительно крупных частных магазина, в Новосибирске только в период с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. перестали работать 69 торгово-промышленных заведений⁷. Свертывание частной торговли приобрело лавинообразный характер (см. табл. 6.1).

¹ Там же. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 154.

² ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 682. Л. 179, 181.

³ Фабричный А. Частный капитал на пороге пятилетки: классовая борьба в городе и государственный аппарат. М., 1930. С. 23.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 36. Л. 39.

⁵ Фабричный А. Частный капитал на пороге пятилетки... С. 21.

⁶ СССР: год работы правительства: материалы к отчету за 1928/29 г. М., 1930. С. 232.

⁷ ГАТО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 531. Л. 3об; ЦХАФАК. Ф. 6. Оп. 2. Д. 30. Л. 303об.; ГАОО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 394. Л. 142; ГАНО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 279. Л. 77.

Таблица 6.1

Динамика сибирской частной торговли в 1925/26- 1929/30 гг.*

Период	Численность		Обороты	
	в абс. ед.	в % к общей численности	в рублях	в % к общему обороту
1925/26 г.	20425	86,3	113620,5	13,9
1926/27 г.	15986	65,3	113586	11,2
1927/28 г.	13331	60,3	92088	9,2
1928/29 г.	5787	34,6	44618	5,5

* Сост. по: ГАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2494. Л. 14об., 16об.-17; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1105. Л. 48; Ф. 659. Оп. 1. Д. 259. Л. 55, 69.

Как видно из таблицы 6.1, число частных торговых предприятий в Сибири в течение 1926/27-1928/29 гг. сократилось по сравнению с 1925/26 г. на 71,7%. Обороты частной торговли уменьшились за этот период на 60,8%. Более чем в 2 раза упала доля частного капитала в торгово-посредническом обороте.

Основная масса закрытых предприятий приходилась на оптовую и полуоптовую торговлю (50,2%), крупные лавки (28,6%) (см. табл. 6.2).

Таблица 6.2

Сокращение численности частных торговых предприятий по разрядам торговли в 1926/27 – 1927/28 гг.*

Разряды	Количество выданных патентов		
	1926/27 г.	1927/28 г.	% изменения
Разносная торговля	1371	4543	+3,9
Торговля из ларьков и киосков	7881	6311	-19,9
Лавочная торговля	3297	2201	-33,2
Крупная лавочная торговля	318	227	-28,6
Оптовая и полуоп. торговля	119	49	-50,2
Всего	15986	13331	-16,6

* Сост. по: Самсонов В. Свертывание частной торговли в Сибири // Жизнь Сибири. 1928. №11. С. 117.

Сопоставление динамики сокращения численности частной торговой сети, оборотов частной торговли, ее удельного веса в общем обороте в СССР и Сибири показывает, что в сибирском регионе свертывание легальной дея-

тельности частного капитала в 1926/27-1927/28 гг. носило более постепенный характер, чем в СССР. Быстрыми темпами в Сибири шло закрытие лишь крупных частных магазинов, торгующих мануфактурой и другими промтоварами, ввозимыми из Европейской России¹. Уход этих крупных частных фирм с рынка несущественно повлиял на состояние общей численности частной торговли в Сибири, поскольку основная масса частных предприятий в регионе была представлена мелкими лавками и магазинами. Резкому же падению оборотов городской частной торговли в городах Сибири препятствовала тесная связь частных предпринимателей с кустарями, в силу которой частные торговцы имели возможность поставлять на рынок изделия местной кустарной промышленности – веревочные, конфетно-пряничные изделия, известь, мел, готовое платье, мазь, кустарную галантерею и другие товары. Эта ориентация преимущественно на товары местного производства стала приобретать массовый характер еще с середины 1920-х гг., после кампании по ликвидации частного опта, в результате которой сибирская розница лишилась своих поставщиков промтоваров из городов европейской части СССР.

Однако и в Сибири, как отмечалось в резолюции пленума бюро Омского ОВК, проходившего 6-9 июля 1928 г., свертывание частного торгово-промышленного капитала приняло катастрофический и необратимый характер². В 1930 г. удельный вес частного капитала в розничном товарообороте составил менее 5%. Причем подавляющее большинство оставшихся действовать частных торговых предприятий нельзя было в полной мере отнести к капиталистическому сектору, поскольку это были мелкие и мельчайшие торговые точки, в которых, как правило, работал только сам хозяин предприятия и его родственники. Так, оставшиеся на территории Томского округа к 1930 г. 540 частных торговых предприятий обслуживали всего 610 чел.³ Председатель Сибирского крайисполкома С.М. Кузнецов, выступая в мае 1929 г. с докладом о пятилетнем плане развития народного хозяйства, с удовлетворением констатировал, что «город у нас перестал быть пунктом, который бы воспроизводил капиталистические элементы»⁴. К 1930 г. в городах Сибири не осталось ни одного частного ценового предприятия или крупного магазина.

Своеобразным индикатором «ухода» частного капитала стало падение роли, сокращение численности и капиталов обществ взаимного кредита. ОВК, созданные частными предпринимателями и постепенно трансформировавшиеся в акционерные финансовые компании с участием капиталов государственных и кооперативных организаций, повторяли судьбу своих организаторов: сначала от них отвернулись государственные банки, вышли из состава учредителей государственные и кооперативные структуры, а затем и

¹ Торгово-промышленная газета. 1927. 22 янв.; Советская Сибирь. 1927. 28 мая.

² ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

³ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1134. Л. 119об.; Ф. 393. Оп. 1. Д. 213. Л. 5; ГАОО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 456. Л. 1.

⁴ Кузнецов С.М. О пятилетнем плане // Сибирские огни. 1925. №5. С. 138.

сами ОВК после непродолжительной борьбы за выживание были ликвидированы.

Тревожные симптомы и сбои в работе сибирских ОВК начались еще в 1926/27 г. и были связаны со сложным финансовым положением членов обществ – торговцев мануфактурой, владельцев и арендаторов кожзаводов, а также с усилением налогового пресса в отношении всех представителей частного капитала. Параллельно с этим наблюдалось существенное сжатие, а затем и полное прекращение кредитования обществ акционерными и государственными банками. Сводный баланс восьми сибирских ОВК в 1927 г. сократился по сравнению с 1926 г. на 17,5% (см. табл. 6.3)

Наиболее существенной причиной сокращения сводного баланса при росте вкладов и текущих счетов явилось резкое – на 82,4% – сокращение заемных средств обществ (табл. 6.4) в основном за счет сжатия кредитования со стороны Госбанка.

К этой общей для всех ОВК причине нараставших трудностей следует добавить и существенные недочеты и ошибки, а в ряде случаев и злоупотребления в работе правлений самих обществ. Так, неумелая стратегия членов правления Томского ОВК, наличие обнаруженных ревизией Сибкрайфо 75% от общего числа выданных так называемых дружеских векселей обусловило наиболее тяжелое финансовое положение этого общества по сравнению с другими ОВК Сибири (см. табл. 6.3). Члены правления Томского ОВК – бывший председатель областного общества взаимного кредита дореволюционного времени Е.В. Воложанин, сын известного в прошлом томского домовладельца и пароходчика П.А. Ельдештейн и другие – были озабочены преимущественно интересами увеличения своего личного благосостояния и благосостояния своих родственников и мало заботились о преуспевании всего общества и упрочении его финансового положения. Они келейно принимали решения о выдаче самим себе заведомо невозвратных ссуд, неоднократно пролонгировали срок возврата выданных на собственное имя кредитов¹. Аналогичная ситуация складывалась в Барнаульском ОВК. Арест всего правления, произведенный по итогам финансовой проверки 1926 г., выборы другого, более работоспособного правления создали временные условия для относительно эффективной работы общества в 1926/27 г., предотвратили резкое, как в Томске, падение оборотов. Однако временная стабилизация в деятельности общества сменилась новым ухудшением ситуации в 1928/29 г.

Таблица 6.3
Сводный баланс сибирских ОВК*

Наименование ОВК	Сальдо на 1 октября		Изменение
	1926 г.	1927 г.	

¹ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1918. Л. 32-33.

	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Иркутское	320454	21,1	306057	24,5	-14397	-4,0
Красноярское	245583	16,2	161161	12,9	-84422	-34,4
Томское	223533	14,8	134129	10,7	-89404	-40,0
Новосибирское	215722	14,2	210569	16,8	-5153	-2,4
Омское	193627	12,7	142637	11,5	-50990	-26,03
Барнаулское	192002	12,6	153801	12,3	-38201	-20,0
Бийское	66426	4,4	65825	5,2	-601	- 0,9
Канское	60152	4,0	76569	6,2	+16417	+27,3
ИТОГО	1517499	100	1250748	100	-266751	-17,5

*ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 332об.

Таблица 6.4
Пассивы сводного баланса сибирских ОВК*

Источники средств	Сальдо на 1 октября				Изменение	
	1926		1927			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Капиталы	361976	23,8	417882	33,4	+55906	+15,4
В том числе оборотный	301049	19,8	350017	28,0	+48968	+16,2
Прочие	60927	4,0	67865	5,4	+6938	+11,4
Вклады и текущие счета	433942	28,6	618106	49,4	+184164	+42,4
Заемные средства	447009	29,4	78742	6,3	-368267	-82,4

Прочие пассивы	274572	18,2	136018	10,9	-138554	-50,4
ИТОГО	1517499	100	1250748	100	-266751	-17,5

*ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 333.

Помимо общих для этого причин, характерных и для других ОВК (разорение владельцев и арендаторов частных кожевенных заводов и мельниц, частных торговцев мануфактурой), в Барнауле даже на фоне нарастания финансовых затруднений продолжалось кредитование предпринимателей, занимавшихся нелегальным бизнесом. Выдавались невозвратные кредиты известными своими незаконными махинациями Катекову и братьям Поляковым, осужденным впоследствии за мошенничество. Выручка с производимых ими операций поступала на счета других лиц, а предприниматели, оставаясь должны обществу, получали большие прибыли, не платя при этом никаких налогов¹. В октябре 1929 г. местный окрисполком принял решение о ликвидации ОВК.

Специфические по сравнению с другими обществами причины привели к разорению Красноярского ОВК. То, что это общество начало свои действия с февраля 1923 г., первым из сибирских ОВК, а также особенности его местонахождения – в непосредственной близости к районам пушных промыслов – обусловили преимущественное направление его деятельности: кредитование заготовок пушнины. Многие кредиты, выданные под заготовку пушнины еще в первой половине 1920-х гг., не были покрыты, а кредитуемые скрылись в неизвестном направлении, принеся Красноярскому ОВК убыток в 50 000 руб. Суммы «сомнительных» долгов в более чем 13 000 руб. и опротестованных векселей в размере 70 000 руб. мертвым грузом висели на балансе общества из года в год². Дополнительные проблемы создались и в результате другого направления деятельности правления ОВК – кредитования преимущественно крупных торговцев мануфактурой и выполнения большого количества собственных товарно-комиссионных операций с продукцией кожевенной промышленности, зерном и мукой, мануфактурой, то есть теми товарами, которые решением правительства были изъяты из оборота частной торговли³. Не видя перспектив дальнейшей работы, чрезвычайное общее собрание членов ОВК 9 февраля 1930 г. вынесло решение о самоликвидации⁴.

Сокращение баланса Омского ОВК в 1926/27 г. (см. табл. 6.3) было вызвано наряду с другими причинами выходом из состава учредителей 12 государственных организаций, которых в этом обществе было больше, чем в

¹ ЦХАФАК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 3-5; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2474. Л. 9, 36.

² ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 27. Л. 324-324об.; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2195. Л. 11-12.

³ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1464. Л. 24.

⁴ ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 31. Л. 211-211об.

каком-либо другом из 8 сибирских обществ. Особенностью Омского ОВК был и значительный удельный вес (около 25% от общей численности) сельских хозяев, которые, занимая весьма скромное место (14%) в оборотном капитале общества¹, постоянно получали кредиты, во много раз превышавшие размер их участия в уставном капитале.

Высылка из Новосибирска ряда наиболее крупных торговцев и промышленников – членов ОВК и спешная ликвидация принадлежавших им предприятий в 1927 г. сказалась на работе общества в 1927/28 г., который по всем показателям оказался гораздо менее удачным по сравнению с предыдущим. Значительные средства общества – 18 000 руб. – были потрачены на строительство собственного здания со складскими помещениями. Нерациональное использование средств и другие недочеты, выявленные проверкой наркомата финансов, были поставлены в вину руководству Новосибирского ОВК, которое по представлению финансового отдела Сибирского краевого исполкома было привлечено к уголовной ответственности по 105 статье Уголовного кодекса (нарушение правил, регулирующих торговлю)².

Дольше других оставалось на плаву Иркутское ОВК – самое крупное из сибирских обществ как по количеству членов, так и по сумме оборотных капиталов, которые на 1 октября 1927 г. составляли 24,5% к сводному балансу всех сибирских ОВК (см. табл. 6.3). Начав свою деятельность позже многих ОВК Сибири, Иркутское общество взаимного кредита уверенно набирало обороты во многом благодаря близости Ленского золотопромышленного района и пушных районов Якутии, а также близости границы с Китаем, оживленная торговля с которыми создавала благоприятную обстановку для работы ОВК³. Возможно, прочное финансовое положение этого общества объяснялось и тем, что, по выражению представителя Госбанка Левицкого, руководство ОВК «проводило несуетскую политику»⁴, то есть строило свою деятельность исходя из законов рынка: кредитовало крупные высокорентабельные предпринимательские проекты, проводило выгодные с коммерческой, а не с политической и социальной точки зрения операции. Устойчивому финансовому положению общества способствовал низкий удельный вес заемных средств, сокращение которого с 16,1% в 1926/27г. до 0,2% в 1927/28 г. было не столь ощутимым по сравнению с другими обществами⁵. Это позволило ОВК безболезненно отказаться от государственных кредитов. Даже в изменившихся не в пользу частного капитала в конце 1920-х гг. условиях правление Иркутского ОВК пыталось законным путем отстаивать свои интересы в спорах с государственными структурами. Так, наложение ареста на вклад и текущий счет членов общества владельцев махорочной фабрики «Дальний Восток» Я.Т. Куна и И.Н. Когана, обвиняемых в мошенничестве по

¹ ГАОО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 322. Л. 34; ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1453. Л. 62, 77, 85, 136.

² ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1907. Л. 45об.-46, 107-107об.; Д. 1447. Л. 117.

³ Там же. Д. 2194. Л. 42-42об.

⁴ ГАИО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 20. Л. 69об.

⁵ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 20. Л. 71-72.

статье 169 УК и кредитуемых как местным ОВК, так и государственными финансовыми органами, было обжаловано в судебном порядке. Причем удалось доказать преимущественное по сравнению с другими кредиторами право ОВК на возврат выданного кредита¹. Правлением Иркутского ОВК была успешно оспорена и незаконная практика местных коммунальных отделов по муниципализации заложенного в обеспечение полученных в ОВК кредитов недвижимого имущества. Даже после разорения целого ряда крупных и платежеспособных в прошлом торговых и промышленных предприятий и конфискации местными финотделами принадлежавшего им имущества, у правления ОВК находились не только силы и возможности возмещать ущерб за счет средств поручителей разорившихся фирм, но и вплоть до конца 1929 г. строить оптимистические планы на будущее, разрабатывать проекты кредитования домовладельцев, ремесленников, мелких торговцев².

Несмотря на оптимизм отдельных предпринимателей, ужесточение государственной политики в отношении частного капитала было настолько очевидно, что у большинства возникали реальные опасения за судьбу ОВК. Глобальный вопрос «быть или не быть» обсуждался на пленуме бюро ОВК в Москве, проходившем в июле 1928 г. В резолюции пленума говорилось, что решение этого вопроса связано с точным выполнением резолюции XV съезда партии и директив высших правительственных органов о вытеснении частного капитала лишь в соответствии с фактическими возможностями госторговли и кооперации его заменить. Между тем, темп, характер и методы этого вытеснения, подчеркивалось в резолюции, вышли за пределы, первоначально установленные директивами центральной власти, вследствие чего в товаропроводящей сети образовались «бреши», едва ли заполняемые госторговлей и кооперацией³. Фактически речь шла о предсказуемости государственной политики в отношении частного капитала. Полноценная работа ОВК требовала определенных гарантий со стороны государства. Вместо них было заявлено, что ОВК сами виноваты в возникших трудностях. В секретной докладной записке, поданной в ноябре 1929 г. на имя заведующего крайфинуправлением Сибири, говорилось, что ОВК уклонились от своих прямых задач, нанося явный вред государству, и было бы целесообразно поставить вопрос о ликвидации ОВК во всех городах Сибири⁴.

Какие же меры по отношению к частнокапиталистическому предпринимательству оказались решающими для его уничтожения и какова их природа?

В.А. Архипов, автор ряда статей и монографии по данной теме, считает, что на последнем этапе существования частного предпринимательства самым эффективным средством его ликвидации стала налоговая политика,

¹ ГАИО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 22. Л. 86-86об., 125.

² Там же. Д. 71. Л. 30-30об., 32-36.

³ ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 17. Л. 1об.-4.

⁴ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2474. Л. 66об.-67.

относя ее при этом к экономическим мерам¹. Анализ налогового законодательства и практики его претворения в жизнь свидетельствуют, что крупные частые предприниматели умело использовали недостатки налогового обложения в своих целях. Материалами для установления облагаемых оборотов должны были служить торговые книги, данные об оборотах, установленных для обложения уравнительным сбором, выборки из книг государственных и кооперативных предприятий и оптовых фирм о сделках их с частными предприятиями о покупке и продаже товаров, выборки из книг товарных контор железнодорожных станций о полученных и отправленных грузах, обследования инспекторов, их помощников и финагентов, данные деклараций самих плательщиков налогов. В Сибири наибольшее распространение получил метод исчисления оборотов по выручке. Именно таким образом определялись обороты четверти всех частных предприятий. Он мог быть эффективным только в случае 4-5-кратного посещения налоговыми инспекторами частных предприятий. По статистике же такие проверки осуществлялись в среднем всего дважды в год, да и то, как правило, в базарные дни, что не позволяло составить адекватное впечатление о работе предприятия. Другие методы (по обращаемости товаров, по торговым книгам и др.) были распространены в меньшей степени. Несмотря на уже имевшийся опыт в проведении налоговых кампаний, фининспекторы продолжали практику нормативного обложения². Поэтому более трети всех частных предприятий продолжали облагаться «на глазок».

Уклонение от налоговых выплат осуществлялось самыми разными способами, главным из которых являлось сокрытие действительных оборотов частных предприятий путем исключения отдельных данных из всех итоговых отчетов и торговых книг. Согласно данным наркомата финансов о полноте налогового обложения частного сектора в 1927/28 г., в отношении трети частных предприятий налог был незаконно уменьшен³. Практиковались также закрытия предприятий перед самым наступлением срока платежа, а затем вновь их открытие (по положению о подоходном налоге и налоге на сверхприбыль взимание этих налогов проводилось через пять месяцев по истечении того года, за который они начислялись). Широко применялась «подменщина» – перевод предприятий на имя подставных лиц; фиктивные продажи и дарения. Обследованием РКИ было установлено большое число случаев, когда одно и то же предприятие, фактически принадлежащее одному лицу, на протяжении года три раза переходило к фиктивным владельцам, причем бывший хозяин магазина превращался в продавца, а продавец – в хозяина⁴. Активно использовали частные предприниматели и налоговые льготы, установленные для кооперации, кустарей, инвалидов. Кроме того, дополнитель-

¹ Архипов В.А. Этапы и методы... С. 129.

² ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2494. Л. 24.

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 587. Л. 36, 38.

⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 499. Л. 253.

ная прибыль, которую частник получал, используя напряженное положение на рынке, и размеры которой росли с каждым годом, очевидно, компенсировала отчасти усиление налогового пресса для крупного звена частного капитала.

Таким образом, можно полагать, что, во-первых, частным предпринимателям, имеющим значительный капитал, удавалось удачно маневрировать, уклоняясь от высоких ставок налогов; во-вторых, увеличение налогового пресса для остальных предприятий до такого уровня, когда любое частное предпринимательство становилось экономически не выгодным и вело к разорению хозяйства, отнюдь не относится к экономическим методам регулирования частного предпринимательства, и, наконец, как следует из приводимых ниже данных, налоговая политика вообще не может рассматриваться как главная мера ликвидации частной промышленности и торговли в конце 1920-х гг. Говорить о ней в этом смысле можно только в совокупности с целым рядом чисто административных, насильственных мер, которые, на наш взгляд, и сыграли решающую роль в свертывании легальной деятельности частного капитала.

Общая политика государства, направленная на вытеснение частного капитала из экономики, создала атмосферу еще большей нестабильности в положении частных предпринимателей, нежели это было раньше. Предчувствуя нарастание конфискационных мер государства по изъятию сделанных ими накоплений, частные предприниматели любыми путями стремились сохранить свои сбережения. Поскольку государственное ограничение сфер предпринимательской деятельности (запрет заготовок, торговли дефицитными товарами, расторжение арендных договоров в отношении прибыльных предприятий) совпадало с усилением налогового пресса практически на все виды частнохозяйственной деятельности (включая производственную сферу), «новой» буржуазии не оставалось ничего другого, как, с одной стороны, надеяться на изменение государственной политики по отношению к ней, а с другой – пытаться сохранить имевшиеся накопления, скрыв их от пристального внимания налоговых органов, соседей и репрессивных организаций.

Одним из проверенных и традиционных во все времена и во всех странах способов сохранения капиталов в условиях нарастания политических и экономических кризисных явлений становилось превращение имевшихся накопленных средств в золото и драгоценности. На смену мелким дельцам, баряхольщикам, служащим, мелким торговцам, комиссионерам, промышленным валютными операциями на так называемой Черной бирже в начале и середине 1920-х гг., пришли средние и крупные торговцы, маскировавшие скупку валюты и золота своей обычной коммерческой деятельностью. Активно вели нелегальную скупку золота владельцы крупных ювелирных магазинов в Омске Черепажин и Мерина, владелец часовой мастерской в Бийске Михайлов, другие предприниматели. Особым спросом пользовалась у такого рода клиентов Черной биржи золотая валюта царского чекана и золото-сырец. Цена на золотую десятирублевку на этом нелегальном рынке состав-

ляла от 12 до 18 руб., 1 доллар США – 2 руб. 50 коп. Золото 56-й пробы скупалось по цене 3 руб. 50 коп. за 1 грамм, что на 65 коп. было больше банковской¹. Охота за «твердыми ценностями» подогревалась и опасениями в падении курса советского червонца, который в связи с ожидаемой инфляцией, по словам торговцев, должен был сравняться в скором будущем со стоимостью газеты.

Поскольку растущий спрос на золото значительно превышал предложение, широкое распространение получили поездки желающих приобрести драгоценный металл непосредственно на золотые прииски. Так, торговец из Канска Москвитли, отправив в восточном направлении партии своих товаров, лично выехал за получением денег. На обратном пути на Алданских золотых приисках он обменял всю выручку на золото. Бывший заместитель председателя правления Красноярского ОВК Р. Синец и сын бывшего председателя правления этого же ОВК Кокин, получив ссуду в банке в размере 50 тыс. руб., обменяли эти деньги на золото у арендатора расположенных в Южно-Енисейском районе золотых приисков². Лишь небольшая часть дельцов Черной биржи с большими трудностями была обнаружена и поймана с поличным местными отделами ГПУ.

Кампания по изъятию золота у подобных дельцов была широко известна в 20-30-е гг. под неофициальным названием «золотуха». С помощью соседей и специальных осведомителей местные отделы ГПУ составляли списки лиц, подозреваемых в хранении золота. Обыски у таких граждан, как вспоминал один из работников финансовых органов 20-х гг. А.С. Наринский, проводились «скрупулезно и настойчиво: взламывались полы, разбирались перегородки и отдельные части предметов мебели, демонтировались люстры, предметы сантехники и другие подозрительные вещи³». Если золота обнаружить не удавалось, подозреваемого помещали в тюрьму и создавали такие условия содержания под стражей, что дилемма «золото или смерть» становилась весьма реальной. Только самые стойкие или действительно не имевшие золота не сдавались. Через некоторое время их выпускали, но зачастую дни их были уже сочтены.

Для выяснения сфер приложения частного капитала после прекращения его легальной деятельности управлением государственными доходами наркомата финансов СССР было проведено специальное обследование 29 крупных экономических центров СССР. В результате обследования были установлены четыре основных направления дальнейшей деятельности капиталистических элементов, вытесненных из промышленной сферы. Около одной пятой части бывших частных предпринимателей удалось сохранить при ликвидации предприятий определенную часть своих капиталов. Через неко-

¹ ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 30-32.

² Там же. Л. 34-35.

³ Наринский А.С. Страницы истории и судьбы людей (Воспоминания очевидца). СПб., 1996. С. 32-33.

торое время они опять начали принимать участие в торговле, промышленности, кустарно-ремесленном и извозном промыслах, скупке, посредничестве и ином бизнесе, существенно сократив при этом масштабы своих операций и оборот своих предприятий. Около 9% прекративших легальную частнокапиталистическую деятельность предпринимателей окончательно выбыли из торгово-промышленной сферы как по причине недостатка капиталов, так и вследствие слабой ликвидности имевшихся у них источников дохода. Они «проедали» оставшиеся средства или жили на проценты с капитала, помещенного в кредитные учреждения, займы, недвижимость (покупка и постройка домов). Более одной пятой части бывших предпринимателей совершенно лишились всяких нетрудовых источников дохода. Часть из них пополнила ряды безработных, часть же, стремясь приспособиться к изменившимся условиям, используя свои навыки и опыт коммерческой деятельности, успешно внедрилась в государственный хозяйственный аппарат, нередко используя его в своих интересах. И, наконец, самую многочисленную группу, как показало исследование, составили бывшие владельцы торговых и промышленных предприятий, сумевшие с помощью своего капитала организовать подпольный, нелегальный бизнес¹.

Из городов Сибири в проводимое обследование были включены города и городские поселения Омского округа, выделявшиеся из других поселений Сибири широкомасштабной в прошлом деятельностью частного капитала. Анализ обследования владельцев закрывшихся частнокапиталистических предприятий по Омскому округу за 1927/28 и 1928/29 гг., проведенного финансовым отделом Омского исполкома, показал, что сделанные управлением государственных доходов наркомата финансов СССР выводы по результатам общесоюзного выборочного обследования о дальнейшей деятельности капиталистических элементов в хозяйстве в целом можно распространить и на города и городские поселения Омского округа. Здесь, как и в целом по СССР, имелись и совершенно прекратившие всякую предпринимательскую деятельность бывшие представители частного капитала, и «проедавшие» остатки своих средств, и незначительный процент рискнувших открыто продолжить занятия частным бизнесом, но основная масса бывших частных предпринимателей, сумевших частично сохранить свои капиталы после ликвидации предприятий, перешла на нелегальное положение. Как показало обследование, владельцы 321 из 595 закрывшихся частных предприятий скрылись в неизвестном направлении и разыскать их не удалось. 55 владельцев ликвидированных предприятий занялись нелегальной коммерческой деятельностью, что удалось с полной определенностью установить путем проведенного членами комиссии тщательного осмотра квартир и кладовых². В большинстве своем изменившие место жительства предприниматели продолжили свой

¹ Сегаль И. Пути ухода частного капитала // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. №7/8. С. 91-92.

² ГАОО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 451. Л. 1-3.

бизнес, но уже в скрытой форме. Таким образом, более половины владельцев закончивших свое легальное существование предприятий занялись подпольной коммерцией. В менее ярко выраженной форме эта нелегальная деятельность частного капитала была распространена и в других городах Сибири. Встречались, правда, и те, кто, донося об утаиваемых бывшими партнерами капиталах, надеялся сохранить свои собственные. Так, красноярский торговец Золбернштейн, значившийся в сводках ОГПУ как Непримируемый, неоднократно информировал соответствующие органы о планах своих коллег-бизнесменов по сокрытию ценностей¹.

Таким образом, политика ликвидации капиталистических элементов вызвала стремление у частных предпринимателей надежно спрятать свои капиталы или поместить их в скрытые от государства предприятия. В конце 1920-х гг. появился даже специальный термин, свидетельствовавший о широком распространении этого явления, – «уход частного капитала». Один из сосланных в 1927 г. в Сибирь в результате «чистки» Москвы от «нэпманов» открыто говорил: «Те, кто имеет капиталы – прячут их, остаются на виду мелкие сошки, колоссальные капиталы уходят из оборота страны, а при случае потекут на операции, уходящие из наблюдения финансовых органов, то есть пойдут по линии тайной спекуляции»². Среди основных путей такого «ухода» капиталов – нелегальное подчинение предпринимателями кустарной промышленности, разного рода кооперативов, инвалидных артелей, нелегальная эмиграция части средств за границу, «тихое прибежище» в отечественных сберегательных кассах и т.д.³

Одним из ведущих направлений «ухода» частного капитала являлось его проникновение в кустарную промышленность и кооперацию. Возможности плавного безболезненного «перелива» капиталов в эти сферы хозяйственной деятельности обеспечивались традиционно тесными связями частного капитала с кустарями. В Омском округе предприниматель И.К. Прытков в течение ряда лет закупал партиями железо и снабжал им кустарей-жестянщиков, которые из этих материалов производили различные изделия и сдавали обратно Прыткову. Реализуя продукцию на рынке, Прытков получал в результате этих операций от 100 до 200% прибыли на каждый затраченный рубль. Частный владелец кожевенного завода в Омске Калинин заготавливал кожи через сельских кустарей, которых под заготовки кредитовал дубильным экстрактом и деньгами. Причем экстракт Калинин закупал оптом в госторге по цене 5 руб., а отпускал его кустарям по 25 руб. за пуд. Предприниматель Борзов, работавший в том же округе в артели «Исполнитель» и являвшийся по сути ее единоличным хозяином, имел около 50 наемных рабочих, часть из которых работала в мастерской, часть получала заказы на дом. Частный тор-

¹ ГАНО. Ф. 725. Оп. 3. Д. 39. Л. 129.

² ГАНО. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 129.

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 360. Л. 40; Илимский Д. Пути советского накопления // Большевик. 1928. №2. С. 59; Рязуов Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930. С. 23.

говец кожевенными товарами Ковязин, работавший в Бийском округе, занимался скупкой выработанных кож у кустарей-«кадушечников» и снабжал ими местный рынок. Причем оборот «предприятия» Ковязина составлял 100 тыс. руб. в год. Частная фирма братьев Маляновых в Барнаульском округе закупала в Семипалатинской губернии шерсть и снабжала ею местных кустарей-пимокатов. Готовую продукцию кустари сдавали своему кредитору. Сводные данные о производстве и сбыте продукции кустарями показывают, что товары, произведенные ими, преимущественно шли через руки частного торговца. Так, в Иркутской губернии месячная кустарно-промысловая продукция в 1926 г. исчислялась суммой около 1200 тыс. руб., 50% которой попадало в руки частных торговцев. Главным образом это относилось к изделиям кожевенного, деревообделочного, сапожного, жестяного кустарных промыслов¹. В Омском округе частные объединения и отдельные торговцы скупали до 70% кустарной продукции. В Каменском округе 50% жестяных изделий приходило к потребителю через руки частного торговца².

По мере сокращения сфер и возможностей легальной прибыльной работы частные предприниматели все чаще обращали свое внимание на кустарную промышленность, работа в которой практически полностью оказывалась скрытой от пристального внимания финансовых инспекторов. Последние могли лишь определить направления перемещения частного капитала, строить догадки о реальных масштабах деятельности и доходах частных предприятий, подчинявших себе кустарей и кустарные артели. Лишь в отдельных случаях путем кропотливого сбора разнообразной информации, в том числе и с использованием специальной агентуры, а также в результате многообразных проверок государственными организациями удавалось устанавливать факты подчинения кустарной промышленности влиянию частного капитала.

Между тем сами особенности законодательства, регулировавшие хозяйственную деятельность кустарной промышленности и кооперации, способствовали относительно легкому проникновению в них частного капитала. Типовые уставы промыслово-кооперативных товариществ и порядок их регистрации отделами местного хозяйства не содержали регламентации их социального состава. Поэтому у местных органов власти не было формального повода запретить деятельность того или иного кооператива, даже если они были убеждены в том, что членами вновь создаваемого предприятия точно являются частные промышленники и торговцы. Так, Тулунский окрвнурторг сообщал Сибкрайторгуправлению в мае 1927 г., что располагает неоспоримыми доказательствами того, что недавно созданная здесь конфетно-пряничная кооперативная артель «Стандарт» объединяет исключительно бывших частных торговцев, которые, пользуясь предоставленными артелям льготами, давали заявки в государственные и кооперативные торговые орга-

¹ ГАИО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 191. Л. 129.

² ГАНО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 23-23об.

низации на снабжение их дефицитным сырьем (мукой, мануфактурой и т.п.)¹. Окрвнторг сетовал, что не может отказать им на законных основаниях и вынужден выполнять эти заявки. Прекратившие в первом полугодии 1927/28 г. легальную торговлю братья Корчминовы, Кулагин и еще 10 частных торговцев, работавших на новосибирском рынке, организовали артель пекарей². Действовавшие на барнаульском рынке артели «Просвет» и «Колбасник» также состояли из бывших предпринимателей³. Иркутская артель пимокатов «Волга», образованная в 1927/28 г., по сути дела представляла собой бывшую местную фабрику широко известных в Иркутске промышленников Комарова и Иванова, которые, являясь фактически полновластными хозяевами предприятия, вошли в артель на правах ее членов. Расположенная здесь же промыслово-кооперативная артель «Сибиротабак» являлась детищем бывшего хозяина табачной фабрики Варкалевича⁴. При анализе хода и результатов обложения промысловым налогом частного сектора в Барабинском округе в 1927/28 г. налоговые инспекторы обнаружили указание на переход 4 частных предприятий III разряда, 45 из 52 частных предприятий IV разряда и 5 частных предприятий V разряда на кооперативные начала⁵. Подобные случаи были далеко не единичны.

Льготы, предоставляемые кустарям (освобождение от уплаты уравнительного сбора, право бесплатной торговли на рынке кустарными изделиями и пониженное обложение подоходным налогом), предприниматели использовали, выбирая патент на кустарные промыслы, фактически же оставались торговцами или промышленниками, эксплуатировавшими настоящих кустарей путем раздачи им сырья или денежных задатков, путем скупки их продукции. Организовав так называемые лжеартели, предприниматели эксплуатировали входивших в них кустарей как рабочую силу, сами же, вложив в артель относительно незначительные капиталы, получали прибыль в 80-100% годовых, но вместе с тем уходили от налогового обложения⁶. По численности различались кооперативы двух видов. К одному типу относились замкнутые артели с ограниченным числом членов – 5-7 чел., преимущественно родственников. Классическим примером «родственной» артели может служить иркутская артель под названием «Мельник-Кооператор». Работник местного окрторга характеризовал эту организацию следующим образом: «Руководителем артели является гр. Волчек – бывший владелец этой мельницы, членами – два сына и зять (он же счетовод артели, судимый в прошлом за растрату) и три местных крестьянина, фактически являвшиеся поденными рабочими на мельнице. Артель существует почти год, но паевых взносов никто,

¹ Там же. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 23. Л. 165.

² ГАНО. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 148-149.

³ ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 4. Д. 28. Л. 2.

⁴ ГАИО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 191. Л. 127об.-128.

⁵ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2494. Л. 206б.

⁶ Экономическая жизнь. 1927. 12 июля.

кроме Волчека и его зятя, не внес»¹. Другой тип представляли артели, состоявшие из «квартирников», по сути напоминавшие рассеянную мануфактуру с раздачей работы на дом, мизерной заработной платой и чудовищной эксплуатацией работников. Предприниматели, создававшие такие артели, старались привлечь как можно больше членов и втянуть их в материальную зависимость.

Проникновение частного капитала в кустарную и кооперативную промышленность облегчалось явочным, а не разрешительным порядком образования артелей, а также установленной в законе высокой нормой для наемных лиц (20% от общего числа членов артели). Использованию частными предпринимателями в своих интересах инвалидных артелей способствовал высокий процент допускаемых в такие артели неинвалидов – 25%. Широкое распространение получили покупка предпринимателями у инвалидов патентов на право бесплатной торговли, а также фиктивный наем на службу к инвалидам.

Оттенки «лжекооперации», как отмечал сибирский исследователь промысловой кооперации 1920-1930-х гг. А.А. Николаев, были очень разнообразны: предоставление частнокапиталистическими предпринимателями денежных средств артелям под большие проценты, сдача в арендное пользование помещений и оборудования, личное участие представителей частного капитала, как правило, в качестве руководителей артелей, работа через подставных лиц, ведение двойной бухгалтерии, периодическое закрытие предприятий перед наступлением срока платежа и открытие затем под другой вывеской и т.п.² Об истинных масштабах подобной деятельности по понятным причинам можно только догадываться, однако даже имеющиеся свидетельства, основанные на документальных источниках, говорят о ее широком распространении. По данным Сибирского краевого финансового отдела, в 1927/28 г. в городах имелось несколько раздаточных контор, где шла скрытая эксплуатация кустарей и ремесленников частными предпринимателями. Широко практиковалась, например, раздача частниками целому ряду портных уже раскроенного материала с тем, чтобы те сами сдавали готовые вещи в магазины уже от своего имени, платя при этом раздатчику проценты. Только на таких операциях один предприниматель «заработал» 10 тыс. руб. за год³. Некто А. Категов, известный в прошлом на барнаульском рынке предприниматель, в результате скрытых от финансовых инспекторов операций по покупке валенок и полушубков в Барнаульском округе более, чем у 200 кустарей-пимокатов, которым в свою очередь поставлял сырье и материалы, и продаже готового товара в Хабаровске, продолжал оставаться и в 1927/28 г. владельцем крупного капитала – более чем 100 тыс. руб.⁴. Бывший хозяин одной из

¹ ГАИО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 191. Л. 128.

² Николаев А.А. Промысловая кооперация Сибири. 1920-1937 гг. Новосибирск, 1988. С. 140.

³ ЦХАФАК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 117. Л. 143.

⁴ ЦХАФАК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 46. Л. 344.

табачных фабрик Барнаула Яблонский, став председателем кооперативной артели инвалидов, пуская в оборот сохранившийся капитал, продолжал по сути дела эксплуатировать труд инвалидов, оказался совершенно скрытым при этом от налоговых органов¹.

Создание лжеартелей получило широкое распространение и в строительстве. В прессе 20-х гг. такое явление назвали «белым грибком»²: бывшие подрядчики организовывали промысловые строительные артели, где велась нещадная эксплуатация формально членов артелей, фактически же – наемных работников.

Проверка Сибирского краевого финансового управления и его местными отделами кооперативных артелей, проведенная в 1928/29 г., установила, что из 7 обследованных артелей Кузнецкого округа 4 являлись так называемыми лжекооперативами, из 39 артелей Омского округа – 4, из 25 обследованных артелей Новосибирского округа 9 были признаны лжекооперативами и подлежащими ликвидации³.

Косвенными доказательствами стремительного проникновения частного капитала в кооперацию и кустарную промышленность являлись показатели изменения численности частных и кооперативных промышленных предприятий. Согласно данным анализа обложения по промысловому налогу, проведенного Сибирским краевым финансовым управлением по результатам налоговой кампании 1928/29 г., общая численность частных промышленных предприятий в Сибири по сравнению с предшествовавшим окладному году уменьшилась с 687 до 262, то есть на 425 предприятий. В течение этого же периода численность кооперативных промышленных предприятий возросла с 2424 до 3848, то есть на 424 предприятия⁴. Конечно, динамика роста кооперативной промышленности имеет собственную логику развития, но столь бурный ее рост за короткий период без создания каких-либо особо благоприятных к этому условий, а также «исчезновение» многих частных предприятий с рынка наводят на соответствующие размышления.

С целью вытеснения частного капитала из одной из последних сфер его возможного функционирования правительство предприняло целый ряд мер для ликвидации лжекооперативов. В декабре 1928 г. Совнарком СССР принял постановление, в котором четко определялись черты лжекооперативов. К ним были отнесены объединения, в которых «преобладало влияние частных предпринимателей и других социально чуждых элементов, проникших в состав учредителей и выборных органов, или в которых кооперативная форма служила прикрытием капиталистической деятельности». Такие организации, «засоренные социально чуждыми элементами», подлежали роспуску. Постановление рекомендовало оздоровить обстановку в трудовых артелях

¹ Там же. Ф. 4 П. Оп. 4. Д. 28. Л. 2.

² Слоним Красные строители и «белый грибок» // Сибирские огни. 1928. №4. С. 163.

³ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2494. Л. 28об.

⁴ Там же.

путем проведения перевыборов правлений, исключения из них скупщиков, лиц, лишенных избирательных прав, и т.д. Организаторы и фактические руководители лжекооперативов привлекались к уголовной ответственности. В сентябре 1929 г. было принято специальное дополнение к статье 129 Уголовного кодекса РСФСР, согласно которому учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов, то есть таких организаций, которые прикрываются кооперативными формами в целях использования льгот и преимуществ, предоставленных кооперации, в действительности же являются предприятиями частнопредпринимательскими и преследуют интересы капиталистических элементов, имеющих преобладающее влияние в их составе, каралось лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества. Участие в работе лжекооперативных организаций лиц, заведомо знавших, что данная организация является лжекооперативной, и извлекающих из этого участия предпринимательскую прибыль или заведомо содействовавших сокрытию действительного характера названной организации, наказывалось лишением свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года¹.

Силами рабоче-крестьянской инспекции, финансовых органов, печати, профсоюзов был организован целый «поход» против лжекооперативов. Из 780 обследованных НК РКИ в 1927/28 г. артелей 233, или 29,9%, были ликвидированы за «лжекооперативность»². В следующем году НК РКИ СССР провел обследование 3716 промысловых артелей, в ходе которого было выявлено 630 лжекооперативов. Часть их была распущена, остальные – «очищены от предпринимательских и других чуждых элементов»³. За короткий срок были ликвидированы сотни лжекооперативов, организаторы которых предстали перед судом.

Несмотря на предпринимаемые государственными структурами отчаянные усилия по обнаружению и изгнанию частного капитала из кустарной промышленности и кооперации и самые оптимистические прогнозы по этому поводу, газета «Экономическая жизнь» вынуждена была признать, что, очевидно, и в 1932/33 г. кустарная промышленность на 30% будет обслуживаться частным капиталом⁴. Само государство создавало предпосылки для существования этой формы скрытой предпринимательской деятельности.

Осуществляемое форсированными темпами вытеснение частного капитала из экономики привело к концу 1920-х гг. к практически полному прекращению его легальной деятельности. Определенная часть принадлежавших частным предпринимателям средств была изъята у них путем прямой конфискации или в результате предъявления судебных исков за недоимки по налоговому выплатам, наложения разнообразных штрафов и тому подобных

¹ Уголовный кодекс РСФСР. ... С. 46.

² ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 499. Л. 255-258.

³ Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы ... С. 84-85.

⁴ Экономическая жизнь. 1929. 12 янв.

мер. Общая сумма изъятых таким образом у частнокапиталистического сектора средств, к сожалению, трудно поддается определению, как по СССР в целом, так и по Сибири в частности, поскольку специального учета и обобщения статистических данных не велось, а конфискуемые денежные средства и имущество зачастую поступали в распоряжение местных исполкомов и тут же распределялись среди неимущих, оседали в фондах исполкомов или направлялись в центральные органы. В целом же можно сказать, что надежды существенно пополнить фонд индустриализации за счет изъятых у частных предпринимателей средств не оправдались. Гораздо более значительными для экономики стали негативные последствия ликвидации частнокапиталистического уклада в хозяйстве.

К одному из наиболее существенных отрицательных результатов экономически необоснованного форсированного вытеснения капиталистических элементов из народного хозяйства относится начиная с 1927/28 г. возникновение так называемых торговых пустынь. Их появление объяснялось прежде всего тем, что развитие государственного и кооперативного секторов в торговле не смогло компенсировать быстро сокращавшуюся частнокапиталистическую торговую сеть.

В результате непродуманных действий в отношении частного капитала общая численность торговой сети СССР не только не увеличилась в 1927/28 г., но и уменьшилась по сравнению с предыдущим годом на 15,1%¹.

Аналогичное положение наблюдалось и в Сибири. Здесь в течение 1927/28 г. также произошло уменьшение общей численности торговых предприятий с 7958 в 1926/27 г. до 7156 в 1927/28 г., то есть на 10,1%. На 2,6% сократились торговые обороты в регионе в целом. Только 31% из числа закрывшихся частных розничных предприятий в Сибири был восполнен вновь открывшимися предприятиями государственной торговли и кооперации². Наиболее существенными оказались «бреши» в торговле сельскохозяйственными продуктами, обувью, бакалеей и галантереей, поскольку на долю частных предпринимателей в 1926/27 г. в городах, например, Новосибирского округа, приходилось соответственно 54,4, 30,1, 23,7% от общего оборота всей розничной торговли этими товарами³. Такой «уход» частных предпринимателей с рынка создал весьма существенные неудобства населению, ведь по данным бюджетного обследования 1927 г. по СССР около 40% всех приобретений рабочих делалось в частном секторе⁴. В бюджете рабочих Сибири доля покупок в частном секторе составляла 32%⁵.

Сетования на якобы плохую работу кооперации, не оправдавшую возлагавшиеся на нее в связи с прекращением деятельности частного капитала

¹ СССР. Год работы правительства: Материалы к отчету за 1927/28 г. М., 1929. С. 261.

² Самсонов В. Свертывание частной торговли в Сибири. ... С. 119, 121.

³ Рубцов Н. Товарооборот Новосибирского округа за 1926/27 г. // Жизнь Сибири. 1928. №1. С. 67.

⁴ Экономическая жизнь. 1927. 30 авг.

⁵ Советская Сибирь. 1929. 29 нояб.

надежды, содержащиеся во многих документах, лишены, на наш взгляд, веских оснований. Дело заключалось в том, что кооперативный сектор, как и государственный, оказался попросту не готов заменить «уходящий» частный капитал. Причины этого заключались не столько в недостатке средств у кооперации, сколько в ее неумении, да и невозможности сразу установить множество оборванных мгновенно хозяйственных связей, соединявших в предыдущие годы частный капитал с многочисленными потребителями, поставщиками, мелкими производителями, позволявших ему в силу этого проявлять невероятную гибкость, заполнять все возникающие пустоты рынка и производить с максимальной выгодой для себя.

Надо сказать, что конъюнктурное бюро западносибирского отделения плановой комиссии не раз указывало на нежелательность изъятия частной торговли из товарооборота края, мотивируя это неспособностью кооперации и госторговли заменить вытесняемого частного торговца и считая, что снижение общего физического объема товарной массы на рынке только усугубляется тем, что из торговли полностью выпал частный торговец, который в известной мере пополнял завоз товаров в край¹. Однако бюро незамедлительно поставили в вину приверженность к громановско-базаровской методологии – теории равновесия «профессорствующих вредителей-экономистов» и навесили ярлык апологетов частного капитала.

С закрытием частных промышленных предприятий значительно уменьшилось поступление на рынок товаров широкого потребления. Сложная ситуация сложилась, например, в 1928 г. на рынках Сибири в торговле кожтоварами и обувью. Воспользовавшись создавшимися в 1927 г. трудностями в насыщении рынка этими товарами, частные предприниматели начали активно скупать у крестьян кожи по ценам, на 30–40% превышающим государственные закупочные цены. Чистая прибыль при продаже готовой продукции из заготовленного таким образом сырья составляла при этом 100–120%². В то же время государственные кожевенные заводы начали испытывать острую нехватку сырья. После запрещения деятельности частных кожзаводов, как следовало из информации о конъюнктуре сибирского рынка, вследствие их закрытия с весны 1928 г. кожи и сыромять практически полностью перестали поступать на рынок³. Уход с рынка частных предприятий кожевенной отрасли промышленности, занимавших в 1926/27 г. около 40% в общем снабжении населения региона кожтоварами⁴, больно ударил по потребителю, а кожтовары превратились на ряд лет в остродефицитный товар.

Большие трудности в обмолоте зерновых вызвала выполненная чисто формально директива сибирского краевого торгового отдела исполкома о регулировании частного мукомоля. Межведомственные комиссии, на кото-

¹ Штерн И. Сибирская громановщина // Жизнь Сибири. 1931. №4. С. 3–5.

² Советская Сибирь. 1927. 11 февр.; Торгово-промышленная газета. 1927. 15 нояб.

³ ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 14.

⁴ ГАТО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 531. Л. 3об.

рые было возложено изъятие находившихся в аренде у частных лиц мельниц, совершенно не учитывали при этом экономического влияния этих мельниц на хлебный рынок, не пытались анализировать последствия их закрытия¹.

Как показали исследования возглавляемого Н.Д. Кондратьевым Научно-исследовательского конъюнктурного института, вытеснение частного капитала с легального рынка привело к переходу государственных средств из промышленного сектора в торговый. Это, в свою очередь вызвало существенный рост задолженности торговли, что в условиях недостаточного притока средств в кредитную систему вынуждало правительство прибегнуть к значительной эмиссии. Промышленность, торговля, кредитная система начали испытывать напряжение и финансовые затруднения². Таким образом, вытеснение частного капитала из экономики и его последующая ликвидация привели к серьезным нарушениям той системы зыбкого равновесия, которая начала складываться в хозяйстве к середине 20-х гг.

Самым губительным образом свертывание частного капитала сказалось и на кооперативном движении. Испытывая затруднения в финансовых средствах, сбыто-снабженческих операциях, кооперативы, преимущественно промысловые в Сибири, с самого начала своей деятельности вынуждены были тесно сотрудничать с частнокапиталистическими предпринимателями. По опубликованным в «Торгово-промышленной газете» данным, по СССР в 1926 г. участие частных предпринимателей в реализации готовой продукции промысловой кооперации составляло 31,6%, в снабжении последней сырьем – 36%³. Барнаульский промсоюз заготавливал через частных посредников 41,2% всего необходимого ему сырья, томский – сбывал через частных скупщиков 38,7% своей продукции. Около 20% артелей Сибири пользовались в 1926 г. кредитами частных лиц⁴. Поэтому официальное запрещение в 1927 г. кустарно-промысловой и инвалидной кооперации пользоваться услугами частных предпринимателей в качестве торговых агентов в области закупки сырья, материалов и готовых изделий, а также сбывать свои товары в какой бы то ни было форме на частный рынок и пользоваться кредитами обществ взаимного кредита, объединявшими частные капиталы, другие меры, направленные на уничтожение всяких связей частного капитала с кооперацией, поставили последнюю в чрезвычайно сложное положение. Невозможность легального сохранения действующего годами сотрудничества не могла не привести к искусственной задержке кооперативных процессов, вызвало глубокую их деформацию.

¹ Там же. Оп. 5. Д. 29. Л. 3.

² Вайнштейн А.А. Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. №11/12. С. 8.

³ Торгово-промышленная газета. 1927. 14 авг.

⁴ Коновалов В.В., Угроватов А.П. Борьба с нэпманской буржуазией в промысловой кооперации Сибири в годы построения фундамента социализма (1926-1932 гг.) // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX - XX вв. Новосибирск, 1980. С. 19.

По утверждению газеты «Экономическая жизнь», частный капитал на 80% работал с кустарем и при этом на 40-50% – с кооперированным кустарем¹. Результатом такого «внедрения» в кооперацию, как отмечал исследователь 1920-х гг. А. Фабричный, стало полное разложение кооперативных организаций и коррупция тех работников государственного аппарата, с которыми кооперативы приходили в соприкосновение². Подобная оценка, пожалуй, чересчур резка и отчасти, видимо, основана на убеждениях автора в необходимости решительно выкорчевывать вообще все частное, но тем не менее, действительно, сложно представить эффективность деятельности этих образований без пособничества государственного хозяйственного аппарата.

Так, в секретном письме заместителя председателя Сибирского крайисполкома, направленном в мае 1929 г. всем государственным и кооперативным торговым организациям Сибири, прямо указывалось на широкое распространение прямого укрывательства некоторыми работниками государственной и кооперативной торговли частных предпринимателей от налогового надзора, во-первых, из-за постоянной боязни остаться без поставщиков, а, во-вторых, нередко и по личным мотивам³. Сибторг, например, долгое время покровительствовал частному предпринимателю Мелькову, который, официально являясь его агентом, проводил широкомасштабные частные операции по продаже скота, скрывая их от налоговых органов⁴. Другому частному предпринимателю – Яренскому – рубцовское отделение Сибторга регулярно выдавало крупные кредиты и импортные вещи в целях заготовки им пушнины, что также скрывалось от налоговых органов⁵. Проведенная в 1929 г. рабочими проверка финансовых органов установила множество фактов недообложения частных торговцев и промышленников в Томске, Барнауле, отдельных налоговых участках Новосибирска⁶. Широкое распространение приобретала и выдача сибторгом фальшивых справок о своем аппарате, с помощью которых частные предприниматели получали полную свободу действий.

Ассимиляция вытесняемых из экономики предпринимателей и советских хозяйственников, объединение их интересов в условиях устанавливавшейся абсолютной монополии государства на собственность способствовали ускорению процесса трансформации партийно-хозяйственной номенклатуры в господствующий класс советского общества.

Свертывание легальной деятельности частного капитала в конце 1920-х гг., явившееся составной частью, по меткому выражению Л. Гордона и Э. Клопова, «деформированного обобществления или огосударствления эконо-

¹ Экономическая жизнь. 1927. 14 июля.

² Фабричный А. Частный капитал на пороге пятилетки. ... С. 21.

³ ГАНО. Ф. 253. Оп. 2. Д. 12. Л. 40.

⁴ ЦХАФАК. Ф. 4 П. Оп. 4. Д. 28. Л. 2.

⁵ Советская Сибирь. 1927. 16 февр.

⁶ Там же. 1930. 9 янв.

мики»¹, таким образом, усугубило дефицит на рынке товаров широкого потребления, породило скрытые чудовищные формы эксплуатации кустарей и ремесленников, дало мощный импульс развитию так называемой теневой экономики. В совокупности с широкомасштабной пропагандистской кампанией против всякой частной предпринимательской деятельности и инициативы эта государственная политика ликвидации капиталистических элементов в промышленности и торговле привела к глубоким изменениям массовой психологии. На многие годы вперед было обеспечено враждебное отношение к проявлению любых предпринимательских начал, основанных на личной материальной заинтересованности.

¹ Гордон Л., Клопов Э. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 216.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы возрождения частного капитала, его использования, вытеснения и ликвидации государством в Сибири в целом шли параллельно общесоюзным. Политика регулирования частного предпринимательства осуществлялась здесь на основе решений центральных партийных и государственных органов и имела те же направления. В основном совпадают и основные тенденции в развитии самого частнокапиталистического уклада, его функции и роль в восстановлении и развитии экономики. Однако особенности Сибири: низкая плотность населения, сравнительная малочисленность и редкая сеть городов, периферийное положение, небольшое по сравнению с Европейской Россией число торговых точек на душу населения в дореволюционный период, слабое развитие здесь промышленности, наличие богатейших природных ресурсов и другие – обусловили специфические черты в развитии в регионе частного капитала, его внутренней структуре, формировании здесь «новой» буржуазии.

Сопоставление динамики численности частной торговой сети СССР и Сибири позволяет заключить, что в первой половине 20-х гг. в Сибири наблюдались более резкие колебания в численности частной торговой сети (резкое падение в конце 1923/24 г. – первой половине 1924/25 г., подъем в 1925/26 г.), чем в СССР. Причина этому, очевидно, заключается в том, что основная масса сибирских частных магазинов была представлена мелкими предприятиями, и поэтому любое изменение в политике государства по отношению к частному капиталу автоматически приводило или к резкому росту их численности, или к полному разорению.

Этот вывод подтверждается сравнительной динамикой оборотов частной торговли. Хозяйственный кризис 1923/24 г., вызвавший сокращение оборотов союзной частной торговли уже в 1923/24 г., оказал менее существенное влияние на периферию, поскольку сибирские фирмы, сумев закупить большие партии товаров в центральном регионе, обеспечили стабильность оборотов своих частных предприятий, и значительное сокращение численности предприятий мало отразилось на оборотах местной частной торговли. Относительная стабильность и даже рост оборотов частной торговли в условиях кризиса 1923/24 г., также являвшиеся особенностью развития частой торговли в регионе, объяснялись и перемещением сюда частного капитала из центральных регионов страны.

Отличием частной торговли в Сибири, исходившим из слабого промышленного развития региона, являлась прямая ориентация в закупке промышленных товаров (мануфактуры и др.) на частные оптовые организации европейской территории страны, а после проведения государственной кампании по ликвидации частного опта – все более усиливавшаяся связь с местной кустарной промышленностью и сырьевыми промыслами. Благодаря последнему обстоятельству местной мелкой частной торговле удавалось обеспечить

относительную стабильность своих позиций в 1926/27 и 1927/28 гг., в период резкого сокращения численности и оборотов союзной частной торговли.

Типичное частное торговое предприятие Сибири по своим оборотам, масштабам деятельности, числу наемных работников было гораздо меньшим, чем в крупных городах европейской части страны. Несмотря на высокие в сибирской частной торговле накладные расходы более высокая скорость обращения капиталов в год обеспечивала ей вполне сопоставимые с общесоюзными темпы роста собственных средств.

Отраслевая специализация сибирской частной торговли определялась как близостью к источникам сырья и преимущественно аграрной специализацией региональной экономики, тесной связью с местной кустарной промышленностью, так и запросами населения. В большей степени здесь была развита торговля сельскохозяйственными пищевыми товарами (хлебом, мукой, мясом, птицей), составлявшая четверть всего оборота частной торговли; торговля текстильно-обувными товарами, занимавшая более 20% частноторгового оборота и почти 90% от общего числа торговых точек этой отрасли торговли; бакалейная торговля, на долю которой приходилось около 15% частноторгового оборота и более 70% от числа торговых предприятий данной отрасли торговли, а также содержание столовых, ресторанов, закусочных, постоянных дворов.

Сведения о динамике удельного веса частного сектора в общей торговой сети СССР и Сибири говорят о меньшем удельном весе сибирской частной торговли в общей численности торговых предприятий. Объясняется это в целом недостаточным в прошлом развитием в Сибири торговли как таковой, слабой преемственностью между дореволюционной и «новой» торговой буржуазией, а также прочными позициями местной кооперации, активной деятельностью многочисленных государственных торговых представительств. В этом отношении относительно высокий удельный вес «новой» буржуазии в составе населения городов Сибири по сравнению с городами СССР не показателен. Он являлся отражением специфики региона, где редкая по сравнению с другими территориями сеть городов обеспечивала городским предпринимателям большую сферу влияния.

Специализация частных промышленных предприятий в Сибири преимущественно обуславливалась рынком сырья. Поэтому приоритетное развитие в Сибири получили предприятия пищевой отрасли промышленности, а также кожевенные и табачные производства. Их продукция являлась существенным подспорьем рынку государственных товаров широкого потребления. Как и в целом по стране, основная масса частнокапиталистических промышленных предприятий была представлена мелкими заводами и мастерскими с небольшим количеством наемных рабочих. Широкому привлечению частного капитала в промышленное производство препятствовали недостаток средств, особенности налогового законодательства, а также возможность в условиях Сибири, богатой различными сырьевыми ресурсами, вложить имеющиеся средства в сырьевые операции и кустарные промыслы, дающие га-

рантированную прибыль, скрытую от государственных налоговых органов. Преобладающими здесь стали сырьевые операции по купле-продаже зерна, масла, кож, пушнины, в которых частные предприниматели успешно конкурировали с государственными и кооперативными заготовителями.

Сибирские материалы свидетельствуют, что реальная созидательная роль, которую к середине 20-х гг. играл частный бизнес в возрождении торговли, восстановлении экономики в целом, в совокупности с сосредоточенными в руках «новых» предпринимателей ценностями, частичным осознанием тождественности их интересов интересам создания «здоровой» экономики позволяют судить о частном предпринимательстве 20-х гг. XX века как о реальной основе и об одном из действенных источников дальнейшей модернизации, не использованных властью.

Проводимые в наши дни широкомасштабные преобразования, реабилитация частной собственности и обращение к прагматизму и здравому смыслу в экономической политике позволяют еще более отчетливо увидеть весь трагизм ситуации конца 1920-х гг. и понять, что путь цивилизованного развития связан с активным использованием частной инициативы и предприимчивости граждан, привлечением их накоплений в отечественную экономику. Опыт 20-х гг. XX века, впрочем, как и современный, свидетельствует, что для этого необходимы оптимальные с точки зрения экономической эффективности демонополизация и разгосударствление собственности, правовые гарантии предпринимательской деятельности, действенная система кредитно-налогового регулирования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. №9–10.
2. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
3. Ленин В.И. О продовольственном налоге (Значение новой экономической политике и ее условия) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
4. Ленин В.И. О внутренней и внешней политике республики: Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. // Там же. Т. 44.
5. Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта 1922 г. // Там же. Т. 45.
6. Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Антология экономической классики: В 2-х т. М., 1993. Т. 2.
7. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990.
8. Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991.
9. Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии // Сталин И.В. Соч. М., 1952. Т. 8.
10. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета 15 съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 г. // Там же. 1949. Т. 10.
11. Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Там же. 1949. Т. 12.

1. Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): Исторический очерк / Под ред. А.Н. Лариной. Барнаул, 1961.
2. Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. М., 1978.
3. Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX – начало XXI века: кол. монография / В.В. Земсков. Барнаул, 2010.
4. Бессолицын А.А. История российского предпринимательства. М., 2013.
5. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989.
6. «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: кол. монография / под ред. Р.А. Хазиева. Уфа, 2005.
7. Валентинов Н. (Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.

8. Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.) М., 1954.
9. Гимпельсон Е.Г. НЭп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.
10. Гинс Г.К. Предприниматель. М., 1992.
11. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991.
12. Гордон Л., Клопов Э. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-е– 40-е годы. М., 1989.
13. Горинов М.М. НЭп: поиски путей развития. М., 1990.
14. Грик Н.А. Советская экономическая политика в 1921–1933 гг.: критический анализ. Томск, 2002.
15. Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.
16. Демчик Е.В. Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа. Барнаул, 2018.
17. Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924 гг. М., 1971.
18. Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928 гг.) Томск, 1978.
19. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988.
20. Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в середине 20-х гг. М., 1996.
21. Жуков Ю.Н. Оборотная сторона нэпа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1928 гг. М., 2014.
22. Изменение социальной структуры советского общества (1921–середина 30-х годов). М., 1979.
23. Ильиных В.А. «Масляная война» 1923/1928 гг. в Сибири. Новосибирск, 1996.
24. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.
25. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010.
26. Корецкий Э.Б., Сохов А.А. Централизованное управление и хозяйственная свобода: концепции российских экономистов 20–50-х гг. Нальчик, 1997.
27. Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа. Саратов, 1994.
28. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989.
29. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929 гг. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
30. Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией. М., 1960.

31. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.) Новосибирск, 1984.
32. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.
33. Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974.
34. Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ. М., 1989.
35. Нэп в контексте исторического развития России XX века / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 2001.
36. Нэп: взгляд со стороны. М., 1991.
37. Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998.
38. Нэп: приобретения и потери. М., 1994.
39. Пайпс Р. Россия при большевиках / Пер. с англ. М., 1997.
40. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск, 2015.
41. Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М., 2002.
42. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2012.
43. Сметанин С.И. История предпринимательства в России. М., 2016.
44. СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): Исторические очерки. М., 1955.
45. Трифионов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Л., 1969.
46. Трифионов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
47. Чеберко Е.Ф. История предпринимательства. М., 2018.
48. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). М., 1997.

1. Ball Alan M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley-Los Angeles-London, 1987.
2. Ball Alan M. Private Trade and Traders during NEP // Russia in the Era of NEP. Indiana, 1991.
3. Car E.H. 1) The Bolshevik Revolution. 1917–1923. Vol. 1–3. London, 1950–1953; 2) The Interregnum. 1923–1924. London, 1956; 3) Socialism in one country. 1924–1926. Vol. 1–3. London. 1958–1964; Car E.H., Davies R.W. Foundation of a Planned Economy. 1926–1929. Vol. 1–3. London, 1969–1979.
4. Hughes J. Stalin, Siberia and the crisis of the new economic policy. New York, 1991;

5. Munching R. The economic development of the USSR. London, 1982.
6. Nove A. An Economic History of the USSR. England, 1969.
7. Pethybridge R. One step backwards two steps forward. Soviet Society and Politics in the New Economic Policy. Oxford, 1990.
8. Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinovich and R. Stites. Indiana, 1991.
9. **From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR / Ed. by R.W. Davies. London, 1990.**